

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ДОРЖИ БАНЗАРОВА

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

*Материалы международной научно-практической конференции
«II Январские исторические чтения, посвященные памяти
Юрия Петровича Шагдурова»*

(Улан-Удэ, 20 января 2022 г.)

Научный редактор
Н. С. Байкалов, кандидат исторических наук, доцент

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2022

УДК 63.3(0)
ББК 93:94
Н 766

Утверждено к печати
редакционно-издательским советом
Бурятского госуниверситета.
Протокол № 9 от 15.11.2022

Сборник размещен в системе РИНЦ
на платформе научной электронной библиотеки eLibrary.ru

Редакционная коллегия

А. В. Дамдинов, канд. ист. наук, ректор БГУ им. Д. Банзарова; *Н. Ням-Осор*, заслуженный педагог Монголии, д-р, проф., ректор международного университета «Их Засаг» им. Чингисхана; *В. В. Номогоева*, д-р ист. наук, доц., проректор по научно-исследовательской работе БГУ им. Д. Банзарова; *О. А. Убеева*, канд. ист. наук, доц., зав. кафедрой истории Бурятии БГУ им. Д. Банзарова; *И. Н. Шагдурова*, канд. ист. наук, доц. кафедры истории Бурятии БГУ им. Д. Банзарова

Рецензенты

С. В. Бураева, д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, начальник Музея ИМБТ СО РАН
И. Г. Аюшьева, канд. ист. наук, доц., зав. кафедрой истории и регионоведения стран Азии БГУ им. Д. Банзарова

Новые подходы к изучению региональной истории: материалы международной научно-практической конференции «II Январские исторические чтения, посвященные памяти Юрия Петровича Шагдурова» (Улан-Удэ, 20 января 2022 г.) / науч. ред. Н. С. Байкалов. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2022. — 166 с.

ISBN 978-5-9793-1800-4; DOI 10.18101/978-5-9793-1800-4-2022-1-166

Сборник содержит материалы международной научно-практической конференции «II Январские исторические чтения, посвященные памяти Юрия Петровича Шагдурова». Представлены работы, посвященные истории России, Казахстана и Монголии. Авторами рассмотрены новые подходы к изучению региональной истории. Рассмотрены социально-экономические аспекты развития региональных обществ, этнокультурные и историко-правовые традиции отдельных народов.

Сборник адресован специалистам и всем интересующимся различными аспектами изучения региональной истории.

New Approaches to the Study of Regional History: materials of the International scientific and practical conference "II January historical readings dedicated to the memory of Yuri Petrovich Shagdurov" (Ulan-Ude, January 20, 2022) / sci. ed. N. S. Baikalov. — Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2022. — 166 p.

ISBN 978-5-9793-1800-4

The collection contains materials of the International scientific-practical conference "II January historical readings dedicated to the memory of Yuri Petrovich Shagdurov". Works devoted to the history of Russia, Kazakhstan and Mongolia are presented. The authors consider new approaches to the study of regional history. The social and economic aspects of the development of regional societies, ethno-cultural and historical-legal traditions of individual peoples are considered.

The collection is intended for experts and a wide range of readers who are interested in various aspects of the study of regional history.

УДК 63.3(0)
ББК 93:94

ISBN 978-5-9793-1800-4

© Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

20 января 2022 г. состоялась международная научно-практическая конференция «II Январские исторические чтения, посвященные памяти Юрия Петровича Шагдурова». Организаторами научного форума выступили исторический факультет Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова (Россия, Улан-Удэ) и международный университет «Их Засаг» имени Чингисхана (Монголия, Улан-Батор).

В конференции приняли участие ученые-историки и обществоведы из России, Монголии, Казахстана, Австрии, Польши. Работа была организована по шести тематическим направлениям региональной истории, среди которых монголоведение, тюркология, бурятоведение; историография и источниковедение; национальная безопасность, геополитика, социально-политические процессы в регионах России; архивы и музеи как институты памяти; актуальные проблемы теории и методики обучения гуманитарным предметам в школе и вузе.

В 1922 г. Юрию Петровичу Шагдурову исполнилось бы 65 лет. Будучи выпускником отделения истории историко-филологического факультета БГПИ им. Д. Банзарова, он начал свой трудовой путь в родном вузе в 1988 г. с ассистента кафедры истории КПСС. В том же году молодой исследователь успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Массово-политическая работа партийных организаций Восточной Сибири на промышленных предприятиях в период между XXV и XXVI съездами КПСС».

Высокие организаторские способности, умение видеть перспективу, находить компромиссные решения и добиваться результатов определили динамичный темп всей жизни Юрия Петровича. В 1994 г. он был назначен деканом исторического факультета БГПИ им. Д. Банзарова. В 2000 г. Юрий Петрович перешел на должность руководителя филиала Бурятского государственного университета в г. Улан-Батор (Монголия). В 2003 г. вернулся из Монголии и был назначен на должность первого проректора БГУ.

Профессиональная жизнь Ю. П. Шагдурова — это яркое полотно событий, в которых он выступает одним из организаторов смелых научно-образовательных и общественно-политических проектов: создание Ассоциации молодых историков и общественно-научного центра «Сибирь»; участие в общественно-политическом движении «Образование и будущее»; открытие на историческом факультете БГУ новых направлений подготовки — «Юриспруденция», «Политология» и «Регионоведение»; получение государственной лицензии Министерства образования Монголии на образовательную деятельность филиала БГУ в Улан-Баторе и пр.

Юрий Петрович написал более 40 научных работ по истории религиозных конфессий Бурятии, общественно-политическому движению в республике, современным проблемам высшего образования. Из-под его пера вышли известные учебники и учебные пособия по истории Бурятии нового и новейшего времени.

В условиях трудностей, переживаемых страной на рубеже XX–XXI вв., Ю. П. Шагдуров проявил незаурядные способности по созданию новой модели вуза, сочетавшего академические традиции и инновационную образовательную среду. Юрий Петрович Шагдуров — это уникальная фигура в новейшей истории Бурятии, оставившая яркий след в отечественной историографии, историческом образовании, менеджменте высшей школы.

*Н. С. Байкалов,
канд. ист. наук, доцент кафедры истории Бурятии
БГУ им. Д. Банзарова*

ПРОБЛЕМЫ ТЮРКОЛОГИИ, МОНГОЛОВЕДЕНИЯ И БУРЯТОВЕДЕНИЯ В РЕГИОНАЛЬНОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Научная статья
УДК 94(571.54)

РОЛЬ СЕЛЕНГИНСКОЙ СТЕПНОЙ ДУМЫ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ И КУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ БУРЯТ

© Шагдурова Ирина Никитична

кандидат исторических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

irina_shagdurova@mail.ru

Аннотация. В данной статье автор рассматривает деятельность селенгинской степной думы, которая являлась главным органом самоуправления селенгинских бурят в XIX в. Селенгинская степная дума занималась сбором податей, исполнением повинностей, выполнением всех указаний областной администрации, а также развитием земледелия, образования. В статье подробно рассматривается деятельность тайшей Селенгинской степной думы. В результате исследования проведенного в данной статье автор приходит к выводу о том, что селенгинская степная дума сыграла огромную роль в экономическом, культурном развитии своего ведомства и являлась важным звеном в административно-политической системе края.

Ключевые слова: степная дума, тайша, инородные управы, родовые правления, родоначальник, род, ведомство, заседатель, буряты, лама.

Селенгинская степная дума была образована в 1825 г. дума располагалась в с. Иннокентьевском, находящемся в 45 верстах от г. Селенгинска. С 1825 по 1851 г. подчинялась официально Верхнеудинскому общему окружному управлению, но на практике ею распоряжались одновременно еще верхнеудинские окружной и земский суды. В 1833 г. степная дума пожаловалась на это в высшую местную администрацию – Иркутское губернское правление, которое подтвердило своим указом, подчиненность думы общему окружному управлению, а «лицам над теми управлениями начальства не имеющими, степная дума не подчиняется». С 1851 г. Селенгинская степная дума стала относиться к Селенгинскому округу образовавшейся Забайкальской области и подчиняться Селенгинскому исправнику [1, л. 6–7].

Первым главным тайшой Селенгинской думы с 1823 по 1836 гг. был сын тайши степной конторы Ломбоцырена Туртуева (1807–1822 гг.) – Юмдэлэк (Дамби-Жалсан), происходивший из бабай-хурамшинского рода. Вторым тайшой был Ниндак Вампилай (Вампилов), происходивший из атагановского рода (1836–1852). Третим тайшой был Жамбал-Доржо Буянтын из ользоновского рода (1852–1860). Четвертым тайшой был Дмитрий Минеев (крещеный) из булагатского рода готол (1860–1876). Пятым тайшой был Эрдэни Дансорунов из рода ашабагатов (1876–1882). Шестым тайшой был Дарма Михайлов из рода готол-

бумал (1882–1885). Седьмым тайшой был Сайнцак Юмов, представитель иройских харанутов (1885–1896). Последним тайшой был Вандан Жамбалтаров из рода атаганов (1896–1903). В бытность последнего главного тайши Вандана Жамбалтарова заседателями Селенгинской степной думы были: 1. Бату-Очир Жамбалдоржиев, 2. Жагдуржап Юмцунов, 3. Очир Данжиев, 4. Цыбикдоржи Цыренжапов, 5. Цыбик Бадмаев, 6. Даши-Дондок Рамданов, 7. Бадма Дампилов, 8. Гарма Дамбаев, 9. Григорий Минеев, 10. Ульзейту Замбалаев [2, л. 4].

Наибольшую известность получил тайша Юмдэлэк Ломбоцыренов, который был награжден правительственными наградами – шейной серебряной медалью, серебряным кортиком и являлся автором известных летописей селенгинских бурят. Позже он получил и неприглядную известность – по результатам ревизии контрольного отделения иркутской казенной палаты вместе с членами Селенгинской степной думы Сампилом Дылгыровым, Иринчином Ломбоцыреновым, Жамбалом Буинтуевым, Цыбиком Гамановым, Цыбиком Хасароевым, Цыбиком Юмовым, Гашином Тобоевым, Цыбиком Тулекуевым был уволен за растрату казенных средств. В конце 20-х годов Юмдэлэк Ломбоцыренов привлекался к судебной ответственности «за захват казенной и общественной суммы». Дольше всех Селенгинское ведомство возглавлял Ниндак Вампилов [3, л. 50–61].

Селенгинская степная дума, как и все другие, строго следила за тем, чтобы во всех родах вовремя назначались родовые головы и утверждала их в должности, как, например, по ходатайству иройско-харанутского рода, представленного в думу в 1835 г. В данном ходатайстве изложена весьма распространенная ситуация, которая повторялась во многих других родах. Так, в нем отмечалось: «В прошлом 1834 г. по смерти головы Джамбал-Доржи Гомбоева был избран нами из инородцев ясачный Цыдып Цыбенев и утвержден высшим начальством, который управлял должностью головы по настоящее время, ныне он по делам службы и обязанности своей: а равно и общественным, оказался не исполнительным, а также и дальше обществу бесполезным. Поэтому мы его в настоящей должности головы на следующее время не желаем, и потому как прямой наследник умершего головы нашего, родной сын его – Иринчин достиг совершеннолетних лет и по инородческому положению должен непременно наследовать должность отца его. Почему мы его Иринчина Доржиева единогласно желаем иметь в роде своем Головою, который по-монгольски читать и писать умеет, поведения хорошего, обществу полезен, и мы надеемся, что он должность головы может исправлять без упущения...» [4, л. 9–10]. По данному ходатайству дума утвердила Иринчина Доржиева родовым головой.

В ведении Селенгинской думы по отчету за 1894 г. находилось 22 родовых управления. Для решения текущих вопросов по ведомству всего были выбраны 22 родовых головы, 32 выборных, 84 старосты и их помощников, 2 сельских старосты. По ведомости «О народонаселении ведомства Селенгинской степной думы» этого же отчета значится: духовенства православного – 2 мужчин, 2 женщин; ламайского духовенства – 93 мужчин, 11 женщин; учителей – 2 мужчин, 2 женщины; потомственных почетных граждан, происходящих из обер-офицерских детей – 102 мужчин, 103 женщины; не включенных в ревизию – 199 мужчин, 107 женщин; оседлых и крещеных христиан 658 мужчин, 626 женщин; кочевых ламайского вероисповедания – 15732 мужчин, 15537 женщин; всего лиц

податного состояния 16589 мужчин, 16163 женщин. И всего в Селенгинском ведомстве было 16589 лиц мужского пола, 16270 – женского [5, л. 10].

В ведомстве Селенгинской степной думы по отчету за 1894 г. количество скота составляло: лошадей – 20218, рогатого скота – 24636, овец простых – 76484, овец тонкорунных не было, свиней – 172, коз – 19985, верблюдов – 21 [6, л. 12об].

В ведении Селенгинской степной думы по отчету за 1894 г. состояло: жилых общественных домов – 1, частных домов – 3158; помещений хлебных общественных магазинов – 57, сельских училищ – 1, лавок общественных – 6, кузниц – 72, мельниц – 30; юрт деревянных – 6947, юрт войлочных – 5343. [7, л. 12].

В функциональные обязанности Селенгинской степной думы, как и других дум, входила организация сельских экономических магазинов, куда закладывался запас хлеба для обеспечения населения семенным хлебом в неурожайные годы, а также выдача хлеба в ссуду. Этими магазинами заведовали избранные обществом люди. Контроль над их деятельностью осуществляли не только степная дума, но и судебные заседатели, Губернское управление, Губернатор Восточной Сибири. В случае необходимости Селенгинская степная дума обязана была выдавать хлеб населению, но только с разрешения вышестоящих инстанций. Как, например, в особом случае, отмеченном в выписке из журнала заседаний Присутствия Селенгинского Окружного Полицейского Управления от 3 августа 1898 г. за № 31: «Иноходец Селенгинской степной думы, 1-го Селенгинско-Харанутского рода, Аражалгонского десятка Сандык Мункуев сего числа представил в Полицейское Управление приговор с именным списком, постановленный 29 минувшего июля, о том, что инородцы названного десятка не имеют средств пропитывать свои семейства в виду того, что они в минувшем году лишились от чумы всего рогатого скота, почему помянутые инородцы ходатайствуют о выдаче им ссуды хлеба на пропитание в количестве 36 четвертей» [8, л. 63]. Полицейское управление разрешило выдачу хлеба, т. к. просимое количество не превышало четвертой части запасов магазина, установленных законом.

В ведении Селенгинской степной думы находились мукомольные мельницы, которые дума сдавала в оброчное содержание. Так, например, в 1845 г. эти мельницы были, как следует из документов, вблизи селения Торейского Боянхогутского отдельного общества на речке Торее – у комплектного ламы Чойрода Тугутова, у бывшего заседателя степной думы – Галсана Аранжилова, у казака Ширхаева и т. д. Также по контракту Селенгинская дума сдавала в оброчное содержание рыболовное Гусиное озеро, находящееся в отводе пяти родов инородцев, а именно: Булюнгутульского, Атаганова, Иройско-Харанутского, Подгородного, Хатаганова. В 1842 г. на один год озеро находилось у отставного чиновника Кяхтинского пограничного штаба Егора Кожевникова, в 1843–1845 гг. – у селенгинских купцов Старцева и Мельникова [9, л. 21–24].

Дума организовывала сдачу шерсти селенгинскими бурятами для Тельминской казенной суконной фабрики. В 1843 г. было сдано 1500 пудов рунной шерсти и 500 пудов – поярковой [10, л. 24–24об].

В самом начале 1840-х гг. на поселение в Селенгинск были направлены декабристы Константин Торсон и братья Михаил и Николай Бестужевы. Селенгинская степная дума обязана была ограждать их от неприятностей со стороны

местного населения и создавать условия для благоприятного проживания. Вышестоящее начальство не раз обращалось в думу по этим вопросам. Так, в 1841 г. селенгинский городничий Скорняков требовал от думы решения вопроса по поводу жалоб К. Торсона, что «...ведения оной думы бурят Беликто Бадлуев по данной ему доверенности от зайсана Цокто Горюгина взялся доставить ему – Торсону хлеба в зерне ярицы 200 пудов в первый день ноября и получил наперед все деньги за тот хлеб и в исправной доставке поручился за него зайсан Цокто Горюгин и как по настоящее время хлеба ему Торсону нисколько не поставлено, хоть за понуждением неоднократно были посылаемы от Торсона, но все безуспешно...» [11, л. 1–1об, 6–6об]. В марте 1841 г. тот же городничий пишет: «...Михайло Бестужев купил один зарод сена у селенгинского мещанина Наквасина на оброчной статье вверх по р. Чикою на сосновском острове. Желая приступить к вывозке, он сверх ожидания узнал, что купленное им сено уже вывезено и скормлено ламою Ишингеевым...» [12, л. 1–1об, 5–5об]. В 1843 г. Торсон жаловался, что ему не доставили по договору дрова, хотя деньги и были уже уплачены, потравили две десятины покоса, зарыли сделанную им водную канаву. В связи с этими жалобами городничий писал в Селенгинскую думу: «Я, сообразуясь с данной мне высочайше утвержденной инструкцией относящейся к делу государственных преступников, где постановлено мне в неперемнную обязанность защищать тех преступников от всякого обмана, и обид...» [13, л. 1–1об, 5–5об]. И далее идут указания по каждому конкретному случаю.

В ведении Селенгинской думы находилось одно бурятское приходское училище. Дума полностью содержала данное училище. Она выплачивала жалованье учителю, выделяла ему деньги на учебные пособия. Так, например, в январе 1833 г. учитель Круглов просил думу выделить ему 7 руб. 90 коп. на оплату учебных книг, присланных смотрителем Верхнеудинских училищ: российского букваря, чтения из Евангелия, краткого катехизиса со священной историей, а также просил думу принять меры для отправки детей в школу, так как инородцы не желали отдавать своих детей в приходские училища. Кроме содержания приходского училища в августе 1833 г. иркутским гражданским губернатором предписано было думе собирать ежегодный сбор до 600 рублей на содержание других сельских приходских училищ, а родоначальники 18 родов решили отдать еще восемь мальчиков для обучения в монголо-бурятскую школу в Троицкосавске [14, л. 12–13об]. В связи с необходимостью расширения учебных заведений в этом же году главный тайша предложил открыть частное училище при Гусиноозерском дацане для обучения мальчиков русской грамоте [15, л. 3]. Стараниями думы в ноябре 1862 г. число учеников в Селенгинском приходском училище увеличилось с 20 (по одному из каждого рода) до 53 мальчиков зажиточных инородцев с содержанием за свой счет или общественный [16, л. 2–3]. В 1864 г. Селенгинская дума добилась от селенгинских родов пожертвований 4 тыс. рублей серебром на открытие гимназии в Чите [17, л. 5–5об].

В 1860-е гг. земские органы поставили вопрос об обучении девочек. Так, в июле 1868 г. земский заседатель 2-го участка Селенгинского округа направил думе предписание об открытии при русских и бурятских приходских училищах классов для обучения девочек [18, л. 1–2об]. Этот вопрос дума обсуждала на общем собрании 2 августа 1868 г., где был составлен общественный приговор, ко-

торый хорошо демонстрирует состояние образования в ведомстве: «...мы хотя и желаем со своей стороны открыть при нашем бурятском приходском училище класс для обучения бурятских девочек, но в настоящее время встречаем затруднение, потому приходское училище наше и по обучению мальчиков находится без всяких средств и устройства, потому на содержание онаго назначалось досель только по 345 руб. 1 ½ коп. в год, а в настоящее время мы положили улучшить училище наше по обучению мальчиков посему для содержания училища положили ежегодно по 650 руб. Кроме того, учеников содержать при вновь выстроенном флигеле; на содержание учеников и флигеля – ежегодно по 1710 руб., всего на улучшение училища назначена сумма 2350 руб. в год, каковое количество денег ввели в сметное исчисление на будущий 1869 г., а потому и заключили просить высшее начальство об отсрочке назначения классов при нашем училище для обучения бурятских девочек впредь до улучшения нашего училища по быту и обучению мальчиков, так как в обучении девочек мы еще не имеем такой необходимости, как в мальчиках» [19, л. 4–4об].

Селенгинская степная дума в 1895 г. 22 октября на общем собрании ведомства добилаась принятия общественного приговора по случаю бракосочетания и воцарения Императора Николая 11 от инородцев Селенгинского ведомства собрать сумму в 250 рублей «без всякого с чьей-либо стороны вынуждения, но от искреннего своего желания» [20, л. 1–1об].

В 1897 г. Селенгинская степная дума в Читинское отделение государственного банка положила на хранение, пожертвованные в 1896 г. селенгинскими инородцами деньги на устройство в Селенгинском округе бесплатной больницы в память коронования Их Императорских Величеств, в ежегодный взнос за 1897 г. 155 рублей 15 коп. и за 1898 г. 147 рублей 49 копеек [21, л. 1–1об].

Дума занималась также исполнением всех предписаний вышестоящих административных органов. Так, по указанию начальства она занималась разбором семейных дел, подобных присланному 7 мая 1867 г. Селенгинским земским судом о разводе дочери ясачного Хатаганова рода Радны Гомбоева с ее малолетним мужем казаком 5-й сотни 5-го полка Жалсараном Мункуевым (12 лет) [22, л. 2-3]. В 1855 г. Сибирский отдел Русского географического общества направил своего сотрудника Давыдова для исследования древних курганов и насыпей, находящихся на территории Селенгинского ведомства и дума обязана была обеспечить ему «всякое содействие и помощь» [23, л. 4–6об]. В 1865 г. земский исправник предписывал думе о направлении 200 человек и 25 подвод на ремонт Кругобайкальской дороги [24, л. 1–3]. О неуклонном и своевременном исполнении всех дел непременно надо было докладывать начальству.

Селенгинская степная дума боролась с незаконной торговлей спиртных напитков, так, в 1847 г. за торговлю молочной водкой наложила штраф на бурята Атаганова рода Ц.Дабоева, а поскольку он был беден, то приняла решение – отдать его на год на работу к частным лицам для зарабатывания денег на уплату штрафа [25, л. 4-6об].

Селенгинская степная дума оказывала всяческую поддержку распространению буддизма в Забайкалье. Именно в ведомстве Селенгинской степной думы были построены известные дацаны: 1. Гуриноозерский, 2. Ацайский, 3. Джагустайский, 4. Янгажинский, 5. Цонгольский, 6. Кударинский, 7. Аракиретский,

8. Джидинский, 9. Гыгетуйский, 10. Сартольский, 11. Иройский, 12. Ичетуйский, 13. Бултурмурский, которые являлись центрами духовной культуры не только селенгинских бурят, но и всего Забайкалья. Особенно известным являлся Гусиноозерский (Хул-Норский) дацан, являвшийся главным центром буддийской религии в Бурятии, а его ширетуи-настоятели в основном избирались хамбо-ламами, т. е. главными ламами всех бурятских дацанов. Первые десять бандидо-хамболам являлись ламами дацанов (Гусиноозерского, Сонголо-Сартольского) селенгинских родов [26, с. 46].

Таким образом, Селенгинская степная дума выполняла многочисленные функции по управлению ведомством и являлась важным органом инородческого управления. В целом деятельность Селенгинской степной думы во многом способствовала экономическому, культурному развитию селенгинских бурят, несмотря на имевшиеся некоторые негативные моменты. Селенгинская степная дума была весьма необходимым звеном в административной системе края.

Источники и литература

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ.). Ф. 2 (Селенгинская степная дума). Оп. 2. Д. 2198. Л. 6–7.
2. ГАРБ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2198. Л. 4.
3. ГАРБ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 535. Л. 50–61.
4. ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1625. Л. 9–10.
5. ГАРБ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2056. Л. 10.
6. ГАРБ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2056. Л. 12об.
7. ГАРБ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2056. Л. 12.
8. ГАРБ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2224. Л. 63.
9. ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1301. Л. 21–24.
10. ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1062. Л. 24–24об.
11. ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 819. Л. 1–1об, 6–6об.
12. ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 815. Л. 1–1об, 5–5об.
13. ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 815. Л. 1–1об, 5–5об.
14. ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18. Л. 12–13об.
15. ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4034. Л. 3.
16. ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4034. Л. 2–3.
17. ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3424. Л. 5–5об.
18. ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3799. Л. 1–2об.
19. ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3799. Л. 4–4об.
20. ГАРБ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2046. Л. 1–1об.
21. ГАРБ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2264. Л. 1–1об.
22. ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3632. Л. 2–3.
23. ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1577. Л. 4–6об.
24. ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2441. Л. 1–3.
25. ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1577. Л. 4–6об.
26. Учение Будды в России. 250 лет институту Пандито Хамбо-лам. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2015. 186 с.

**ROLE OF SELENGINSK STEPPE DUMA
IN BURYAT HUSBANDRY AND CULTURE**

© **Irina N. Shagdurova**

Candidate of History, Associate Professor,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, 670000, Ulan-Ude, Smolin St., 24a
irina_shagdurova@mail.ru

Abstract. In this article, the author examines the activities of the Selenga Steppe Duma, which was the main body of self-government of the Selenga Buryats in the 19th century. The Selenga Steppe Duma was engaged in the collection of taxes, the execution of duties, the fulfillment of all instructions of the regional administration, as well as the development of agriculture and education. The article examines in detail the activities of the taisha of the Selenga steppe duma. As a result of the study conducted in this article, the author comes to the conclusion that the Selenga Steppe Duma played a huge role in the economic and cultural development of its department and was an important link in the administrative and political system of the region.

Keywords: Steppe Duma, taisha, foreign councils, tribal governments; founder, clan, department, assessor, Buryats, lama.

Научная статья
УДК 94(574)

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ БАЯНАУЛЬСКОГО ВНЕШНЕГО ОКРУГА

© **Кайруллина Айнур Канатовна**

PhD докторант кафедры истории Казахстана,
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
Казахстан, г. Астана
ainur1984_@mail.ru

© **Батталов Кайрат Канатович**

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Казахстана,
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
Казахстан, г. Астана
kairat.battalov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается история организации и деятельности Баянаульского внешнего округа, который сыграл очень важную роль в политической жизни Среднего жуза, просуществовав всего 35 лет. Дается анализ политическим событиям, которые связаны с данным историческим процессом.

Ключевые слова: административная реформа; устав; округ; волость; казахи; Средний жуз; Баянаульский внешний округ; окружной приказ; ага султан, генерал-губернаторство.

Изучение формирования института окружных и волостных управителей и их деятельность в первой и во второй половине XIX в. имеет большое значение для осмысления времени активизации колониальной политики Российской империи в казахских степях. В связи с политико-экономическим продвижением России вглубь на рубеже 20-х гг. XIX в. начинается новый этап в русско-казахских взаимоотношениях. Именно в данную эпоху произошли административные преобразования и создание ее единой структуры на территории Казахстана.

В процессе присоединения казахской степи к России царские власти провели административно-политические реформы, которые привели к отмене ханской власти и к введению новой системы управления. 28 июля 1821 г. для рассмотрения предложений М. М. Сперанского по реорганизации управления Сибирью был учрежден «Сибирский комитет», в заседаниях которого участвовали граф Кочубей, граф Гурьев, Аракчеев, Голицын, барон Кампенгаузен и М. М. Сперанский. В результате деятельности комитета в 1822 г. был принят специальный «Устав о сибирских киргизах», разработанный М. М. Сперанским, который с 1819 по 1921 гг. являлся генерал-губернатором Сибири [1, с. 93–109]. Основной задачей данного законодательства являлось установление территориальной определенности земель Среднего жуза и создание структурного административного аппарата.

В соответствии с реформой 1822 г. земли Среднего жуза вошли в состав Омской области, которая наряду с Тобольской и Томской губерниями вошла в со-

став Западной Сибири во главе с генерал-губернатором. Данная должность была введена 26 января 1822 г. [2, с. 59].

«Устав о сибирских киргизах» включал в себя десять глав, состоявших из 319 статей, которые регулировали различные стороны общественно-политической и экономической жизни казахов Средней орды. В первой главе данного устава освещались вопросы административного разделения [3, с. 417–433]. Согласно Уставу в Среднем жузе была отменена ханская власть и внедрена по степени соподчиненности трехзвенная административная система управления: окружное, волостное и аульное управление.

При этом, самым крупным административно-территориальной единицей был внешний округ. В уставе говорилось, что «каждый округ имеет определенные надлежащим разграничением земли, и жители другого округа не переходят на оные без точного позволения местного начальства» [4, с. 417–433].

Во время формирования округов власти учитывали родовой принцип расселения и за основу брали зимние кочевья, которые имели четкие территориальные границы. «Округи, преимущественно составляются, - определяет принцип образования административных единиц, из тех волостей, кои считаясь в одном роде или поколении, обвыкли уже быть совокупно, и из волостей им соседственных» [5, с. 93]. Из вышесказанного видно, что при разделении казахских земель Средней орды на округа, волости и аулы учитывалась традиционная общественная структура казахского населения, а казахи разделялись как на крупные так и на мелкие кочевые общины.

Был создан специальный управленческий орган – окружной приказ, который возглавлял старший (ага) султан. Компетенции ага султана приравнивались к компетенции земских чиновников. Все окружные приказы подчинялись Омскому областному начальству. В состав окружного приказа входили два заседателя из русских чиновников, назначаемых Омским областным начальством и два заседателя от знатных казахов, выбираемых биями и старшинами. Данные заседатели избирались сроком на два года, а старший султан – на три. В период работы на государственной службе ага султан имел чин майора и только после трех сроков честной и беспорочной службы имел право получить диплом дворянина Российской империи. Округ состоял из 12–15 волостей. Волости, которые возглавляли волостные управители составлялись из 10–12 аулов, объединявших 50–70 юрт.

С целью управления деятельностью окружных приказов 11 апреля 1824 г. Омское областное начальство разработало специальные «Правила». «Самое справедливое и внезапное взыскание по преступлениям, объясняют правила может устрашить киргизов и удалить надолго от того благоустройства, к которому их приближало правительство в течение нескольких лет», предупреждая, что окружные приказы созданы для того, чтобы управлять народом, еще не привыкшим подчиняться законам [6, с. 58].

Полицейские функции при окружном приказе исполняла казачья команда из 250 линейных казаков. За деятельность данной команды был ответственным русский заседатель окружного приказа.

На окружного приказа была возложена ответственность развития скотоводства на своей территории. И одна из главных задач окружного приказа внедрение земледелия среди казахского населения. По распоряжению генерал-губернатора

Западной Сибири казаки, снабженные семенами и необходимыми орудиями, обязывались заниматься хлебопашеством и данным примером воздействовать на местное население.

Необходимо отметить, что М. М. Сперанский, исследовав экономическое, социальное и политическое состояние казахского общества, создал систему управления, которая не только способствовала успешному продвижению колониальной политики российского правительства, но и которая соответствовала традиционной форме общественного устройства казахов.

Таким образом, в апреле 1824 г. началась организация нового административного деления на территории Среднего жуза и были открыты первые Каркаралинский и Кокчетавские округа, затем в 1831 г. Аягузский, в 1832 г. Акмолинский, в 1833 г. Баян-Аульский и Уч-булакский, в 1834 г. Кушмурунский и в 1844 г. Кокбектинский внешние округа [7, с. 310].

Интересен тот факт, что открытие Баянаульского внешнего округа не предусматривалось властями. Территория Баянаула в составе Туртугальской волости должна была войти в Каркаралинский внешний округ. Казахи, проживающие на территории Баянаульского региона под руководством авторитетного бия Шона Едигина выступили против вхождения в состав Каркаралинского округа. Основным препятствием к объединению явилась взаимная вражда родов. Племенные объединения, кочую на соседних территориях, не хотели входить в один округ и требовали раздельного устройства.

28 ноября 1825 г. Шон би в своем письме генерал-губернатору просил учредить в его кочевьях самостоятельное управление: «Вступая борьбу с ханской властью Букея Баракханова в 1816 г., мы организовали Туртугальский союз. Ядром его явились потомки четырех сыновей Суйюндука – Кульболды, Жанболды, Орманшы и Каржас. На сегодня в данный союз входят тринадцать родов – Басентин, Буронайман, часть родов Канжыгалы, Карпык, Тама и другие. Представители этих родов 332 бия, входящих в совет союза, единодушно избрали меня главным бием союза. Подведомственный мне народ состоит из 4300 аулов, и я уверен, что количество народа, подвластного представителям чингизидов, потомком ханов Абылая и Букея, по количеству не составит даже половины моего» [8, л. 2–3].

Таким образом, 14 февраля 1826 г. Шон би вручает подписку о согласии на открытие Баянаульского окружного приказа начальнику отряда Каркаралинского округа сотнику Карбышеву, в котором говорится: что «для спокойствия и мира нашего народа согласен на открытие окружного дивана при горе Баян-Ауле, желаю быть подданным милостивейшего государя и обязуюсь исполнять все его законы, не нарушать их, не совершать плохих дел и даже не думать об этом» [9, с. 156]. Данную подписку удостоверили своими печатями старшина Басентинского аула капитан Казангап Сатыбалдыуглы, старшина Канжыгалинского аула Утетулеу Тайпакуглы и старшина Жолоба-Кипчакского аула Аю Улжабайуглы за неимением печати поставил свою тамгу.

Весной 1830 г. для принятия присяги в регион приезжает подполковник Леденев, в отчете о результатах своей работы он пишет: «во главе с биями Шон, Шорман и другими родоначальниками, с согласия всего туртугальского населения они присягнули в верноподданство российскому правительству перед аль-

кораном, согласно обычаю. Приняли присягу: 1500 аулов Шона, в которых примерно 1500 кибиток, 125 аулов бия Шорман – 2000 кибиток, 430 аулов Казангапа – 4300 кибиток, еще всего 2095 аулов – 21700 кибиток» [10, с. 7].

Официальное открытие Баянаульского внешнего округа было 22 августа 1833 г. В состав округа вошли 14 волостей, состоящих из 149 аулов, это примерно 65 тысяч человек [11, л. 11].

Важно отметить, что процесс организации Баянаульского внешнего округа стало возможным Шон Бию и его огромному влиянию в степи. В своем труде «Киргиз-кайсаки Средней Орды» С. Б. Броневский дает следующую оценку Шону: «в должность старшего султана введен бий Шон Едигин, престарелый, но умный и благонамеренный, народом Туртугульских волостей любимый и имеющий влияние более, нежели полагать можно было» [12, с. 135].

Следует отметить, что по «Уставу о сибирских киргизах» ага султанами должны были избираться представители сословия торе, но в Баянаульском округе наперекор Уставу ага султаном был назначен представитель черной кости – Шон Би Едигеулы. Польский писатель Адольф Янушкевич в своей книге «Дневники и письма» пишет, что «Шон не был чингизидом, но является крупной фигурой в степи. Он настолько мудро, справедливо и деловито управлял своим народом, что ему завидовали даже ханы» [13, с. 244].

История открытия и деятельности Баянаульского внешнего округа тесно взаимосвязана с именами таких известных личностей в степи как Шон Едигин, Муса Шорманов и др. Они смогли доказать, что казахи могут управлять своей землей сами и изменили положение царского указа. В результате проводимой политики в разные годы Баянаульским округом управляли представители «черной кости». Самоотверженный труд и активная общественно-политическая деятельность Шон Едигина и Мусы Шорманова принесли положительные результаты для дальнейшего развития региона в условиях его вхождения в состав Российской империи.

Источники и литература

1. Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. Т. 1. С. 93–109.
2. Горбань Н. В. Обзор фонда Сибирского генерал-губернатора. Омск, 1959. С. 59.
3. Полное собрание законов Российской империи. Санкт-Петербург, 1830. Т. 38. С. 417–433.
4. Полное собрание законов Российской империи. Санкт-Петербург, 1830. Т. 38. С. 417–433.
5. Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. Т. 1. С. 93.
6. Абдрахманова Б. М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана, 1998. С. 137.
7. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений. Алма-Ата, 1985. Т. 2. С. 310.
8. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 338. Оп. 1. Д. 690. Л. 2–3.
9. Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. Т. 1. С. 156.

10. Исабаев К. Жерімізді қорғаған, елімізді есейткен батыр Шоң би // Сарыарқа самалы. 2002. 20 қыркүйек. 7б.
11. ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 452. Л. 11.
12. Красовский М. Область сибирских киргизов. Санкт-Петербург, 1868. 135 с.
13. Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Павлодар, 2006. С. 244.

HISTORICAL CONDITIONS AND FEATURES OF FORMATION BAYANAUL OUTER DISTRICT

© **Ainur Kairullina**

Doctoral Student,
History of Kazakhstan Department,
L. N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Kazakhstan
ainur1984_@mail.ru

© **Kairat Battalov**

Candidate of History, Associate Professor,
History of Kazakhstan Department,
L. N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Kazakhstan
kairat.battalov@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the history of the organization and activities of the Bayanaul outer district that had played a very important role in the political life of Middle Zhuz in the 19th century. An analysis is given of the political events that are associated with this historical process.

Keywords: administrative reform charter, district, parish, Kazakhs, Middle Zhuz, Bayanaul outer district, district order, aga sultan, Governor-General.

Научная статья
УДК 94(571.53)

**ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ М.Н. ХАНГАЛОВА
ПО ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1910–1911 ГГ.**

© **Хантакова Елизавета Николаевна**

доктор исторических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина 24а
paelizaveta@yandex.ru

© **Ангархаев Буда Балдынович**

аспирант,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина 24а
badachka95@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается экспедиционная деятельность Матвей Николаевича Хангалова в период 1910–1911 гг. по территории Иркутской губернии. В этой статье описываются традиционная культура, быт, приметы, и легенды бурятского народа описанный в дневниках М. Н. Хангалова. Производится анализ этнографических заметок этнографа и рассматриваются результаты этой экспедиции
Ключевые слова: М. Н. Хангалов; экспедиция; буряты; шаманизм; дневник.

Матвей Николаевич Хангалов один из видных научных деятелей рубежа XIX–XX вв. В его трудах хранится огромное количество информации, которая связана с историей бурятского народа. Всю свою жизнь он отдал научной и преподавательской деятельности. В свободное от учебного процесса в Бильчирском училище, в котором Матвей Николаевич являлся и заведующим, и учителем, он с головой уходил в науку. При каждом удобном случае Хангалов отправлялся в отдалённые бурятские улусы с целью подробно изучить традиционный быт бурятского народа. В этих этнографических экспедициях Хангалов занимался сбором экспонатов, касающихся быта и культуры бурят, понимая, что именно в отдалённых улусах сохранились предметы, которыми буряты пользовались издревле.

Жизнь бурят тесно связана с их скотоводческим образом жизни, при котором не забывались охота и рыболовство, что отражалось в быту в виде традиций, обрядов, поверий и легенд. Чтобы задокументировать эти этнографические наблюдения Хангалов каждодневно вел полевые дневники. В дневниках часто встречается легенды и поверья записные со слов бурят. В основном его респондентами становятся простые жители улуса, но в некоторых случаях респондентами становятся улигершины или сказители которые знали наизусть огромное количество бурятских сказок и легенд. В этом плане работа Хангалова была неопределима, так как улигершины передавали сказки в устной форме, из-за чего многие сказки могли быть утеряны. Старейшины родов, пожилые люди, которые были респондентами Хангалова, также рассказывали о шаманах и шаманизме. По мнению респондентов, эти таинственные люди со сверхъестественными силами,

являются посредниками между миром людей и духов. Старейшины делились рассказами о тайных обрядах поклонения различным божествам о различных поверьях и ритуалах. На некоторых обрядах Хангалову удалось даже побывать. Все, что видел, Матвей Николаевич записывал в свои дневники [3].

Этнографическая экспедиция Хангалова 1910–1911 гг. по Иркутской губернии, ставила перед собой такие же цели, как и другие экспедиции, сбор информации и экспонатов о культуре бурят. Большая работа была проделана для сохранения бурятского фольклора. Хангалов тщательно записывал бурятские сказки легенды, однако не всегда выделял должное внимание респонденту, в дневниках есть случаи, когда сказание передавалась подробно, досконально, но о передающем эту сказку человеке отсутствует какая-либо информация. Например, имеется запись о поговорке на бурятском языке, перевести ее на русский язык можно следующим образом «домашнего угощения лучше лесное угощение» [2]. Эту поговорку можно интерпретировать, так что еда в лесу становится вкуснее, чем дома. Такое часто можно встретить в наше время во время пикников или походов. Еда, которая готовится в полевых условиях, действительно, кажется вкуснее. Но стоит отметить, что, возможно, эта поговорка в начале XX в. имела и другой смысл и относилась к облавной охоте «Зэгэтэ аба». Там после удачной охоты мужчины трапезничали свежей дичью, которая была вкуснее из-за того, что была свежей. Так или иначе, нам неизвестно, кто предал эту поговорку Хангалову, возможно, это был кто-то из старейшин родов, некогда участвовавший в облавной охоте.

В экспедиции по Бильчирскому уезду Хангалов дополняет свою работу «Зэгэтэ аба» дополнительными рассказами от старожилы уезда. В одном из таких рассказов упоминается матриархальный строй [2] в некоторых бурятских родах, которые добывали пропитание путем охоты. В описываемом случае матриархат обусловлен длительным отсутствием мужчины на охоте. Женщина берет на себя ответственность за хозяйство в юрте. Хозяйка поддерживает порядок в юрте, воспитывает детей, готовит одежду и пропитание. В это время мужчина либо на охоте или дома готовится к охоте. Учитывая, что на хозяйку возлагается больше обязанностей, а мужчина долго отсутствует дома, то значимость женщины возрастает.

Основное направление в этой экспедиции занимал шаманизм. Хангалов продолжал собирать информацию о бурятском шаманизме, дополняя ее новыми фактами и новыми экспонатами. Экспедиции Хангалова всегда были успешными. В этом плане жители бурятских улусов с недоверием относились к ученым. Хангалов же был учёным из числа бурят, поэтому «своему человеку» буряты доверяли больше. Это помогало в изучении шаманских захоронений и тайных священных мест. Старожилы улусов делились древними легендами о шаманах. В некоторых случаях рассказы были шокирующие, будто шаманы могли отделять части тела, в том числе и голову, и чувствовать себя, как ни в чем не бывало. Шаманы также могли превратиться в какое-либо животное, птицу [4]. Также старожилы отмечали, что в старые времена шаманы были куда «сильнее нынешних». Вместе с этим они также отмечали, что современное поколение скептически относится к шаманским обрядам, в результате чего эти обряды проходят не в полной мере, часть обряда теряется, часть искажается. Тем не менее, Хангалову

удалось собрать много информации по шаманскому мировоззрению. В дневнике записан текст древнего шаманского гимна [2]. Этот старинный гимн записан со слов старика, который с любовью вспоминал старые времена и жаловался, что «нынешние шаманы совсем забыли старинные предания прежних сильных шаманов и шаманок» [2]. По мнению Хангалова, представленный гимн состоит из отрывков и возможно между ними отсутствует логическая связь, но и требовать от старика чего-то большего было довольно сложно [2]. В данном гимне по содержанию были запутаны охотничий и скотоводческие периоды. Для полного понимания содержания этого гимна необходимо быть знакомым с данными периодами и, кроме того, со старинными шаманскими приданиями. Можно допустить, что этот гимн не шаманский, и его можно причислить к произведениям народного творчества. Такие произведения часто встречаются в народе, взятые из разных старинных народных преданий и шаманских легенд.

Старожилы также делились рассказами о статусе шаманов во времена «зэгэтэ-аба». Шаманы тогда обладали абсолютной властью. Верховный шаман и глава охотничьей общины являлся единовластным жрецом и избранником божеств. Он проводил религиозные обряды и также управлял большой общиной «зэгэтэ-аба» [4]. Хангалов также собрал некоторую информацию о едином божестве тэнгэри. Из разных преданий, сказаний и разговоров со старожилами видно, что прежде время буряты верили в лучезарное «тэнгэри» [2], который является единым божеством, а все другие подчинялись ему. Противоположный этому доброму, лучезарному божеству «тэнгэри» было другое божество, которое находилось на восточном небе. Это злое и черное божество восточное «тэнгэри», которое всем людям делает зло и посылает болезни. Все остальные злые духи подчиняются ему. Однако упоминается, что когда-то добрый и злой тэнгэри составляли одно доброе и лучезарное божество «тэнгэри».

Из всего выше сказанного можно предположить, что в древности, во времена большой общинной охоты «зэгэтэ-аба» верховный жрец-шаман единовластно управлял своими охотниками и был единовластным духовным лицом и управителем, а все остальные шаманы подчинялись ему. Шаман, как единовластное лицо большой общины «зэгэтэ-аба», проповедовал единое божество в лице высокого и лучезарного «тэнгэри», которому все остальные божества подчиняются. Из слов старейшин, пожилых шаманов, из разных народных преданий, поверий и религиозных обрядов видно, что в период большого общинного «зэгэтэ-аба» верховный жрец единовластно управляет охотниками и рассказывал им о существовании единого доброго божества «тэнгэри», которого олицетворяли в видимом высоком небе. Этому единому высокому божеству «тэнгэри» подчинялись все другие добрые божества и духи. Противоположным дневному небу представлялось злое божество, которое олицетворяло черное ночное небо. Ему подчинялись все другие злые божества и духи. Таким образом, у древних бурят появилось дневное видимое небо как единое божество и ночное небо как злое божество.

После того как большинство бурятских общин перешли с охоты и рыболовства на скотоводство, наступает период большого общинного скотоводства, где все еще поддерживалось понятие о едином божестве «тэнгэри». Однако, после перехода с большого общинного скотоводства в малые родовые типы скотовод-

ства, шаманы окончательно теряют власть над общиной и подчиняются родовым начальникам. Следом за этим меняется и мировоззрение: вместо одного единого божества появляются родовые «тэнгэри», божества и хаты [2].

Хангалову удалось собрать информацию и об онгонах, которые играли роль хранителей, защищали от злых духов. Онгоны подразделяются по типу и функциям. Были онгоны которые защищали юрту, другие же защищали домашний скот и т. д. Также они могли быть выполнены из самого разного материала. На онгонах из железа делают человеческую фигурку, которую крепят на них; эти железные человеческие фигурки называются «сулду» (душа) [5, с. 292]. Когда «онгон» изготовлен по обычаю религиозного обряда из нужного материала, тогда проводят религиозный обряд «амилхе» (оживление). Таким образом, «онгон» делали живым.

Полевые экспедиции Хангалова сыграли важную роль в изучении культуры бурят проживающих в Иркутской губернии, их религиозных представлениях. Результаты этнографических экспедиций Хангалова хранятся в Бурятском научном центре, Национальном музее Республики Бурятия, Иркутском областном краеведческом музее и в Государственном архиве Иркутской области [1, с. 190].

М. Н. Хангалов внес огромный вклад в изучении бурятской культуры. С юных лет Хангалову было легко и интересно изучать культуру народа. И в дальнейшем эта энергия не иссякнет. В изучении традиционной культуры бурят М. Н. Хангалов прекрасно пользовался возможностью изучать культуру в непосредственной близости. Знание языка и традиций бурят позволил ученому добраться до самых потаенных уголков Иркутской губернии.

Источники и литература

1. Дамбуева И. А. Творческое наследие М. Н. Хангалова в архивных фондах г. Иркутска и Улан-Удэ // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 1 (84). С. 190–194.
2. Дневник № 12, 3-я часть за 1910–1911 гг. М. Н. Хангалова. Записи личные с июня 1910 г. по ноябрь 1911 г. с. Бильчир Иркутской губернии, 1910–1911 гг. // Национальный музей Республики Бурятия. ед. хр. ОФ-4137.
3. Палхаева Е. Н., Паликова Т. В., Митупов К. Б.-М. Дневники Хангалова М. Н. — ценный исторический источник по изучению истории прибайкальских бурят начала XX в. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2021. № 3 (45). С. 125–131.
4. Хангалов М. Н. Собрание сочинений: в 3 т. // под ред. Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ. 2004. Т. I. 292 с.
5. Хангалов М. Н. Собрание сочинений: в 3 т. / М. Н. Хангалов // под ред. Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ, 2004. Т. II. 312 с.

**ETHNOGRAPHIC EXPEDITION M.N. KHANGALOV
IN THE IRKUTSK PROVINCE IN 1910-1911**

© **Elizaveta N. Khantakova**

Doctor of History, Associate Professor,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
670000, Russia, Ulan-Ude, Smolin St., 24a
palelizaveta@yandex.ru

© **Buda B. Angarkhaev**

Graduate Student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
670000, Russia, Ulan-Ude, Smolin St., 24a
badachka95@mail.ru

Abstract. This article discusses the expeditionary activities of Matvei Nikolaevich Khangalov in the period 1910-1911. on the territory of the Irkutsk province. This article describes the traditional culture, life, signs, and legends of the Buryat people described in the diaries of M.N. Khangalova. The ethnographic notes of the ethnographer are analyzed and the results of this expedition are considered.

Keywords: Khangalov; expedition; Buryats; shamanism; diary.

Научная статья
УДК 398(=512.31)

ИСТОКИ ЖАНРА АНЕКДОТА В БУРЯТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

© Санжитова Оксана Гомбоевна

консультант отдела воспитания и дополнительного образования,
Министерство образования и науки Республики Бурятия
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Коммунистическая, 49
aryuna80.80@mail.com

Аннотация. В статье исследуются жанровые особенности бурятских анекдотов в сказочной традиции бурят. Особое внимание уделяется поиску следов индийского, тибетского, китайского, монгольского фольклора. Автор отмечает, что традиция бурятского устного бытования выдвигала свои требования к объему рассказываемых историй, их структурированию, а также установку, имеющую популяризаторский характер – на занимательность, развлекательность, в рамках которой важное значение приобретал юмор и смех.

Ключевые слова: анекдот; поэтика жанра; сказочная традиция; сюжет; «обрамленные повести»; фольклор; юмор.

Исследование жанра бурятского анекдота невозможно без обращения к его истокам, которые коренятся в богатейшей сказочной традиции бурят. Жанр сказки в бурятском фольклоре представлен широко и многогранно, его разновидности: сказки о животных, волшебная, бытовая, сатирическая и т. д. демонстрируют как идейно-тематическое многообразие, так и вариативность сюжетно-композиционных структур. Сохранность традиции устного бытования сказок вплоть до недавних времен позволила фольклористам-бурятоведам зафиксировать различные варианты одних и тех же сюжетов, что также показывает исключительно важное значение этой художественной и жанровой традиции в культуре бурят. В недрах этого жанра, в его историческом развитии также выявляется его связь с анекдотическим повествованием, которое зарождается как элемент структуры.

Как известно, «... у каждого жанра в фольклоре существует фонд своих приемов и принципов» [1, с. 114]. В фонде приемов и принципов бурятского анекдота наряду с общими и характерными для анекдотов других народов чертами выделяются специфические, обусловленные национальной традицией, которые необходимо проследить и выявить, в том числе и в жанре сказки. Общеизвестен факт развитости повествовательной традиции именно в плане многообразия и искусства сюжетного построения на Востоке в целом. Закономерно в таком контексте зарождение сюжетных форм анекдотического плана с их парадоксальностью, лаконичностью еще в глубокой древности, например, четко прослеживаются и выявляются в традиции древнеиндийской «обрамленной повести», которая получила свое дальнейшее развитие и в культуре монгольских народов.

В статье «О монголо-бурятских «обрамленных повестях» А. Б. Соктоев отмечает: «Особая притягательность указанных восточных сборников во многом объясняется еще и тем, что они содержат в своих рассказах массу занимательных

историй, имеющих познавательную и художественную ценность, немало эффектных шуток, острых и смешных анекдотов, забавных случаев и происшествий. В одной «Панчатантре», например, анекдотических рассказов содержится около 16, в том числе 4 из них – это рассказы о дураках и мошенниках. В «Шэдитэхэгуре», «Сказании о Бигармижиде-хане», «АрджиБурджи», «Комментарии Лувсанчултэма к «Эрдэнийн сан Субашид», комментарии Ринчена Номтоева к «Капле рашияны» – изобилие различных занимательных историй из купеческой и народной жизни, а также любовных мотивов сказочного, новеллистического и анекдотического характера» [2, с. 130]. Исследователь выделяет в составе этих повестей мотивы анекдотического характера, что позволяет нам четко проследить и определять истоки исследуемого жанра. Общее же значение этой традиции в жанрообразовании определялось уже исследователями: «Комплекс приемов, составляющих «обрамленную повесть», или отдельные ее элементы, на протяжении столетий участвовал в формировании фольклорных или литературных жанров прозы – от простейших сказочно-фантастических и этико-дидактических до сложнейших эпических форм, включая сюда разные типы и жанры реалистического романа, психологической, бытовой, философской новеллы, рассказа, повести и т. д.» [3, с. 27].

При обращении к этой художественной традиции необходимо учитывать аксиологический аспект в процессе жанрообразования, общие установки, сформировавшиеся в культуре Востока, в частности, назидательность и развлекательность. Именно с учетом этих магистральных линий художественного сознания необходимо искать сюжетные основы анекдота, а также смеховую коммуникативную направленность данного жанра. «Мы вправе говорить, например, о типологии образов, мотивов, сюжетов, художественных средств, о типологии жанров и жанровых разновидностей, о типологии фольклорных процессов и типологии принципов отношения фольклора к действительности, шире о типологии фольклорного сознания. Типологические отношения могут носить характер тождества (совпадений и даже системных совпадений), аналогий, параллелей, очевидного сходства» [4, с. 3–4]. Исследование типологических черт необходимо при выявлении закономерностей жанрообразования, которое происходит в процессе не только в рамках локального развития фольклорного сознания отдельного народа, но и в тесном сосуществовании разных народов, в процессе межкультурных контактов. Необходимость учета этого фактора в исследовании жанра сказки намечена и обоснована методологически в фольклористике. Уже на этом этапе выделяется сложность выделения одной национальной художественной традиции, говорить о ней проблематично, тем более что «международный характер имеют сюжеты очень многих известных нам европейских и азиатских сказок – волшебных, животных, новеллистических и анекдотических» [5, с. 435–444].

Именно при определении разных этапов функционирования и особенностей бытования того или иного сюжета, при выявлении его устойчивости, повторов, вариативности определяется специфика национального фольклора. Особенность же бурятского фольклора, в частности, бытования такого его популярного жанра, как сказки, не только в определении и наличии истоков, уходящих в глубокую древность, но и в развитии и обогащении их. Этот процесс отмечает известный исследователь бурятских сказок Е.В. Баранникова: «Репертуар бурятских народ-

ных сказок значительно обогатился многими мотивами, а в иных случаях целыми сюжетами из известных памятников старомонгольской письменности, восходящим во многом к памятникам индийской словесности. Это прежде всего «Шэдитэхүүр» (Волшебный мертвец), «Панчатантра», «Үльгэрүүндалай» (Море притч), рассказы об АрджиБурджи-хане» и др. Обретя новую жизнь в устном бытовании, они подвергались художественной переработке соответственно нормам и законам бурятского сказочного жанра [6, с. 7–31].

Исследователи отмечают сложность самого пути и процесса переосмысления сюжетов из памятников индийской словесности, влияние шло через тибетскую литературу. Есть своя диалектика в самом процессе бытования этой художественной традиции – это диалектика взаимодействия фольклора и литературы, трансформации устного эпоса народов Востока в буддийской тибетской литературе; переосмысление религиозной литературы в старомонгольской письменности и устном творчестве монгольских народов, также при формировании светской литературы на новом этапе жизнь все тех же сюжетов на новой исторической почве.

В русле нашего исследования жанра бурятского анекдота необходимо проследить коммуникативную направленность: смену назидательной поучительной направленности установкой на развлекательность. На первый взгляд, юмористическое начало, смеховые моменты напрямую связаны со второй установкой и предстают как элементы развлекательности, но в этом процессе следует отметить следующий момент, а именно процесс демократизации, расширения информационно-коммуникативного поля, который закономерен при переходе от письменного фиксированного авторского сознания, какое представляет литература к широким массам населения. Этот момент важен для нашего исследования в том плане, что анекдот представляет собой и оформляется как жанр, отражающий массовое сознание, устное бытование определяет четкую коммуникативную направленность, учет воспринимающего сознания, возникающее в начале своеобразное диалогическое поле, в котором будет определять идеологическая картина мира в русле осознания повседневной-бытовой жизни. Движение в этом направлении прослеживается в историческом процессе освоения индийского сказочного фонда в культуре монгольских народов.

«Стремление к популяризации буддийского учения заставляло передовые, культурные слои ламства сознательно допускать возможность привнесения в строго регламентированную, каноническую религиозную литературу некоторых элементов развлекательности» [2, с. 66]. Учет аксиологического плана в жанрообразовании фольклора важен постольку, поскольку в этом процессе оформляются структурные черты жанров. В аспекте изучения бытования анекдота важно определить процесс обратного циклизации, а именно, раздробление крупных памятников на части и начало автономного существования более мелких локальных образований, то есть для определения формирования поэтики краткости, столь важной и можно сказать, ключевой для анекдота, необходимо определить закономерности и логику ее сложения.

Как отмечает ученый-индолог П. А. Гринцер, «какой бы сборник мы ни взяли, его, прежде всего, отличает общая повествовательная рамка, в которую искусно вставлены большие или маленькие эпизоды, не имеющие к ней прямого

отношения» [7, с. 110]. Рама – предваряющая разнородные рассказы в обрамленных повестях выполняла как сюжетно-композиционную, так и идейно-художественную функцию, в частности, изначально она содержала и задавала всему повествованию назидательно-поучающую линию.

Как известно, уже в самих индийских источниках происходил процесс отхода от установки, заданной в обрамляющей истории, сама стихия живой и пестрой жизни обуславливала смещение акцентов, рама начинала выполнять, прежде всего, композиционную функцию. Следует отметить особенности коммуникации, задаваемые жанром «обрамленных повестей» в следующем моменте: «структурно-композиционная специфика жанра предполагала особую роль рассказчика, предусматривая смену одного рассказчика другим, что уже на ранних стадиях существования этого жанра не только создавало предпосылки перекрестной характеристики событий и действующих лиц, но и таило опасность статики, ибо событие, какой бы значимости оно ни было, не происходило, но неизменно рассказывалось» [3, с. 25].

Сама форма подачи события для жанра имеет существенное значение, в частности, в исследуемом нами анекдоте событие показывается по принципу драматизации, акцент делается на том, что происходит, рассказчик не дает установок восприятия, так как участникам коммуникации при рассказывании 37 анекдота ясна из контекста ситуации ведущая роль смеховой реакции на рассказываемое; так как эта реакция естественная, она должна возникать спонтанно в момент осознания содержания анекдота воспринимающим, она не может разъясняться, или комментироваться рассказчиком, который не может исключить роли самостоятельной эмоционально-рецептивной деятельности слушателя. В этом и состоит демократизирующая сущность жанра анекдота: в относительном равноправии собеседников в диалоге – в коммуникативной направленности жанра, следовательно, относительно других жанров несказочной прозы роль рассказчика в процессе сказывания анекдота не может быть доминирующей изначально, хотя, конечно, учитывая драматический принцип – действие происходит «здесь и сейчас» артистические способности рассказчика востребованы, но это невербальный уровень общения. Образ же рассказчика всегда находит словесное оформление. Динамика жанра анекдота, таким образом, определяется во многом самой ситуацией коммуникации. Для формирования такой динамики существенен процесс утраты авторитетного доминирующего рассказчика. В истории формирования жанра намечается уже на этапе распространения «обрамленных повестей», из которых впоследствии выделятся некоторые сюжеты в самостоятельные произведения – отдельные сказки.

В работах исследователей при характеристике «обрамленных повестей», зафиксированных на старомонгольской письменности, и их трансформации имеется такое их определение как «фольклорно-литературных» произведений: «Вместо буддийского сочинения на тему, как людям следует искупать свои грехи при нынешнем рождении, сборник «Волшебный мертвец» стал одним из памятников фольклорно-литературного эпоса монголоязычных народов» [2, с. 76].

Как известно, в фольклористике «факт бытования позволяет устанавливать прямую зависимость художественных чувств или идей от порождающей их основы – повседневной жизни людей» [1, с. 97].

В бурятской сказке «можно найти следы индийского, тибетского, китайского, монгольского фольклора, которые на бурятской почве приобретали иные черты и новое содержание» [8, с. 108-122]. В процессе освоения индийских сюжетов в жанре «обрамленных» повестей тибетской, а затем и монгольской литературой нужды и потребности повседневной жизни определяли востребованность жанра сказок в первую очередь традиция устного бытования выдвигала свои требования к объему рассказываемых историй, их структурированию, а также установку, имеющую популяризаторский характер – на занимательность, развлекательность, в рамках которой важное значение приобретал юмор и смех.

Литература

1. Аникин В. П. Теория фольклора: Курс лекций. Москва: КДУ, 2004. 432 с.
2. Соктоев А. Б. О монголо-бурятских «обрамленных повестях» // Бурятская литература. Сб. ст. труды. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1972. Вып. 6. 198 с.
3. Османова З. Г. Встречи и преображения. Поэтика повествовательных жанров в контексте взаимосвязей национальных литератур. Москва: Наследие, 1993. 232 с.
4. Путилов Б. Н. Заметки об историко-типологическом изучении фольклора // Вопросы поэтики литературы и фольклора. Воронеж: Издво Воронеж. ун-та, 1976. 352 с.
5. Жирмунский В. М. К вопросу о международных сказочных сюжетах // Фольклор Запада и Востока. Москва: Изд-во ОГИ, 2004. 464 с.
6. Баранникова Е. В. О бурятских народных сказках // Бурятские народные сказки. Волшебно-фантастические. Улан-Удэ: Бурят.кн. изд-во, 1973. 462 с.
7. Гринцер П. А. Древнеиндийская проза (Обрамленная повесть). Москва, 1963. 268 с.
8. Баяртуев Б. Д. Трансформация мотивов «Панчатантры» в устном народном творчестве бурят // Типология традиционных жанров фольклора. Улан-Удэ: БНЦ СО АН СССР, 1989. 151 с.

ORIGINS OF THE JOKE GENRE IN BURYAT FOLKLORE

© **Oksana G. Sanzhitova**

Consultant of the Department of Upbringing and Additional Education,
Ministry of Education and Science of the Republic of Buryatia
670000, Ulan-Ude, Communist st., 49
aryuna80.80@mail.com

Abstract. The genre features of the Buryat anecdotes in the fairy tale tradition of the Buryats are studied. Particular attention is paid to the search for traces of Indian, Tibetan, Chinese, Mongolian folklore. The author notes that the tradition of the Buryat oral existence put forward its own requirements for the volume of stories told, their structuring, as well as the installation, which has a popularizing character — for entertaining, entertaining, within which humor and laughter became important.

Keywords: anecdote; genre poetics; fairy tradition; plot; "framed stories"; folklore; humor.

Научная статья
УДК 930.2 (5-015)

ОТРАЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В МАТЕРИАЛАХ ЭКСПЕДИЦИЙ Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО

© Алёшкина Кристина Владимировна

магистрант,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

kristi777al@gmail.com

Аннотация. В статье на основе анализа трудов Н. М. Пржевальского представлены особенности религиозной жизни народов Центральной Азии. Особое внимание уделяется обзору историографии. Автор приходит к выводу, что отсутствуют работы, в которых бы целенаправленно освещался вклад Пржевальского в изучении различных аспектов этнографии. В результате исследования установлено, что ученый собрал обширный материал о разных сторонах религиозных верований народов, в частности, о разновидностях религиозных верований, исполнении обряда богослужения, разновидностях мест богослужения, атрибутах религиозных обрядов, роли священнослужителей в жизни народов, различных суевериях, а также о легендах, свидетельствующих о существовании у этносов региона религиозных реликвий.

Ключевые слова: буддизм; ислам; шаманизм; суеверие; таримцы; мачинцы; голыки; тибетцы; монголы.

К оценке деятельности Н. М. Пржевальского по изучению Центральной Азии неоднократно обращались ученые разных поколений. Фундаментальными являются работы дореволюционного периода, представленные такими авторами как Н. Ф. Дубровин, М. А. Лялина, М. А. Энгельгардт, П. П. Семёнов-Тян-Шанский, А. В. Зеленин, П. К. Козлов и др. В советский период его биография была представлена в работах Л. С. Берга, П. А. Аренского, В. А. Обручева, С. Н. Маркова, Н. М. Каратаева, С. Хмельницкого, в коллективном труде к 100-летию со дня рождения, а также в Известиях Всесоюзного Географического Общества. В постсоветский период следует выделить работы Л. Б. Репина, Б. В. Юсова и Е. П. Гавриленковой.

В них широко и разносторонне освещены результаты его деятельности по изучению разных сторон природы и географии Центральной Азии, в то время как этнографии народов региона внимания уделено крайне недостаточно. На восполнение этого недостатка, в частности, их религиозных верований, посвящена статья.

Источниками информации в рассматриваемом отношении послужили труды Н. М. Пржевальского, составленные им после каждой экспедиции в Центральную Азию. По своей сути они представляют собой отчеты, в содержащие сведения по различным областям научного знания, которые удалось собрать исследователю. Необходимо отметить, что сбор этнографического материала не являлся главной задачей экспедиции, он проводился нерегулярно и во многом зависел от предрасположенности местного населения. Тем не менее Пржевальскому удалось собрать определенный объем материала по этнографии разных народов региона по пути следования экспедиции.

Религиозные верования народов, согласно сведениям ученого, относились к следующим видам – буддизму, исламу и шаманизму. Кроме того, буддизм был представлен двумя его разновидностями – красным и жёлтым. По наблюдениям Пржевальского, приверженцами первой разновидности были следующие этносы – голыки [1, с. 238–239], ёграи и тибетцы [1, с. 258], а второй – хара-тангуты [1, с. 345–346]. Ислам исповедовали тюркоязычные народы. Ислам, в свою очередь, тоже имел разновидности. Например, Пржевальский зафиксировал, что такие народы как лобнорцы, таримцы и мачинцы являлись представителями ветви суннизм [2, с. 313–314, 430–431, 456].

Н. М. Пржевальский достаточно подробно описал обряд богослужения в буддизме. В первую очередь он даёт сведения о языке его исполнения, сообщая, что оно велось на тибетском языке. Также ученый зафиксировал хронологию исполнения службы в течение дня и место его проведения. Например, в кумирнях, которые в Монголии также именовались сумо, кить или дацан, она осуществлялась утром, в полдень и вечером. Призыв к началу исполнения службы обозначался с помощью трубения [3, с. 52–53].

Исследователь также описал внешнюю форму проведения ламаистской службы и атрибуты его культовых практик. Он сообщает, что в кумирне ламы располагались на полу или лавках. Они нараспев читали священные книги. Если присутствовал Хутухта, то он восседал на престоле в особом облачении. Его лицо было обращено к кумирам. Служащие ламы стояли перед ним с кадилами в руках и читали молитвы. Периодически старший из присутствующих издавал возгласы, которые затем повторяли и все остальные. Также, периодически, по его сведениям, в определенное время, били в бубны или медные тарелки для усиления воздействия читаемых молитв на процедуру службы. Пржевальский отмечал, что богослужение могло продолжаться в течение нескольких часов [3, с. 54–55].

Также исследователь собрал информацию о разновидностях устройства мест богослужения в ламаистской религии. Он отмечает, что в местностях, расположенных вдали от дацанов, моления совершались внутри юрты и получили название дугуны. Помимо дацана и юрт, богослужение могло совершаться возле так называемых «обо». Обо представляли собой насыпи, сооруженные из камней на перевалах и вершинах гор. Монголы, по замечанию исследователя, относились к обо с особым уважением. В подтверждение этому Пржевальский привел сведения, в которых говорится о том, что монголы, проходя мимо обо, всегда бросали туда в виде жертвоприношения камень, лоскут ткани, либо клочок шерсти верблюда [3, с. 54].

Вместе с тем Н. М. Пржевальский описал атрибуты религиозных обрядов лам – священнослужителей буддийской религии, его северной разновидности ламаизма. Тибетцы, согласно его наблюдениям, при чтении молитв довольно часто вертели в руке небольшой цилиндр, внутри которого были расположены клочки бумаги с текстом молитв. На шее у них всегда висели особые амулеты в виде объемного ящика, иногда богато украшенного. С лицевой стороны в амулет укладывались небольшие идолы, всевозможные реликвии, молитвы, а также заклинания [1, с. 258].

Исследователь отметил, что главной святыней всех номадов являлась Лхаса. Ежегодно туда отправлялись огромные караваны верующих, которые считали

величайшим счастьем и особой заслугой перед Богом совершить подобное путешествие. В них, отмечал ученый, иногда принимали участие даже женщины [3, с. 55].

Путешественник также предпринял попытку оценить роль священнослужителей в жизни людей, их влияние на народ. Он привел данные, в которых указал что, что духовные лица оказывали магическое воздействие на народ. К примеру, он отметил, что помолиться, коснуться ламы, или же получить его благословение считалось безмерным счастьем, которое, к тому же, стоило немалых денег. Исследователь даже привел данные, в которых четко отразил, сколько лан должны были заплатить богомольцы, приходящие в Лхасу и желающие увидеть Далай-ламу. Такая плата, как он отметил, была установлена только для бедняков. Люди, которые занимали более высокий социальный статус, вместо денежного подношения дарили Далай-ламе подарки [3, с. 54].

По наблюдениям Н. М. Пржевальского, население окраин Монголии было менее религиозным по сравнению с внутренней частью страны. Объяснил он это тем, что дацаны находились далеко от окраин, а в местностях, где проживали тангуты, встречались довольно редко [3, с. 55]. В качестве подтверждения он собрал сведения, в которых указал, что у тангутов священнослужители жили в обычных черных палатках, равно как и местные жители [3, с. 267].

В довершении всего Н. М. Пржевальский собрал сведения о различных суевериях, распространенных среди буддистов. По его наблюдениям, это было связано с тем, что местное население, в силу своей необразованности, пыталось объяснить неблагоприятные природные явления, болезни не с логической точки зрения, а с позиции воздействия сверхъестественных сил. В связи с этим, по его мнению, в их жизни прочно закрепились всевозможные приметы, некоторые из которых ему удалось записать.

В отношении ислама Н. М. Пржевальский оставил сведения об этносах, которые его исповедовали. В целом, он установил, что религиозный фанатизм среди них был не так велик [2, с. 313–314]. Исключением, по его замечанию, являлись только киргизы, у которых вера была довольно крепка [1, с. 327]. Ислам, отмечает ученый, равно как и буддизм, имел разновидности, например, такие этносы как лобнорцы, таримцы и мачинцы являлись представителями суннизма [2, с. 313–314, 430–431, 456]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что народы тех областей, по которым проходили маршруты экспедиций, относились к исламу с разной степенью почтения.

Равно как и у буддистов, исследователь зафиксировал сведения о суевериях среди мусульман. В целом, по его наблюдениям, они не получили среди них распространения. Исключение составляли, по мнению путешественника, таримцы и мачинцы. Пржевальский также отметил, что среди первых сохранялись незначительные языческие обряды [4, с. 25], вторые, в свою очередь, верили в колдовство и злого духа, именуемого у них пари. Мачинцы считали, что пари обитает в темных местах, а болезни и безрассудство исходят именно от него [2, с. 430–431].

Еще одной формой религии народов Центральной Азии, данные о которой приводит Н. М. Пржевальский, является шаманизм. Исследователь обращает внимание на то, что у разных народов за шаманами было закреплено свое наименование. Например, у монголов они именовались сунгсва, а у тангутов – сакса.

По его замечанию, среди последних они пользовались огромным уважением и были достаточно влиятельны. Также учёный дал информацию о шампанских атрибутах. Он сообщил, что шаманы отличались необычным головным убором, который представлял собой что-то наподобие чалмы. Такой головной убор, по его замечанию, был выполнен из огромной кучи волос, (частью собственных, но в большинстве взятых с людей, погибших неестественной смертью). Эти волосы скручивались в виде тонких веревок и обвивались поверх головы. Говоря о деятельности шаманов, Пржевальский указал на то, что они занимались колдовством [1, с. 346].

Н. М. Пржевальским была проведена обширная работа по изучению устного народного творчества народов Центральной Азии, фольклор которых в отчетах путешественника представлен по большей части различными легендами и преданиями, которые, в свою очередь, можно разделить на несколько тематических групп. Мы же рассмотрим только группу, которая содержит легенды, свидетельствующие о существовании у этносов региона различных религиозных реликвий. К данной группе следует отнести легенды о святой гробнице Унчелик-ханымь, где была погребена сестра святого Имам-Джафар-Садыка [2, с. 382–83], о святых гробницах четырех имамов в д. Чахар-имам [2, с. 428], а также о медной чашке, которая весьма чтилась у лобнорцев [2, с. 314–315].

Подводя итоги, следует сделать вывод о том, что Николай Михайлович Пржевальский за время экспедиций в Центральную Азию провел достаточно существенную работу по сбору сведений этнографического характера. Значительную часть среди них занимает описание религиозных верований народов региона. Учёный не ограничился обычным перечислением вероисповеданий, а постарался целостно подойти к фиксации, а затем и описанию разных сторон религиозных верований народов Центральной Азии 70-80-х гг. XIX в., которые в комплексе представляют собой ценный источник по характеристике этого аспекта этнографии региона.

Источники и литература

1. Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Жёлтой реки / Н. М. Пржевальский — издание Императорского Русского географического общества. Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева, 1883. 473 с.
2. Пржевальский Н. М. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование Северной окраины Тибета и путь через Лобнор по бассейну Тарима / Н. М. Пржевальский — издание Императорского Русского географического общества. Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева, 1888. 536 с.
3. Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов: трёхлетнее путешествие в Восточной нагорной Азии / Н. М. Пржевальский — издание Императорского Русского географического общества. Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева, 1875. Т. 1. 381 с.
4. Пржевальский Н. М. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лобнор / Н. М. Пржевальский — издание Императорского Русского географического общества. Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и комп., 1878. 67 с.

**REFLECTION OF THE RELIGIOUS BELIEFS
OF THE CENTRAL ASIA PEOPLES
IN THE N. M. PRZEWALSKI'S EXPEDITIONS MATERIALS**

© **Kristina V. Alyoshkina**

Master's student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, 670000, Ulan-Ude, Ranzhurov St., 6
kristi777al@gmail.com

Abstract. On the basis of the analysis of N.M. Przhevalsky's works the article presents the peculiarities of religious life of the peoples of Central Asia. Particular attention is paid to the review of historiography, as a result of which the author concludes that there are no works that specifically highlighted Przhevalsky's contribution to the study of various aspects of ethnography. As a result of the study it is established that the scientist has collected extensive material on various aspects of religious beliefs of peoples, in particular, on the varieties of religious beliefs, performance of worship rites, varieties of places of worship, attributes of religious ceremonies, the role of priests in the life of peoples, various superstitions, as well as legends testifying to the existence of religious relics among ethnic groups of the region.

Keywords: Buddhism; Islam; shamanism; superstition; Tarim; Machin people; Golik people; Tibetans; Mongolians.

Научная статья
УДК 94(470:517.3)

**ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
РОССИИ И МОНГОЛИИ в 1911-1925 гг.**

© **Бадмаев Виталий Германович**

аспирант,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Бурятского научного центра
Сибирского отделения Российской академии наук

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

badmaev.vitaliy.98@mail.ru

Аннотация. Экономическое сотрудничество между Монголией и Россией в период с 1911 по 1925 гг. осуществлялось на большинстве таможенных постов. Российская империя, а затем и Советская Россия, были заинтересованы в торговле с Монголией, отчасти из-за того, что Монголия была молодым государством, в которой были слабые капиталистические начала. Россия также нуждалась в торговле с Монголией, которая продавала очень много мяса, шерсти и молока, обеспечивая данными продуктами Сибирь и Дальний Восток.

Ключевые слова: Монголия; русско-монгольские отношения; русско-монгольская торговля; таможенный пост; серебряный лян; тугрик; Положение о торговых старшинах в Монголии; Монгольский национальный банк; таможенный устав.

В современной российской монголоведной литературе подвергается справедливой критике советско-монгольская историография экономических взаимоотношений двух стран, носящая во многом декларативный характер лакировки и приукрашивания этих межгосударственных контактов. Этот опыт необходим для изучения истории экономических взаимоотношений приграничных регионов России и Монголии. Его практическое применение в начале XXI в. является важным теоретическим резервом и локомотивом дальнейшей экономической интеграции России и Монголии.

Изучение отечественной историографии, ее методологический анализ обусловили новизну рассматриваемой проблемы. К освещению вопросов истории становления и развития отношений России и Монголии удалось приступить во многом благодаря уже имевшемуся колоссальному научному багажу. XIX век можно назвать «звездным часом» российского востоковедения в целом и монголоведения в частности. На становление филологических, источниковедческих, исторических традиций в области монголистики оказали огромное влияние труды Н. Я. Бичурина, П. И. Кафарова, В. П. Васильева, Д. Банзарова и других известных монголоведов. Именно в России возникли первые в мире университетские кафедры монгольского языка, сформировались целые школы монголоведов – казанская, петербургская, московская, иркутская. Первые учебные пособия, словари и работы в области монгольских языков также вышли из-под пера российских ученых Я. И. Шмидта, А. В. Игумнова, О. М. Ковалевского, А. В. Попова, А. А. Бобровникова. Новый толчок общественному и научному интересу к Монголии на рубеже XIX–XX вв. придали труды путешественников и исследователей Центральной Азии – Н. М. Пржевальского, М. В. Певцова, П. К. Козлова,

Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, Г. Е. Грумм-Гржимайло. По различным направлениям монголистики вышли работы В. В. Радлова, А. М. Позднеева, В. В. Бартольда, В. Л. Котвича и других. Начало XX в. было отмечено вступлением в активную научную деятельность и известных бурятских ученых – Г. Ц. Цыбикова, Ц. Ж. Жамцарано, Б. Б. Барадина.

Русско-монгольские торговые отношения играли главную роль в отношениях двух стран. Русские купцы в Монголии являлись и первыми дипломатами. Первоначально русско-монгольская торговля осуществлялась на границе пограничными караулами [10, с. 148]. Между ними поддерживались мирные и добрососедские отношения. Поэтому традиционным в Забайкалье стал ежегодный обмен обоюдными визитами представителей пограничных караулов – так называемого «обоюда», или «нарина». Обоюд совершался сначала на монгольской стороне, обычно весной, а потом на русской, на следующий год – наоборот. Данные обоюды праздновались широко с богатым столом, за которым велись дружеские беседы. После угощения монголы дарили русским чай и провожали до границы. Та же церемония повторялась на русской стороне, русские дарили платки и ситец [8, с. 19].

В период борьбы монголов за независимость в 1911–1912 гг. правительство России хотело предоставить русским в Монголии максимальные права. Так, статья 15 Протокола соглашения России с Монголией от 21 октября 1912 г. гласила: «Установившийся обычай пользования пограничным русским населением покосами, а также охотой рыбной ловлей на монгольской стороне сохраняется на будущее время без всяких изменений». Но вскоре правительство Монголии издало «Положение об аренде земли, пашен и сенокосов» и «Закон о сдаче земли в аренду иностранцам», которые утверждали право правительства Монголии давать разрешение на аренду и продажу за определенную плату [8, с. 24].

Большую роль играл извозный промысел. Так, на примере г. Кяхты А. М. Позднеев отмечал, что «после скотоводства самым выгодным делом монголы считают извозный промысел». Для этого предоставлялось не менее 1 млн 200 тыс. верблюдов и 300 тыс. телег, запряженных быками. Самая распространенная перевозка чая, вывозимого русскими из Китая, давала монголам не менее 2 млн руб. Такую же сумму в 1911–1912 гг. называл А. П. Болобан. И. М. Майский писал, что в 1919–1920 гг. она доходила до 10 млн руб. А. Л. Нарочницкий говорил о том, что извозный промысел отвлекал аратов от производительного труда, но и давал заработок [8, с. 25]. Нужно отметить, что это был второстепенный заработок в свободное время, так как имеется много свидетельств о том, что возчиками обычно были бедные монголы.

Стоит отметить, что в этот период начались разработки месторождений, из которых самой привлекательной была золотодобыча. После подписания протокола золотые концессии переходили из рук в руки. Многие кяхтинские купцы относились к золотодобыче с сомнениями, считая это недостойным заработком. Но когда они видели, какие деньги это приносит, сами начали этим заниматься. После удачных геологоразведок четверо кяхтинских золотопромышленников: И. Д. Синицын, К. В. Титов, А. Д. Могильников и Ф. Б. Голиков решили объединиться в «Кяхтинское золотопромышленное товарищество», которое просуществовало несколько лет [9, с. 175].

Необходимо отметить, что в Монголии в этот период отсутствовало понятие денег в обычном понимании этого слова. В качестве денежного эквивалента могли выступать как скот, так и векселя китайских торговых предприятий. По сложившейся традиции все расчёты на территории Монголии велись в переводе на чай, скот.

Чай был самым популярным продуктом в Монголии. Поэтому он стал самым распространенным эквивалентом денег среди кочевников. Взамен предлагаемого товара монгольские кочевники могли предложить скот. Условно было установлено что, один кирпич чая был равен одному годовалому барашку [12, с. 98].

Прозрачность таможенной и государственной границы России с Монголией приводила к тому, что местное население не всегда понимало разницу чужих территорий. Выгон скота, заготовка сена и дров на сопредельной территории были привычным делом для приграничных крестьянских хозяйств. В некоторых уездах Забайкальской области по этому поводу возникали определенные недоразумения [11, с. 213]. Так, крестьяне Урлукского сельского схода, Урлукской волости, Верхнеудинского уезда жаловались военному губернатору Забайкальской области в мае 1911 г., что сено, лес, звери, белки и овчины кожи от скота Жиндинской и Шарагольской таможенными заставами отбираются вместе с лошадьми и перевозочными предметами [3, л. 81]. В ответном письме военного губернатора Забайкальского края всем окружным начальникам и полицмейстерам было дано указание: «Согласно закону 7 мая сего 1911 года, все произведения почвы и промышленности Монголии, как-то сено, лес, дичь, рыба и орехи, шкуры и т.д. при ввозе из-за границы пропускаются в таможенном отношении беспошлинно и случаев отобрания их, а равно, и перевозочных средств не могут иметь место» [11, с. 214].

В период феодально-теократической монархии продолжала усиливаться эксплуатация аратства, постоянно возрастала сумма податей и налогов. Так, например, основные повинности при маньчжурах составляли ежегодную сумму в 619 350 лан серебра (1 лан равен примерно 1,5 руб.), а в 1916 г. сумма налоговых сборов с населения составила 4 млн руб. [5, с. 278]. Тут стоит отметить, что в промежуток 1911–1921 гг. по большей части имело хождение валюта, которая была в Китае. До начала XX в. основной денежной единицей в Китае был серебряный лян (таэль).

Рассматриваемый период в социально-экономической жизни страны можно отметить и прогрессивные явления. Уже со второй половины XIX в., по мере проникновения товарно-денежных отношений в монгольское общество, натуральное хозяйство монголов начинает постепенно замещать мелкотоварный уклад. В аратской среде появляются крупные хозяйства, тесно связанные с рынком. Эти хозяйства разводили скот и собирали скотоводческое сырье в размерах, предусмотренных не потребительскими, а торговыми целями. В них впервые стал применяться наемный пастушеский труд. В таком богатом ойратском хозяйстве работало иногда более 150 бедняцких семейств, в зависимость к ним попадали даже некоторые разорившиеся феодальные хозяйства [5, с. 278].

Товарно-денежные отношения в Монголии способствовали развитию городов, усилению их экономической функции в монгольском обществе. В данный период усиливается торговля и предпринимательская деятельность населения.

Зарождающиеся монгольские предприниматели стали находить условия для обогащения за счет ростовщичества, аренды, уртонной повинности, извозного промысла, различных видов субаренды и т. д. [5, с. 278].

В рыночные связи втягивались и монгольские ремесленники. Основными продуктами их производства были части деревянных каркасов для юрт, мебель, телеги, седла, ножи, уздечки, разнообразные серебряные изделия, одежда, обувь и т. д. Иногда ремесленники объединялись в артели по два-четыре человека, изготавливали значительное количество изделий и продавали [5, с. 279]. Все это говорит о том, что у монголов появляется излишние продукты, за счет которых они теперь могут осуществлять торгово-ростовщическую деятельность.

Первая мировая война предъявила спрос не только на мясо, но и на кожу, кожаную обувь (18 млн пар обуви), кавалерийские и шинельные ремни, овчинные полушубки и другие предметы для армии. Так, крупнейшее предприятие в Сибири «Коквин и Басов» достигло максимальных размеров. Во время войны оно выполняло одни из самых крупных заказов.

Монгольское сырье использовали также кожевенные и овчинно-шубные заводы Верхнеудинска. Например, кожзавод Экрагульского и Семенова получил 3021 кожу, овчинно-шубный завод братьев Ицкович – 5 тыс. кож и 10 тыс. овчин [4, л. 6, 8]. Монгольское сырье использовали и наиболее крупные заводы Читы, поскольку «город находился вблизи Монголии, непосредственно покупая на монгольском рынке кожи, шерсть, меха по низким ценам» [8, с. 38].

В конце 1912 г. в Иркутске было 13 кожевенных заводов. Самым крупным из всех них являлось Монгольское акционерное товарищество, которое производило 110 кож подошв и юфти в день. Во время Первой мировой войны на основе Монгольского акционерного товарищества И. Д. Камова и А. Л. Кринкевича создается новое Сибирско-Монгольское акционерное общество с капиталом в 200 тыс. руб. Судя по уставу общества, цели его были весьма обширны: торговая и комиссионная деятельность в России и Монголии, создание фабрик и заводов для обработки и переработки монгольского сырья, разведка и разработка в Монголии полезных ископаемых, устройство путей сообщения Монголии с Сибирью и прочее [8, с. 40].

В 1912 г. в Урге успешно действовал мыловаренный завод купца Н. Н. Сулейменова, который также занимался разработкой полудрагоценных камней. Ранее мыло ввозили в Монголию из России и Китая, теперь же появилось собственное производство. Также стали появляться лесопильные предприятия, водочные заводы, пекарни, завод искусственных минеральных вод [9, с. 177].

Деятельности российских купцов в Монголии хотели придать организованный характер. В 1915 г. было принято «Положение о торговых старшинах в Монголии», официально учреждавшее должность торговых старшин. Во всех населенных пунктах, где проживало русское население, обязательно избирался торговый старшина и кандидат. Данная должность вводилась для того, чтобы поддерживать порядок среди проживавших постоянно или временно русских. Торговые старшины получали свидетельства и печать, которой они скрепляли выдаваемые документы. Список всех торговых старшин передавался монгольским властям [9, с. 181].

В связи с расширением товарного обмена в государстве Богдо-гэгэна стало упорядочиваться денежное обращение. Собственно в период существования феодально-теократической монархии преобладали товарные формы обмена. Роль денег выполняли скот, пушнина, чай. В обращении учувствовали русские деньги, бумажные и металлические, а также китайское серебро. Но монгольское правительство предпринимало попытки создания единой национальной денежной единицы. 14 сентября 1915 г. открылся организованный с помощью русских финансовых кругов Монгольский национальный банк. Этот банк имел право производить учет и переучет векселей и других обязательств: выдавать ссуды, открывать кредиты под движимое и недвижимое имущество; принимать вклады; покупать и продавать за свой счет драгоценные металлы и ценные бумаги; приобретать концессии и финансировать торговые и промышленные предприятия; транспортировать товары, устраивать склады с выдачей гарантий; арендовать и приобретать для своих нужд недвижимое имущество [9, с. 187]. Банковских билетов можно было выпускать не больше, чем сумма основного и запасного капитала. В связи с тем, что Россия в 1914 г. вступила в войну с Германией, Монгольский национальный банк не смог выполнять возложенную на него задачу выпуска монгольской национальной валюты и развития кредитных операций [5, с. 279]. Появление банка свидетельствовало о том, что в стране товарно-денежные отношения вышли на совершенно иной уровень. Теперь банку нужно было следить за обращением денег.

В обращении к заведующему Желтуринским таможенным постом сказано: «...Настоящим доводим до Вашего сведения, что нами рассчитаны монгольские скотогоны, при чем за работу им выдано 4-ре кожи юфти, 2-в а куса Шандадабы, серебра 2-ве ямбы – 8 фунтов, 94 золотника» [2, л. 33]. В обращении к Монгольской конторе Сибкрайсоюза Иркутская таможня препровождала «при сем для сведения от 8 июля сего года (1924) за № 4224 / 190480 по вопросу о вывозе в Монголию 700 пудов кирпичного черного чая со сложением акциза» [1, л. 15]. Данный способ оплаты свидетельствовал, что на территории Монголии не было определенной денежной системы. В ходу были разные виды оплаты, часто происходил бартерный обмен, но стоит отметить, что со временем он стал менее популярным.

В целом нужно сказать, что «промышленное развитие Монголии в полной мере начало себя проявлять после 1921 г., так как в это время была проведена электрификация, восстановлены слесарные мастерские, кирпичный, мыловаренный заводы, салотопки, 30 шерстомоек. Два кожевенных завода в Урге передавались в ведение военно-промышленного отдела военного министерства. На их базе для нужд армии были созданы новые отделения: овчинно-шубное, кошмокатное, по изготовлению седел, веревок и т. п. По соглашению с Советской Россией 5 ноября 1921 г. российские телеграфные линии на территории Монголии составили 2475 км. Все здания телеграфных контор с оборудованием были переданы в собственность Монголии. В 1922 г. возобновилась добыча угля в Налайхе. Важным фактором являлось бегство многих иностранных предпринимателей, что облегчило национализацию этих предприятий [8, с. 98].

В этот период в Монголии развилась частная торговля. Если в 1922 г. количество частных торговцев насчитывало 234 человека, то в 1923 г. – 286. В 1924 г.

их число увеличилось до 636 человек [6, с. 171]. В результате создания благоприятных условий для развития частной торговли в 1922–1924 гг. количество монгольских торговцев возросло в 2,7 раза, европейских – в 12,4 раза, русских – в 5,7 раза, китайских – в 1,6 раза [6, с. 171]. Рост экономического благосостояния европейских торговцев, в первую очередь, объяснялся повышением благосостояния монголов и их включением в капиталистический мир.

Стоит отметить, что в Монголии была грамотно выстроена таможенная политика, принят таможенный устав 9 мая 1924 г., который свидетельствуют о повышении экономической эффективности. Регламентируя ввоз и вывоз товаров, наложение пломб, условия перевозки, транспортные льготы четко определяли, какой товар и по какому тарифу должен был перевозиться. Таможенные льготы способствовали большему вовлечению людей в торговлю. Данные тенденции говорят о формировании рыночных механизмов в монгольском обществе.

Источники и литература

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-1684. Оп. 1. Д. 25.
2. ГАРБ. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 10.
3. Государственный архив Забайкальского края. Ф. 42. Оп. 1. Д. 41. Л. 81.
4. Государственный архив Иркутской области. Ф. 71. Оп. 2. Д. 306.
5. Дугаров В. Д. Курс лекций по истории Монголии (эпоха древности — начало XXI в.): учебное пособие. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. 368 с.
6. Батсайхан О. Монголия на пути к государству-нации (1911–1946). Иркутск: Оттиск, 2014. 383 с.
7. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Ленинград, 1934. 223 с.
8. Даревская Е. М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX веков. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1994. 400 с.
9. Единархова Н. Е. Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.). Иркутск: Оттиск, 2003. 252 с.
10. Кузьмин Ю. В. Монголия и «Монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX — 30-е гг. XX в.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1997. 200 с.
11. Казанцева Н. Г. История таможенного дела Забайкалья: конец XVII — начало XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ, 2016. 376 с.
12. Горькова С. В. Кредитно-финансовая система Монголии (конец XIX — начало XX вв.) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2008. № 1. С. 93–102.

**HISTORY OF ECONOMIC COOPERATION RUSSIA AND MONGOLIA
IN 1911-1925**

© **Vitaly G. Badmaev**

Postgraduate Student,

Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of the Buryat Scientific

Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

670047, Russia, Ulan-Ude, Sakhyanova St., 6

badmaev.vitaliy.98@mail.ru

Abstract. From 1911 to 1925 economic cooperation takes place mostly at customs posts close to the border. The Russian Empire, and later Soviet Russia, were interested in trade with Mongolia, partly because Mongolia was essentially a young state in which capitalist principles were weak. It is worth noting that they were there, although the primary concessions left after Qing China, the currency was in use, not yet its own, but still. These factors have allowed a more rapid penetration of market relations in Mongolia. Russia also needed trade with Mongolia, so Mongolia sold a lot of meat, wool and milk to Russia, in fact, providing Siberia and the Far East, later the Far Eastern Republic. The article uses unpublished sources from the State Archives of the Republic of Buryatia, which help to reveal the topic in more detail.

Keywords: Mongolia, Russian-Mongolian relations, Russian-Mongolian trade, the customs post, silver lyang; tugrik, Regulations on trade foremen in Mongolia, Mongolian National Bank, customs charter.

Научная статья
УДК 339(470+517.3)

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МНР И СССР
В 1970–1980-е гг.**

© **Галданов Галдан Александрович**
аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
ggaldan@inbox.ru

Аннотация. В данной статье анализируется советско-монгольское сотрудничество 70–80-х гг. XX века. В основном идет речь о торгово-экономическом взаимодействии в данный период, между СССР и МНР. Рассматриваются нормативно-правовые документы, подтверждающие экономическое сотрудничество двух этих стран. Показана роль Советского Союза в создании промышленной базы МНР, на примере ГОК «Эрдэнэт». Автор дает обобщенную характеристику экономической помощи СССР Монголии.

Ключевые слова: Советский Союз, Монгольская народная республика, Монголия, Россия, экономическое сотрудничество, социалистическое строительство, российско-монгольские отношения.

Советско-монгольские отношения в 1970–1980-е гг. развивались не только в военно-политическом плане, что обуславливалось напряженными взаимоотношениями между Китаем и СССР после пограничного конфликта на острове Даманском, но и в торгово-экономическом направлении. Двусторонние взаимоотношения Монголии и Советского Союза соответствовали духу добрососедских и взаимовыгодных отношений двух стран.

Конституция МНР, принятая 6 июня 1960 г., закрепляла победу социалистических производственных отношений и создание государства рабочих, представителей трудовой интеллигенции и объединенных в кооперативы аратов. В Основной закон Монголии были внесены положения, которые подчеркивали особое значение, которое оказала на страну Великая Октябрьская социалистическая революция и помощь Советской России в борьбе монгольского народа за свою независимость и суверенитет. На законодательном уровне была закреплена высочайшая оценка всесторонней помощи со стороны СССР Монгольской народной республике и при отражении агрессии императорской Японии, и в ходе экономического развития страны [7].

Благодаря укреплявшимся в 1960–1980-х гг. двусторонним связям с Советским Союзом укреплялось и международное положение МНР. Экономическая модель развития Монголии во многом была подобная действовавшей в СССР:

- с 1950-х по начало 1990-х гг. политическое и экономическое, социальное и культурное развитие страны проводилось в соответствии с пятилетними планами (за этот период был один трехлетний план);

- разработка пятилетних планов проводилась при активной поддержке советских специалистов;

- планы развития МНР координировали с планами пятилеток, принимавшихся в Советском Союзе.

На XV съезде монгольской народно-революционной партии в 1966 г. была принята IV Программа партии, определившая задачи правящей политической партии на завершающем этапе социалистического строительства в стране [1]. Тогда же было подписано Соглашение с Советским Союзом, в соответствии с которым СССР взяло на себя обязательство оказывать повсеместно экономическое и техническое содействие Монголии [7, с. 146]. В рамках двусторонних переговоров были подписаны межправительственные документы, которые определили:

- объемы взаимодействия между соседними государствами;
- ключевые направления совместной деятельности;
- формы сотрудничества в экономическом плане СССР и МНР;
- размеры безвозмездной помощи, выделяемой Советским Союзом Монголии;

- порядок выделения Москвой Улан-Батору кредита на 650 млн рублей.

Параллельно с укреплением двустороннего сотрудничества МНР и СССР росло влияние блока социалистических государств на мировой арене. За счет непрерывного наращивания военно-экономической мощи Советский Союз уверенно проводил свою политику в мире. В результате этого распалась колониальная система империализма; в Африке и Азии образовалось порядка 80 независимых государств, которые получали всестороннюю поддержку от первого в мире социалистического государства. Только в 1960-е гг. в Азии, на Африканском континенте и в Южной Америке при активной поддержке Советского Союза реализовывалось не менее 500 проектов по строительству объектов промышленной инфраструктуры.

На тот момент СССР выступал не только как лидер рабочего движения, но и как сверхдержава, способная противостоять США. Правда, существовавшие в социалистическом содружестве противоречия стали преобразовываться в кризисные явления вследствие активной подрывной и провокационной деятельности западных спецслужб. Именно из-за негативного внешнего влияния произошли беспорядки в странах Варшавского Договора: в ГДР в 1953 г., в 1956, 1958 и 1970 гг. в Польше, в 1956 г. в Венгрии, в 1968 г. в Чехословакии.

Улан-Батор оставался верным союзником СССР. Даже после ухудшения отношений между КНР и Советским Союзом с конца 1950-х гг. Монголия приняла сторону Москвы. Сказались опасения, что колониальные устремления Китая начала XX в. по введению на монгольской территории прямого китайского управления вновь возобладают в политике Пекина.

Монголия выслала со своей территории китайских рабочих, которые работали по контрактной системе. В период 1960–1970-х гг. МНР регулярно осуждала политику Китая по отношению к соседним государствам. Более того, значительная часть населения автономного района КНР «Внутренняя Монголия» были монголами, что способствовало росту неприязни.

В решениях XVII съезда МНРП в июне 1976 г. особенно подчеркивалась необходимость максимального сближения всех сфер жизни страны с братскими соцстранами. На первое место выходило сотрудничество с СССР в экономиче-

ском и политическом, культурном и идеологическом плане [1, с. 62]. Сотрудничество двух стран постоянно укреплялось:

- промышленные предприятия Монголии, построенные с помощью СССР, в 1980-е гг. производили порядка 50 % всей промышленной продукции страны;
- не менее 20 % монгольской сельхозпродукции производилось с использованием техники, поставленной Советским Союзом.

После образования мирового сообщества социалистических государств у Монголии появились уникальные условия для развития, в первую очередь, социалистической экономики. При активнейшей помощи Советского государства и работе советских специалистов был построен Дарханский меткомбинат, выпускавший строительные конструкции; введен в эксплуатацию крупный угольный карьер в Шарынголе; построены цементные и кирпичные заводы; проведена работа по наращиванию объемов производства угля в Налайхе; построена Улан-Баторская электростанция; возведены многочисленные фабрики и промышленные комбинаты включая горно-обогатительные предприятия и нефтеперерабатывающий завод.

Советские строители возводили в Монголии новые города. Строительные тресты из СССР строили кварталы в Дархане и Эрдэнэте, где, подобно Улан-Батору, вводили в строй промышленные предприятия.

Среди масштабных строек выделялся горно-обогатительный комбинат «Эрдэнэт», который занял лидирующее положение на мировом рынке производства медного концентрата. Его строили на основе заключенного межправительственного соглашения об освоении полезных ископаемых на медно-молибденовом месторождении Эрдэнэтийн-овоо. Советский Союз получал 49% произведенного концентрата, Монголия распоряжалась 51% объема произведенного медного концентрата.

В период с 1978 по 1991 гг. продукция совместного предприятия «Эрдэнэт» практически на 100% экспортировалось в Советский Союз. Расчет за поставленную продукцию вел экспортно-импортный отдел в министерстве внешнеторговых отношений МНР. Цена на медный концентрат рассчитывалась на основе фиксированного переводного рубля. Правда, заключенное в 1973 г. соглашение не позволяло СП «Эрдэнэт» самостоятельно выйти на международный рынок. Только после распада Советского Союза Монголия самостоятельно вышла на мировой рынок медного концентрата.

Взаимоотношения МНР и СССР были взаимовыгодны для обеих стран. СССР импортировал из Монголии: партии меди и молибдена; драгоценные металлы – золото и серебро; партии плавикового шпата; продукцию животноводства; кожаные и шерстяные изделия.

Монголия импортировала из Советского Союза больше товаров. Постоянно возникал дисбаланс в торговых отношениях, частично это происходило из-за ценовой политики внешнеторговых организаций СССР. Вопрос о ценах постоянно обсуждался при встречах Л. И. Брежнева и А. Н. Косыгина с Ю. Цэдэнбалом.

Являясь основным импортером продукции монгольских животноводов, СССР покупал ее по заниженным ценам. Улан-Батор из-за этого не мог стимулировать развитие этого направления сельского хозяйства. Москва постоянно уклонялась от урегулирования этого вопроса, несмотря на постоянные обраще-

ния правительства МНР. В результате дисбаланса цен образовался государственный долг Монголии Советскому Союзу – порядка 10 млрд переводных руб. Этот долг определенное время оказывал негативное воздействие на российско-монгольские отношения после развала СССР.

Крупный российский исследователь В. В. Грайворонский справедливо утверждает, что во многом благодаря масштабной помощи Советского Союза МНР удалось завоевать и сохранить суверенитет, остаться самостоятельным народом со своим этносом и культурой. При поддержке Москвы Монголия получила международное признание, кардинально преодолела отставание в экономическом и культурном развитии, смогла приобщиться к богатствам глобальной цивилизации, получила потенциал, позволивший в 1990-х гг. выйти на новый этап своего развития [3, с. 16].

Таким образом, именно благодаря помощи СССР во многом была создана монгольская промышленность и транспорт, крупные города, различные отрасли экономики, заложены основы земледелия. МНР во многом оставалась поставщиком природных ресурсов для северного соседа. Даже спустя более 30 лет после развала СССР, Улан-Батор не смог кардинально изменить сырьевую ориентацию своей экономики.

Источники и литература

1. XV съезд Монгольской народно-революционной партии (Улан-Батор, 7–11 июня 1966.). [Материалы] [Текст]. Москва: Политиздат, 1966. 240 с.
2. Ганбаатар Н. Исторический опыт экономического сотрудничества СССР/России и Монголии: 1921–2000-е гг.: диссертация на соискание научной степени кандидата исторических наук. Улан-Удэ, 2011. 175 с.
3. Грайворонский В. В. О новых подходах к изучению российско-монгольских отношений в XX в. // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX в. Москва: Институт востоковедения РАН, 2001. С. 8–16.
4. История Монголии. XX век: монография / М. И. Гольман [и др.]; отв. ред. Г. С. Яскина. Москва: ИВ РАН, 2007. 448 с.
5. История советско-монгольских отношений / М. И. Гольман, Б. Ширендыб, Ш. Нацагдорж [и др.]; редкол. Б. Г. Гафуров, Б. Ширендыб (гл. редакторы) [и др.]. Москва: Наука, 1981. 352 с.
6. Матвеева Г. С. Монгольская Народная Республика в системе социалистической экономической интеграции / АН СССР, Ин-т востоковедения. Москва: Наука, 1987. 244,[1] с.
7. Монгольская Народная Республика. Конституция и законодательные акты: перевод с монгольского / под ред. Б. А. Страшун; вступ. ст. Б. Чимид; сост. и пер. В. И. Титков. Москва: Прогресс, 1981. 463 с.
8. Советско-монгольские отношения. 1921–1974: документы и материалы: в 2 т. / ред. коллегия: Сов. часть: Ф. И. Долгих (отв. ред.) [и др.]; Монг. часть: Г. Цэрэндорж (отв. ред.) [и др.]. Москва: Междунар. отношения; Улаанбаатар, 1975. Т. 2. 1941–1974. Ч. 2 / сост.: Сов. часть В. И. Бушков [и др.]; Монг. часть: Б. Балжиргарам [и др.]; отв. ред. И. С. Казакевич. 1979. 612 с.

**ECONOMIC COOPERATION MPR AND THE USSR
DURING 1970-1980s**

© **Galdan A. Galdanov**

postgraduate student of the Department of General and National History,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
670000, Russia, Ulan-Ude, Rangurov St., 6
ggaldan@inbox.ru

Abstract. The article analyzes the Soviet-Mongolian cooperation of the 70–80s of the XX century. Basically, we are talking about trade and economic cooperation in this period, between the USSR and the MNR. Regulatory documents confirming economic cooperation between the two countries are being considered. The role of the Soviet Union in the creation of the industrial base of the MNR is shown, using the example of the GOK "Erdenet". The author gives a generalized description of the economic assistance of the USSR to Mongolia.

Keywords: Soviet Union, Mongolian People's Republic, Mongolia, Russia, economic cooperation, socialist construction, Russian-Mongolian relations.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Научная статья
УДК 94(574)

КАЗАХСТАН В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

© Дукенбаева Задаш Оразгалиевна

доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана,
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
Казахстан, г. Астана
dukenbaevazo@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению положения жителей Казахстана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Освещается боевой подвиг ушедших на фронт, героев Советского Союза. Особое внимание уделено образовательным организациям, эвакуированным в разных городах Казахстана.

Ключевые слова: Великая Победа; Великая Отечественная война; войны-казахстанцы; Герой Советского Союза; военная история; историческая память.

История Великой Отечественной войны — это история миллионов людей. Великая Отечественная война оставила неизгладимый след в их судьбе. Влияя на судьбу человека, она влияла и на менталитет самого народа. Поэтому, чтобы узнать больше о войне, унесшей миллионы жизней, нужно уделить больше внимания каждому участнику войны против фашистской Германии. Незначительный по историческим меркам отрезок времени длиной почти в четыре года (22 июня 1941 — 9 мая 1945) равен по своей масштабности и насыщенности целой эпохе, ибо вместил в себя Войну, самую разрушительную и кровопролитную из всех войн, когда-либо полыхавших на планете.

Тема войны остается актуальной и незабываемой для народов нашей великой страны. На протяжении десятилетий мы возвращаемся к осмыслению тех героических и трагических лет, когда в полной мере проявились патриотизм и интернационализм советского народа, выступившего как единое целое в борьбе с фашизмом. Война унесла десятки миллионов человеческих жизней, принесла боль, страдания, мучения сотням миллионов людей. Но эти годы, также были временем мужества, отваги и стойкости всего нашего народа. В наше время доблесть предков воспевается потомками. И никогда не должна быть забыта.

За годы Великой Отечественной войны на фронт ушло более 1,196 млн казахстанцев при населении республики в 6,5 млн человек, то есть около 20 % её жителей. Из них не вернулось более 600 тыс. человек, республика потеряла невосполнимые 12 % общей численности населения [1, с. 32]. В ноябре 1941 г. было принято Постановление ГКО № ГОКО - 894сс от 13 ноября 1941 г. о формировании 66 национальных воинских соединений, из которых в нашей республике — две кавалерийские Дивизии и две отдельные стрелковые бригады [2, с. 118].

Вероломное нападение фашистской Германии и вторжение ее войск на территории СССР не позволили завершить программу подготовки резервов в центральных районах страны, начатую до начала войны. По архивным документам наглядно видно, что Советский Союз не был готов к этой войне. Красный террор, массовая коллективизация, репрессии Сталина истощили ресурсы страны. С первых дней сражений советские войска с тяжелыми боями отступали вглубь страны. Потери были очень велики. Так, в своей книге «Вторая мировая. Факты и версии» Б. В. Соколов [3, с. 57] пишет, что в Белоруссии соотношение боевых потерь в 1941 году было 18:1, т. е. на одного погибшего или пропавшего без вести немецкого солдата или офицера приходилось 18 советских солдат и офицеров. Так как значительная часть западных районов СССР была оккупирована врагом, формировать резервы, в основном, можно было в Сибири, Казахстане и Средней Азии.

Русско-американский историк Г. Вернадский писал, что «если Сибирь спасла Россию в смутное время, тогда советская Центральная Азия спасет страну во второй мировой войне». Г. Вернадский верил, что несмотря на многочисленные потери в войне с Германией советский народ может выстоять [4, с. 264].

Нападение гитлеровской Германии подняло волну массового патриотизма. И обращен он был на большую советскую Родину, защищать которую поднялись в том числе и воины-казахстанцы. Это позже стало известно, что в планах гитлеровской Германии территория Средней Азии и Южного Казахстана должна была стать новым образованием – GroßTurkestan (Гросстуркестан-Великий Туркестан) с рейхскомиссариатом. А центральные, северные и северо-восточные районы Казахстана должны были войти в состав «индустриальных областей».

В Великой Отечественной войне Казахстан участвовал как часть единой страны – СССР. Накануне войны он располагал значительным кадровым потенциалом и огромными природными ресурсами стратегического значения. За сравнительно короткие, по историческим меркам, сроки в нашей республике был значительно повышен уровень образования, началась широкомасштабная индустриализация, велась активная работа по воспитанию людей в духе советского патриотизма и интернационализма.

Казахстанские воины проявили свое мужество уже в первые часы войны – в обороне Брестской крепости участвовали тысячи наших – земляков: К. Семенченко, ставший первым казахстанцем – Героем Советского Союза, Р. Хабибулин, А. Байжигитов, Г. Жуматов, В. Фурсов. Так же символично, что в самом конце войны, 30 апреля 1945 г. лейтенант Рахимжан Кошкарбаев, вместе с рядовым Григорием Булатовым, водрузил советский флаг на фасаде здания германского парламента - Рейхстага. С началом войны сотни тысяч казахстанцев изъявили желание добровольно отправиться на фронт. Всего за годы Великой Отечественной войны в Казахстане были сформированы 12 стрелковых, 4 кавалерийских дивизий, 7 бригад, 50 полков. Среди особо отличившихся на фронте были 8-я, 20-я, 73-я гвардейские и 387-я стрелковая дивизии.

В битве за Москву отличилась легендарная 8-я Гвардейская Панфиловская дивизия, сформированная в Алма-Ате. Всем известен подвиг 28 героев-панфиловцев. В обороне и прорыве блокады Ленинграда активно участвовали две дивизии из Казахстана, а всего под Ленинградом воевала треть казахстанских

формирований. В боях за Сталинград участвовали дивизии и батальоны, сформированные в Казахстане. Солдаты из Казахстана освобождали республики Прибалтики, Украину, Польшу, Белоруссию. Кроме того, казахстанцы участвовали в партизанском движении на территории СССР и в движении Сопротивления, в европейских странах. Родина высоко оценила боевые заслуги казахстанцев. По последним данным, 528 наших земляков были удостоены звания Героя Советского Союза, 110 тысяч награждены орденами Славы.

Четверо казахстанцев стали дважды Героям Советского Союза – Сергей Луганский, Талгат Бегельдинов, Леонид Беда, Иван Павлов. Героизм, самоотверженность, мужество воинов из Казахстана во всех сражениях Великой Отечественной войны отмечают в своих воспоминаниях многие выдающиеся советские полководцы – Г. К. Жуков, И. С. Конев, К. К. Рокоссовский и другие. На фронтах Великой Отечественной войны находилось около 330 тысяч женщин, среди которых были и наши землячки. Многие из них были награждены боевыми наградами, а снайпер Алия Молдагулова и пулеметчица Маншук Маметова стали Героями Советского Союза [5, с. 66]. Празднуя 9 мая День Победы, мы благодарим героическое поколение ветеранов войны за Победу, стойкость и мужество, за сохранение мира для будущих поколений, за независимость Родины.

Сегодня архивные документы являются свидетелями событий прошедших лет. Летопись событий разных лет отражается в документах и воспоминаниях жителей, которые на протяжении лет собирают архивисты. С 1941 по 1942 гг. Казахстан принял более 300 заводов, 142 из них крупные заводы, которые впоследствии стали основой многих крупных предприятий Казахстана. Казахстан также принял 532,5 тысяч эвакуированных советских граждан. Плюс к этому вместе с промышленными предприятиями прибыли 50 тысяч рабочих и специалистов. Говоря об эвакуированных, думаю, следует добавить к ним 970 тысяч представителей депортированных народов, которые были высланы в Казахстан с 1941 по 1944 годы [6, с. 20]. Из всего этого видно какова была демографическая ситуация в Казахстане в годы войны. По последней переписи населения накануне войны, в 1939 г. в Казахстане проживало 6151102 человек, 120395 из которых были представителями депортированных перед войной в Казахстан народов.

Также были эвакуированы в республику из высших и средних специальных учебных заведений Москвы, Ленинграда, Киева, Таганрога, Ялты и других городов. Совнарком Казахской ССР и местные Советы республики принимали меры по размещению этих учебных заведений, предоставлению им учебных помещений и жилья для профессорско-преподавательского состава и студентов. Так, в ноябре 1941 г. из Москвы в г. Петропавловск были эвакуированы два вуза – Московский институт земледелия и Ветеринарный институт, которые вскоре полностью развернули свою работу и в 1942 г. выпустили 135 ветеринарных врачей и 35 инженеров-геодезистов и инженеров-землеустроителей. Ленинградский юридический институт был эвакуирован в г. Джамбул. В г. Семипалатинске были размещены Московский химико-технологический институт, Московский институт холодильной промышленности и филиал Ленинградского института холодильной промышленности, Московский геологоразведочный и Харьковский фармацевтический и другие институты. Киевский и Харьковский университеты объединились и обосновались в Кызыл-Орде [7, с. 111]. До последнего времени в

исторической литературе не было единого мнения о количестве эвакуированных в Казахстан высших учебных заведений. Так, по мнению Р. Б. Сулейменова, в республику было эвакуировано 36 высших и средних специальных учебных заведений. Казахстанский ученый Ш. Ю. Тастанов насчитал 40 специальных учебных заведений, из них 22 вуза. По другим источникам количество размещенных в республике вузов достигает 31 [8, с. 15].

Несмотря на трудности военного времени за период с 1941 по 1945 г. численность студентов вузов Казахстана возросла почти в полтора раза, т. е. с 10,4 тыс. в 1941 г. до 15 тыс. в 1945 г. [9, с.41]. Благодаря слиянию местных и эвакуированных высших и средних специальных учебных заведений очень скоро удалось почти полностью укомплектовать вузы и техникумы высококвалифицированными педагогами. В 1942/43 и 1943/44 учебных годах в вузах республики работало 20 докторов наук, два академика, три члена-корреспондента Академии наук СССР, 35 профессоров, 92 доцента из Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова и других городов.

Огромный вклад в оборону страны вносили ученые республики. Основными направлениями научных исследований были поиск дополнительных сырьевых ресурсов в республике, расширение сырьевой базы чёрных, цветных и редких металлов, на которые направлялось более 40% всех ассигнований на научные цели Казахского филиала АН СССР. Он стал центром интенсивных научных исследований. С осени 1941 г. К. И. Сатпаева назначили заместителем председателя, через год председателем Казфилиала. Талант К. И. Сатпаева ярко проявился в годы Великой Отечественной войны. Возглавив новый в Казахстане Институт геологических наук, Каныш Имантаевич хорошо понимал высокую ответственность исследователей земных недр в обеспечении страны необходимыми для войны ресурсами. Его усилия были направлены на решение этой главной задачи.

В 1943 году была создана комиссия АН СССР под руководством президента Академии наук СССР академика В. Л. Комарова с целью мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана для военных нужд. Эта комиссия, в которой принимали участие крупнейшие ученые страны – академики А. А. Байков, И. П. Бардин, К. А. Скочинский, В. А. Обручев, Л. Д. Шевяков, В. Н. Образцов, Э. В. Брицке, Д. Н. Прянишников, В. И. Вейц и другие, совместно с учеными Казахского филиала АН СССР наметила пути повышения производственной мощности важнейших отраслей народного хозяйства Казахстана (угольной промышленности, цветной металлургии и др.). Месторождения полезных ископаемых, открытые учеными, послужили основой для создания в Казахстане в годы войны многих индустриальных центров. Это был реальный и весомый вклад ученых республики в оборону страны [10, с. 26].

В годы войны артисты Казахстана, для поднятия военного духа бойцов, выезжали на линию фронта с концертами, лекциями, беседами, встречами. В окопах и землянках, в короткие перерывы между бомбежками пели и играли на импровизированных сценах Жусупбек Елебеков, Манарбек Ержанов, Ануар Умбетбаев, Зейнеп Розмухамедова, Нина Куклина. Рамазан Елебаев ушел на фронт из консерватории в Панфиловскую дивизию. Его песня-реквием «Жас казах» – память по всем тем, кто навсегда остался на поле боя. Одна из первых выехала на передовую Шара Жиенкулова. Участники битв на Курской дуге, защитники Ста-

линграда и Ленинграда влюблялись в «Самару-городок» в исполнении Розы Баглановой и «Гакку», напетой Куляш Байсеитовой. [11, с. 28]. Их голоса внушали веру в победу, вдохновляли на стойкость и мужество, это был мощный духовный подъем всего народа, объединенного одной национальной идеей.

В годы войны казахстанские офицеры и солдаты оставались верными кодексу воинской чести и традициям своего народа, что с особой убедительностью проявлялось в неординарных боевых ситуациях, часто имевших место в наиболее тяжелые периоды войны. Победа в Великой Отечественной войне была завоевана благодаря ратному и трудовому подвигу миллионов людей разных национальностей, сплоченных во имя единой цели – защиты Отечества. Все эти люди прошли сквозь горнило жесточайших испытаний, показав миру немеркнущие примеры героизма и самоотверженности.

Великая Победа над фашистской Германией является одним из самых памятных дней в нашей истории. Это общенациональный праздник для всех граждан бывшего Советского Союза. Сейчас часто раздаются голоса о том, что эта победа была напрасной, и принесла вроде бы не освобождение, а наоборот еще большее порабощение народам Восточной Европы и Советского Союза. Но жизнь показывает, что именно политическое и социальное содержание этой войны является своего рода ключом к пониманию ее результатов, которые в этот раз были неизбежны в виде победы Добра над Злом.

Источники и литература

1. Байгарин М. Вклад Казахстана в Победу // Казинформ. Международное Информационное Агентство. 2014. 5 мая. С. 32.
2. Кирсанов Н. А. Национальные формирования Красной Армии в ВОВ 1941–1945 // Отечественная история. 1995. № 4. С. 118.
3. Соколов Б. В. Вторая мировая. Факты и версии. Москва, 2002. 432 с.
4. Гальперин Ч. Россия и Степь: Георги Вернадский и евразийство. Часть I, II / пер. с англ. Д. М. Констиной; сост. М. К. Койгелдиев. Алматы, 2005. 264 с.
5. Байгарин М. Вклад Казахстана в Победу // Казинформ. Международное Информационное Агентство. 2014. 5 мая. С. 34.
6. Государственный архив г. Астаны. Ф. 362. Оп. 1. Д. 20.
7. Паначин Ф. Г. Педагогическое образование в СССР. Москва, 1975. С. 106.
8. Бисенбаев А. К. Деятельность научных учреждений и высших учебных заведений Казахстана в годы Великой Отечественной войны: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Алма-Аты, 1984. 15 с.
9. История Казахской ССР. Эпоха социализма. Алма-Ата, 1963. 636 с.
10. Капаева А. Т. Наука и культура Казахстана в годы Великой Отечественной войны. 2015. 12 с.
11. Козыбаев М. К. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. В двух книгах. Книга вторая. Алматы: Ғылым, 2000. 388 с.

**KAZAKHSTAN DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
(1941-1945)**

© **Zadash O. Dukenbaeva**

Doctor of History, Professor of the Department of History of Kazakhstan,
Eurasian National University after L. N. Gumilyov

Kazakhstan, Astana

dukenbaevazo@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the situation of the inhabitants of Kazakhstan during the Great Patriotic War of 1941–1945. The combat feat of the heroes of the Soviet Union who went to the front is highlighted. Particular attention is paid to educational organizations evacuated in different cities of Kazakhstan.

Keywords: Great Victory, Great Patriotic War, Kazakh soldiers, Hero of the Soviet Union, military history, historical memory.

Научная статья
УДК 94(574)

ТРУДОВОЙ ПОДВИГ КАРАГАНДИНЦЕВ ВО ИМЯ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ¹

© Нукина Адель Сакеновна
студентка,
Центрально-Казахстанская Академия
Казахстан, г. Караганда
gulnaz_28okt@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению вклада жителей Карагандинской области Казахстана в дело Победы над фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. Представлена история и боевой путь военных частей, сформированных в Караганде. Основная цель статьи заключается в изучении трудового подвига тружеников Карагандинского региона в годы Великой Отечественной войны на материалах периодической печати.

Ключевые слова: военная история, трудовой фронт, Великая Отечественная война, Казахстан в годы Великой Отечественной войны, карагандинцы, историческая память.

Чем дальше уходит от нас Великая Отечественная война, тем больше возрастает интерес к ее свидетелям, событиям и фактам той непростой эпохи. В Великой Отечественной войне принимали участие 59935 карагандинцев. Сформированные в Караганде 72-я гвардейская стрелковая Краснознаменная, 387-я Перекопская, 310-я Новгородская ордена Ленина Краснознаменная дивизии защищали Москву, Ленинград, Сталинград, принимали участие в сражении на Красной дуге, в освобождении Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии. 500 солдат и офицеров Казахстана, среди них 98 казахов, были удостоены высокого звания Героя Советского Союза, в том числе 32 карагандинца. В боях под Москвой погибли 1267 карагандинцев, при обороне Ленинграда – 1949, Сталинграда – 2187, на Орловско-Курской дуге – 1405, за освобождение Украины – 6869, Белоруссии – 688, Прибалтики – 823, в Восточной Европе – 934, в боях за Берлин – 375, в войне с Японией – 39 карагандинцев [1].

Наряду с воинским подвигом советских людей невозможно не упомянуть о трудовом подвиге народа. Казахстан, участвуя в Великой Отечественной войне, располагал солидными людскими и огромными природными ресурсами стратегического значения. Для работы в промышленности были мобилизованы свыше 700 тыс. человек, в том числе 200 тыс. казахов. Были созданы трудовые армии, в основном из спецпереселенцев и депортированных. Даже с учётом размещения в республике примерно полтора млн жителей прифронтовой полосы и репрессированных народов процент мобилизации оказался очень высоким: на

¹ Научный руководитель: м. ю. н. Г. К. Шарипова.

фронт и в оборонную промышленность был отправлен каждый четвёртый житель республики» [2].

Программа организации военной экономики, разработанная правительством, предусматривала комплексное решение многих сложных задач. В утвержденном 16 августа 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП (б) военно-хозяйственном плане на четвертый квартал 1941 г. и на 1942 г. важное место отводилось Казахстану, в частности отмечалось: «...Ввести в действие в 4 квартале 1941 г. по Караганде 7 шахт на 1700 тыс. тонн, заложить в 1942 г. 5 шахт на 1200 тыс. тонн» [4]. ЦК ВКП (б) Казахстана утвердил новый план работы, предусмотрев в нем главным образом, военно-мобилизационные вопросы и важнейшие мероприятия по переводу гражданской промышленности на производство военной продукции. Карагандинский обком партии 26 декабря 1941 г. рассмотрел производственный план на 1942 г. по тресту «Карагандауголь», одобренный Народным комиссариатом угольной промышленности СССР. Согласно этому плану Карагандинский бассейн должен был дать стране в 1942 г. – 10890 тыс. тонн угля.

19 июля 1941 г. состоялся хозяйственный актив угольщиков по итогам работы треста «Карагандауголь» за 1 полугодие 1941 г. и перестройке работы шахт на военный лад. В 1940 г. топливная промышленность оказалась в тяжелом положении. Карагандинский бассейн стал второй после Донецка основной угольной базой страны. На его плечи легла задача обеспечить работу электростанций, промышленных предприятий, транспорта и других отраслей народного хозяйства Казахстана, Южного Урала, ряда западных районов Поволжья.

Совет Народных Комиссаров СССР 6 декабря 1941 г. принял постановление «О развитии добычи угля в восточных районах СССР» [3]. По этому постановлению Карагандинский угольный бассейн должен был увеличить добычу угля ежегодно на 10–12 % в сравнении с предыдущим годом [4]. Горняки Караганды горячо откликнулись на призыв советского правительства об увеличении производства промышленной продукции. Горняки шахты № 1 на митинге обязались дать Родине сотни и тысячи тонн высококачественного угля сверх государственного плана. Директор шахты № 1, депутат Верховного Совета СССР Т. Кузембаев 1 ноября 1941 г. рапортовал о выполнении годового плана и намерении до конца 1941 г. дать 30 тыс. тонн угля.

В помощь фронту «создавался Фонд обороны, одним из первых внес 1500 руб., директор шахты Т. Кузембаев. Только за один день на шахте собрали 14880 руб. Успешно завершили программу угледобычи и горняки шахты им. Кирова» [5].

В первых рядах бойцов тыла шли горняки одной из крупных шахт № 20: навалоотбойщики Абдрахманов, Пенкин, Сенько, Митрофанов, Акимбаев и многие другие выполняли по две-три нормы. Машинисты врубовой машины этой шахты Г. Степанов и Г. Кухта с помощниками дали слово вчетвером работать за 20 человек, и они его сдержали. Придавая исключительное значение Караганде как одному из главных источников снабжения страны углем, ГКО, ЦК ВКП (б) 13 сентября 1942 г. приняли постановление «О неотложных мерах по увеличению добычи угля в Карагандинском бассейне». В Постановлении были меры, направленные на быстрое развитие бассейна. Предусматривалось «строительство новых шахт, увеличение добычи угля, особенно коксующегося, обеспечение ин-

женерно-техническими и рабочими кадрами, усиление руководства социалистическим соревнованием и улучшение культурно-бытового обслуживания шахтеров» [5].

В порядке эвакуации в Караганду было направлено свыше тысячи квалифицированных горняков и инженерно-технических работников из Донбасса. Из 356 работников, находящихся на командных должностях в бассейне, 165 были из числа эвакуированных из Донбасса. Начальником комбината работал донбасовец Г. Спицын, главным инженером – Д. Лапин, начальником шахты № 31 – А. Стаханов, главным механиком этой шахты – С. Макаров.

Шахта им. Костенко – старейшая в Карагандинском регионе. 8 мая 1942 г. по приказу наркома угольной промышленности В. Вахрушева она была сдана в эксплуатацию в далеко не законченном виде: «Люди, уголь, грузы-все доставлялось на поверхность только через клетьевой ствол, который работал по временной схеме и имел крайне низкую пропускную способность. Но горняки и в таких условиях выдавали уголь» [6].

16 марта 1944 г. горняки шахты приняли обращение к Маршалу Советского Союза Коневу, в котором говорилось: «Мы отработаем свои выходные дни и выдадим по 10 тонн угля на каждого. Тем самым поможем военным заводам в деле выпуска металла для Красной Армии, быстрее разобьем фашистские полчища» [7]. В июне 1944 г. молодой шахтер-костенковец Шабарин выступил с почином – добыть в фонд Победы после отработки смены 60 тонн угля. А комсомолка Черткова от имени девушек заявила, что они не хотят уступать парням и добудут во внеурочное время по 40 тонн угля.

В первый год работы шахты было добыто 50400 тонн, а всего за годы войны – 428, 4 тонн угля. Сразу после войны шахта имени Костенко была остановлена, и в течение шести лет продолжалось ее строительство, был подписан акт сдачи-приемки в эксплуатацию новой шахты «А» имени Костенко, крупнейшей шахты Карагандинского угольного бассейна. Всего в 1942 г. в строй было введено восемь шахт.

В 1942 г. стала действовать первая очередь КарГРЭС № 1. Было положено также начало добыче угля открытым способом. В 1941 г. заложен 1-й разрез на месте Федоровской шахты, а в 1942 г. сооружен мощный разрез № 2. В 1943 г. началось строительство самого крупного разреза – № 4. Он был сооружен в рекордно короткий срок – за 9 месяцев. В октябре 1943 г. партийная организация Караганды подвела итоги борьбы за уголь. Итоги были радостными. Добыча угля в 1943 г. достигла 9,4 тыс. тонн. За 1943 г. горняки Караганды сдали в эксплуатацию 28 новых горизонтов, 6 шахт.

В Казахскую ССР, по мнению Кикимова Т., было эвакуировано 200 предприятий [8]. В Центральном Казахстане было размещено более 10 перебазированных промышленных предприятий. В октябре 1941 г. из Украины в Караганду прибыло оборудование Луганского завода горно-шахтного оборудования им. Пархоменко. Эвакуированный завод был объединен с Карагандинским рудоремзаводом. Завод уже через три месяца начал выдавать продукцию. В 1942 г. завод был занят исключительно изготовлением военной продукции. Производить военную продукцию было нелегко, но люди быстро освоились с технологией и вскоре стали выпускать по 200–250, а в иные дни и до 500 корпусов снарядов для

знаменитых «катюш», ставших мощным оружием нашей армии [8]. Что стояло за этими цифрами – боль, тревога, желание скорейшей Победы, только этим людям известно, чего это им стоило. Этот подвиг народа невозможен был бы без талантливых руководителей, среди которых можно назвать Обухова Дмитрия Ивановича, начальника Карагандинского горного округа Госгортехнадзора Казахской ССР, Героя Социалистического Труда.

Д. И. Обухов начинал трудовую деятельность начальником шахты № 12 треста «Кадиевуголь» Луганской области. Война все изменила. В конце 1941 г. поступил приказ взорвать шахту. Дмитрий Обухов вместе со своей командой вынужден был исполнить приказ. Получил новое назначение ехать в Казахстан, в Караганду, где приступил к работе в должности начальника участка шахты № 2 им. Горького. Под его руководством, впервые в истории Карагандинского угольного бассейна добыча угля превысила 1 млн тонн, это был успех коллектива шахты во главе с начальником Обуховым [9].

Упомянув наших земляков, хочется сказать о Мусине Жанаре, полном кавалере Шахтерской славы, труженике тыла. Начал свою трудовую биографию в 1943 г. в 16-летнем возрасте. После войны окончил горный техникум, работал на шахте 23, в народе именуемой Михайловской (ныне им. Т. Кузембаева). Из воспоминаний Мусина Ж.: «как голодно и трудно было, но у нас не было другого выбора, все очень старались», да весь народ старался помочь стране, и они сделали невозможное.

Большую помощь в исследовании данной проблемы оказывают архивные материалы, многие ранее закрытые от исследователя фонды сегодня являются доступными, и нам становится еще яснее, что наша общая Победа, была бы невозможна без простых тружеников.

Из архивных материалов, ставших доступными в наши дни, мы находим интересные факты. В докладной записке прокурору Карагандинской области о результатах изучения причин, порождающих прогулы и самовольные уходы с предприятий угольной промышленности от 13 февраля 1943 г. узнаем, что молескиновые костюмы (летние), рукавицы, брезентовые ботинки на деревянной подошве через 15 дней приходят в негодность. Следовательно, рабочие угольного бассейна находились в чрезвычайно тяжелом положении из-за отсутствия или быстрого износа спецодежды и обуви, которые порождали «массовые невыходы на работу в течение длительного срока». Были выявлены случаи, когда рабочие из-за отсутствия обуви ноги обертывались тряпками, выданные одеяла разрезали на тряпки. Отмечались случаи обморожения. В общежитии на шахте №33/34 отсутствовали топчаны, топливо, вода. Были установлены случаи нарушения порядка о дополнительном питании рабочих, перевыполняющим норму. На шахте им. Кирова талоны на дополнительное питание выделялись через три дня после выполнения нормы. В столовой этой шахты было установлено снижение норм выхода продукции. Так, вместо полагающихся 160 граммов картофеля отпускалось по 140 граммов. При проверке на шахте им. Калинина в отпускающихся порциях хлеба не хватало по пятьдесят граммов [10].

Завод им. Пархоменко из месяца в месяц перевыполнял план, давая шахтам Караганды и фронту на миллионы рублей сверх плана, и уже в 1945 г. выпускал около 300 видов промышленной продукции [8].

В Караганде были размещены Артемовская обувная фабрика и часть оборудования фабрики «Парижская Коммуна». После восстановления фабрика выпускала 3400 пар обуви. Часть эвакуированного оборудования Астраханской фабрики была использована на строительстве Карагандинской кондитерской фабрики [8].

В Караганду прибыло оборудование Киевской ТЭЦ, Штеревской ГРЭС, Ярославской ТЭЦ, которое было использовано на строительстве КарГРЭС-1, оборудование Ново-Подольского цементного завода использовано на строительстве Астаховского цементного завода.

Карагандинцы не остались в стороне от помощи Ленинграду. В самое тяжелое время трудящиеся Казахстана писали защитникам города: «В эти грозные дни мы с вами, братья-ленинградцы. Для всех нас близок, дорог ваш город.... Мы делаем все, чтобы вы героические защитники города, ни в чем не нуждались» [11].

Участники собрания партийного актива г. Караганды от имени шахтеров и трудящихся области послали телеграмму: «Город Ленинград. Горком ВКП (б), тов. Жданову. Трудящиеся великого города. Над священной колыбелью пролетарской революции нависла непосредственная угроза. В предсмертной агонии кровавый фашизм протянул свои лапы к великому городу. Трудящиеся Ленинграда, славные патриоты цитадели пролетарской революции! К вам наше слово шахтеров Караганды: будьте отважными и мужественными в эти трудные для нашей Родины дни» [11].

Президиум Верховного Совета Казахской ССР обратился к трудящимся республики с призывом оказать помощь городу-герою. ЦК КП (б) Казахстана своим постановлением от 4 мая 1942 г. объявил месячник сбора продовольственных подарков от трудящихся Казахстана для бойцов, командиров и политработников войск Ленинградского фронта и трудящихся города-героя. По всей республике развернулось мощное патриотическое движение по сбору подарков для ленинградцев. Не было ни одного коллектива, который оставался бы в стороне от этого благородного дела.

К концу мая 1942 г. трудящиеся Карагандинской области отправили в Ленинград более 20 тонн различных продуктов. А всего за период месячника по области собрано и отправлено 20 вагонов. Весной 1942 г. по инициативе шахтеров Караганды начался сбор средств на подарки партизанам. Особенно активно участвовала в этом молодежь города. На собранные средства приобреталась одежда, обувь и продукты.

Волнующей была встреча делегации Караганды с партизанами и колхозниками оккупированных районов Ленинградской области, которым представители трудящихся Караганды в марте 1942 г. привезли 24 вагона подарков. При встрече с карагандинцами комиссар партизанского отряда обратился к нашим на казахском языке. Это произвело большое впечатление на присутствовавших. Оказалось, что комиссар раньше работал в Казахстане» [11].

Еще больше усилилась помощь трудящихся Казахстана, в том числе Карагандинской области, Ленинграду в 1943 г. В ноябре в Ленинград прибыла делегация республики, доставившая ленинградцам, партизанам и морякам Краснознаменного

Балтийского флота 43 вагона с продовольствием, собранным трудящимися республиками, – подарок казахстанцев к 25-й годовщине Октября [11].

80 лет отделяют нас от тех дней, когда началось самое страшное событие начало войны, окончившееся Великой Победой. Главным героем этой Победы был народ, совершивший подвиг, равного которому не знала история. В этот подвиг внесли свой вклад труженики нашей области, и там на полях сражений, и здесь в тылу. Наш долг никогда не забывать эти бессмертные страницы истории.

Источники и литература

1. Караганда. Карагандинская область: энциклопедия. Алматы, 1986. 606 с.
2. Федюков Н. Я. История Казахстана. Ч. 3. Казахстан в новейшее время (с 1917 года до наших дней). Караганда: Кент LTD, 2018. С. 89.
3. Савин В. В едином порыве // Индустриальная Караганда. 2010. 1 мая. С. 3.
4. Новиков В. Я. И солдаты, и шахтеры // Индустриальная Караганда. 2005. 10 февр. С. 7.
5. Анатольева С. Они приближали Победу // Индустриальная Караганда. 2015. 6 янв. С. 5.
6. Жумасултанов А. Тыл – фронту // Индустриальная Караганда. 2005. 18 окт. С. 11.
7. Новиков В. Я. И солдаты, и шахтеры // Индустриальная Караганда. 2005. 10 февр. С. 7.
8. Кикимов Т. И в тылу был фронт // Индустриальная Караганда. 2005. 4 авг. С. 6.
9. Новиков В. Я. Посланец Донбасса // Карагандинские вести. 2005. 10 февр. С. 11.
10. Братухина Е. Книга военных тайн // Новый вестник. 2010. 7 апреля. С. 17.
11. Жумасултанов А. Караганда – Ленинграду // Индустриальная Караганда. 2005. 30 апр. С. 6.

**LABOR FEAT OF KARAGANDA IN THE NAME
OF THE GREAT VICTORY**

© **Adel S. Nukina**

Student,

Central Kazakhstan Academy

Republic of Kazakhstan, Karaganda

gulnaz_28okt@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the contribution of the inhabitants of the Karaganda region of Kazakhstan to the Victory over the fascist invaders during the Great Patriotic War. The history and combat path of the military units formed in Karaganda are presented. The main purpose of the article is to study the labor feat of the workers of the Karaganda region during the Great Patriotic War on the materials of the periodical press.

Keywords: military history; labor front; the Great Patriotic War; Kazakhstan during the Great Patriotic War; Karaganda; historical memory.

Научная статья
УДК 94(47+57)

**АМЕРИКАНСКАЯ ЖУРНАЛИСТКА АННА ЛУИЗА СТРОНГ
О ВКЛАДЕ В ПОБЕДУ СОВЕТСКИХ КРЕСТЬЯН
(1941–1945 гг.)**

© **Жимбуева Ольга Владимировна**

аспирант кафедры «Социально-гуманитарные науки, реклама и туризм»,
Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8
irkutskolga@gmail.com

Аннотация. Статья написана на основе авторского перевода книги американской журналистки и доктора философии Анны Луизы Стронг. Книга «Советское крестьянство» была издана на английском языке для американского читателя, опубликована в 1944 году. Автор книги симпатизировала Советскому Союзу, считала советское сельское хозяйство не просто новым, но и передовым. А. Л. Стронг, опираясь на материалы партийных документов, печати, собственные наблюдения, рассматривает историю создания колхозов, их преимущества перед мелкими индивидуальными хозяйствами. Она показывает, как потенциал колхозов раскрывается в условиях военного времени, позволяя организованно противостоять угрозам и лишениям, находить новые резервы, внедрять эффективные методы хозяйствования. В книге показано положительное влияние коллективного образа жизни на личный и профессиональный рост колхозников. А. Л. Стронг отмечает возросший уровень жизни сельчан, улучшение условий их труда и отдыха по сравнению с дореволюционным. Приведены примеры героического труда колхозников в годы Великой Отечественной войны и примеры преодоления трудностей в достижении победы. Главную роль в восстановлении пострадавшего за годы войны сельского хозяйства Советского Союза она отводит колхозам.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Советский союз, крестьянство, колхозы, сельское хозяйство, победа, коллективный труд, Германия, нацизм.

«Колхозы победили Гитлера», – к такому выводу приходит Анна Луиза Стронг в своей книге «Советское крестьянство», изданной в 1944 г. в США, «Я попыталась описать новый, современный тип сельского хозяйства, с которым столкнулся Гитлер в попытке захватить Советский Союз. Советские крестьяне выиграли битву с голодом. Эта победа была по-своему столь же значительной, как и победа под Сталинградом» [1, с. 47].

Анна Луиза Стронг родилась в 1885 г. в семье проповедника в штате Небраска. Обучалась в частных колледжах. Окончила Чикагский университет и защитила степень доктора философии. Впервые посетила Советский Союз в 1921 г. в составе миссии для помощи голодающим в Поволжье. В 1925 г. начала работать в качестве московского корреспондента информационного агентства International News Service. В 1930 г. она основала Moscow News – первую советскую газету на английском языке. Анна Луиза Стронг побывала во многих городах и регионах Советского Союза. Встречалась со Сталиным и Молотовым, дру-

гими советскими чиновниками, интервьюировала фабричных рабочих, сельчан, простых людей.

«Советское крестьянство» – одна из самых интересных книг, написанных о жизни в СССР. Она состоит из 8 основных разделов: 1. Нападение Гитлера; 2. Война против голода; 3. Колхозники России; 4. Великий путь к современному эффективному земледелию; 5. Безопасность на земле; 6. Новый колхозный народ; 7. Сельское хозяйство страны; 8. Восстановление освобожденных территорий. Заключительная часть озаглавлена: «Колхозы победили Гитлера».

В первом разделе «Нападение Гитлера» автор использует сравнения, понятные американскому читателю: «Нацистами была оккупирована площадь России в 600 тыс. квадратных миль (1 миль равна 1609 метров). Потеря была равна тому, как если бы Соединенные Штаты потеряли все Огайо, Индиану, Иллинойс, Айову, Миссури, Висконсин и южную Миннесоту» (по расчетам профессора Вилсона, директора Департамент сельского хозяйства и продовольствия США) [1, с. 6].

Анна Луиза Стронг рассказывает о том, как люди, привычные к коллективному труду, организованно убирала урожай в условиях начавшейся войны, обеспечивали отправку сельскохозяйственной продукции в тыл, прятали технику и скот, чтобы они не достались врагу. Опираясь на примеры участия сельчан в военных акциях, она стремится показать, что колхозный строй преобразил прежде «неграмотных мужиков» А. Стронг описывает случай, когда колхозники обнаружили полевой телефонный кабель, сами провели его через передовую в штаб Красной Армии, что помогло советским военным узнать и разрушить планы врага. Однажды сельчане обнаружили восемь немецких танков, которые стояли без топлива и ожидали заправку. Колхозники организовали нападение тремя группами: в первой были метатели бутылок с зажигательной смесью, во второй – стрелки и в третьей – трактористы. Подожгли и уничтожили четыре танка. Немцы, выскочившие из танков, были расстреляны стрелками. Четыре танка были угнаны в лес трактористами [1, с. 8].

Второй раздел «Война против голода» посвящен трудовому подвигу колхозников в тылу. «Без сомнения, немцы рассчитывали, что в Советском Союзе начнется голод. Колхозники в ответ на эту угрозу взялись за освоение новых земель и за увеличение урожайности. С голодом пришлось воевать в основном женщинам, детям, старикам и инвалидам. В этих тяжелейших условиях колхозы не только сохранили, но и увеличили производство [1, с. 9].

Автор приводит средние данные о питании в военное время советских людей (1600 калорий) в сравнении с жителями Великобритании (2500 калорий) и США (3000 калорий). Анна Луиза Стронг подчеркивает, что при таком питании советские люди работали по двенадцать, тринадцать, четырнадцать часов в день. и добавляет, что в тыловых регионах люди порой погибали от недостаточного питания и тяжелой работы. «Так же, как Красная Армия отступала под натиском врага, так и народ отступал перед голодом. И так же, как Красная Армия сохранила свою боеспособность, пока не смогла перейти к наступлению и победе, так и народ удерживал свои позиции на продовольственном фронте, пока не смог побеждать», – проводит аналогию автор книги [1, с. 10].

Американская журналистка перечисляет наиболее важные меры, принятые в сельском хозяйстве СССР в условиях военного времени. Отмечает, что в

первый же год войны было подготовлено 85000 новых трактористов и 49000 комбайнеров. Это были женщины, заменившие мужчин, ушедших на фронт. На помощь колхозам пришли учащиеся школ, работники промышленных предприятий. «Один сибирский завод вместе с ремонтными бригадами отправил в свой подшефный колхоз письмо: "Было не просто отпустить этих опытных рабочих с нашего завода, в то время как много работников ушли воевать, и наши поставки фронту требуются день и ночь. Но мы обязуемся во время их отсутствия увеличить производительность, и этого же ожидаем от вас в вашем труде» [1, с. 13].

Анна Луиза Стронг обращает внимание на то, как восстанавливалось сельское хозяйство на территориях, освобожденных от немецких захватчиков. «По мере продвижения Красной Армии на запад эшелоны с сельскохозяйственной техникой следовали за ней. Также поступала помощь с восточных областей. В каждой области брали шефство над одним из освобожденных районов и соревновались в их восстановлении» [1, с. 41].

В разделе «Колхозники России» Анна Луиза Стронг отмечает успехи сельчан в сохранении семенного фонда, в работе над выведением новых урожайных сортов, в использовании передовых и эффективных методов хозяйствования. Автор подводит читателя к мысли, что именно благодаря колхозам стало возможно в годы войны быстрое внедрение научных разработок. Например, профессор М. С. Дунин предложил метод глазкового выращивания картофеля, и агроном Т. Д. Лысенко организовал полмиллиона молодежи на посадку картофеля по этому методу, сэкономив 150 тыс. тонн картофеля для питания. Ученый В. П. Бушинский проводил в колхозах успешные эксперименты по глубокой вспашке истощенных за военные годы почв. Анна Луиза Стронг использует линию сравнения колхозов с дореволюционной формой единоличного хозяйствования. «Полосы земли, принадлежащие разным хозяевам, были длинными и узкими. Было трудно развернуться на них. Они разделены пограничными грядами, рассадниками сорняков... Орудия труда были грубыми, деревянными, в основном самодельными. Треть крестьян имели только одну лошадь, другая треть была безлошадной, за аренду тяглового скота отдавали почти половину урожая». Затем дается оценка первых десяти лет развития села после революции. Автор отмечает появление сельскохозяйственной кооперации, благодаря которой улучшилось положение бедняков. Однако говорит, что «любой посторонний, взглянувший на российскую деревню в ноябре 1927 год, через десять лет после революции, сказал бы, что сельское хозяйство опаздывает на столетие» [1, с. 17].

Четвертый раздел под заголовком «Великий путь к современному сильному земледелию» посвящен ходу сплошной коллективизации. Автор обращает внимание на такие меры стимулирования, как особые льготы коллективным хозяйствам при распределении земель, государственное кредитование, обеспечение сельскохозяйственной техникой.

Американская журналистка не скрывает, что «многие хозяйства потерпели неудачу, хотя правительство помогло им с повторными кредитами и позднее аннулировало долги. Разочарование в колхозах привело к бегству некоторых крестьян из деревни. В течение почти трех лет новые хозяйства почти не кормили страну, а население городов получало скудный паек хлеба». В то же время она рассказывает о помощи рабочих колхозникам в чрезвычайной ситуации. Строки,

посвященные движению «тысячников», приобретают особую достоверность благодаря ее личной причастности к описываемым событиям: «В качестве волонтерской помощи возила механиков в колхозы, когда посевная льна в Подмоскowie оказалась под угрозой срыва. Моя машина была частью кампании, в которой участвовали сотни автомобилей и тысячи механиков. Наши поездки спасли посевы льна в этом году – таков был подарок рабочих Москвы колхозам. В каждом городе открыты короткие зимние курсы для колхозников. В городе Омске в Сибири зимой 1929–1930-го годов было обучено 20 тысяч человек. Я видела, как сельчане проходили трехмесячные курсы по разным специальностям, от бухгалтерского учета до вождения трактора, доярок, птичников или управляющих колхозом» [1, с. 15].

Автор не обошла молчанием такую неудобную для советского правительства тему, как голод 1932 г. Хотя главной причиной она называет неурожай, что соответствует официальной версии того времени, автор говорит, что это «добавилось к другим трудностям первых этапов коллективизации».

В пятом разделе «Безопасность на земле» и шестом разделе «Новый колхозный народ» утверждается глобальное значение колхозного строя как гарантии безопасности от голода, долгов, кредитов, рыночной неопределенности, от случайностей природы и эксплуатации человека. Машины в колхозах высвобождали рабочую силу. В других странах это создало бы миллионы безработных. А колхозники, владея всей землей своей деревни, легко находили применение рабочей силе. К обычным ржи и пшенице добавились прибыльные технические культуры, культивировались сады. Были созданы образцовые молочно-товарные фермы и птицефабрики. Колхозы начали строить электростанции, ирригационные системы, аэродромы для самолетов наркомата земледелия, лаборатории для сельскохозяйственных экспериментов.

В седьмом разделе «Сельское хозяйство страны» раскрывается плановый характер колхозного строя. Значительная часть раздела отведена деятельности машинно-тракторных станций. Автор вновь обращается к личному опыту: «Первую МТС я увидела в январе 1930 года под Одессой. Эта станция поставила машины в 67 колхозов. За использование тракторов каждый колхоз расплачивался после сбора урожая. Расходы учитывались по себестоимости, поскольку МТС была самокупаемой [1, с. 32].

Американская журналистка делает вывод, что именно благодаря плановой экономике, колхозы России «за последние десять лет преобразовали целый континент»: «Пшеница, рис, хлопок распространялись на север в новые районы, а картофель, овощ холодных регионов, был приспособлен для выращивания на юге. Были выведены новые культуры цитрусовых, чая и каучуконосных растений» [1, с. 33].

В восьмом разделе автор отводит колхозному строю основную роль в восстановлении пострадавшего от войны сельского хозяйства. Здесь в единой связи вновь рассмотрены государственное планирование, преимущества коллективного труда, подготовка специалистов.

Вывод Анны Луизы Стронг о том, что колхозы победили фашизм, был сделан на обширном материале. Американская журналистка демонстрирует хорошее знание советской истории, публицистики, правительственных документов, в не-

которых вопросах опирается на личные наблюдения. Испытывая симпатию к советскому строю, она старается оставаться объективной, и не замалчивает болезненные для советского правительства экономические и политические провалы. Благодаря этим достоинствам автора, ее книга сохраняет свою актуальность и интересна для современного читателя.

Литература

1. Стронг А. Л. Советское крестьянство. Нью-Йорк: Национальный совет американо-советской дружбы, 1944.

**AMERICAN JOURNALIST ANNA LOUISE STRONG ON THE CONTRIBUTION
TO THE VICTORY OF THE SOVIET PEASANTS
(1941–1945)**

© **Olga V. Zhimbueva**

Postgraduate Student,

Department of Social and Humanitarian Sciences, Advertising and Tourism,

Buryat State Agricultural Academy named after V. R. Filippov

670000, Russia, Ulan-Ude, Pushkin St., 8

irkutskolga@gmail.com

Abstract. The article is based on the author's translation of the book by the American journalist and PhD Anna Louise Strong. The book "The Soviet Peasantry" was published in English for the American reader, published in 1944. The author of the book felt sympathy for the Soviet Union, considered Soviet agriculture not just new, but also advanced. A. Strong, relying on the materials of party documents, press, his own observations, examines the history of the creation of collective farms, methods and methods of work at the beginning of the war, in evacuation, in the rear, describes the measures taken to train personnel, in wartime conditions. In the section "Collective farmers of Russia" the author notes the increased standard of living of the villagers, their professional training, readiness to fight the enemy in a guerrilla war. Among the special achievements, he notes the important role of Soviet collective farms in providing food for the front and rear, tells about examples of heroic labor during the Great Patriotic War. In the section "Restoration of the liberated territories", A. Strong calls the greatest miracle the rapid return to life of the war-ravaged territories liberated in 1944. All this became possible, the author believes, thanks to the collective farm system, which withstood the test of the war in the frontline territory, in the rear, and when the collective farms assumed additional obligations, they shared equipment, livestock and everything necessary with those who started a new life in the liberated territories.

Keywords: Great Patriotic War; Soviet Union, peasantry; collective farms; agriculture; victory; collective labor; Germany; Nazism.

Научная статья
УДК 94(574)

ВОСПОМИНАНИЯ ЖЕНЩИН КАЗАХСТАНА О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 гг.

© Айдарова Айнура Сериковна

учитель,

Общеобразовательная школа № 30

Казахстан, г. Караганда, Степной 2-й микрорайон, 9

aydarova.aynura98@mail.ru

Аннотация. В статье представлены материалы интервью с непосредственными участниками событий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Осуществлена попытка сохранения и анализа воспоминаний казахских женщин о суровом военном времени. Исследование является частью масштабного научного проекта на тему «Великая Отечественная война и женщины Казахстана: женские истории и повседневность» (в рамках гранта Министерства образования и науки Республики Казахстан).

Ключевые слова: историческая память, живая память, устная история, история повседневности, женские истории, Казахстан в годы Великой Отечественной войны, Великая Отечественная война.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. вошла в историю каждой семьи в Советском Союзе. По своим меркам это была одна из самых тяжелых и кровопролитных войн с большими человеческими потерями. Все дальше и дальше уходят от нас поколения, пережившие эти трудные и страшные военные годы. В годы войны каждый фронтовик или тыловик, совершил свой значительный вклад в Победу. На сегодняшний день нам осталась историческая память о тех событиях, которую мы должны помнить, сохранить и передать последующему поколению. Необходимо отметить, что историческая память – это не только факты и хронологические события, но, самое главное, это «живая память», под которой следует понимать воспоминания, фронтовые письма, военные фотографии и документы, а также материалы интервью участников и свидетелей тех событий.

В течение ряда лет в Казахстане реализуется благотворительный проект «Jenis» (Победа), в котором участвуют представители 35 городов респубшкики. Основная цель проекта – проведение комплекса мероприятий по чествованию ветеранов Великой Отечественной войны, направленных на воспитание казахстанского общества в духе патриотизма, пропаганду духовно-нравственных ценностей, воспитание уважительного отношения к истории и подвигам ветеранов.

На историческом факультете Карагандинского государственного университета имени академика Е. А. Букетова под руководством профессора З. Г. Сактагановой функционирует Центр этнокультурных и историко-антропологических исследований, который с 2017 г. ведет разработку масштабного научного проекта на тему «Великая Отечественная война и женщины Казахстана: женские истории и повседневность» (в рамках гранта Министерства образования и науки Республики Казахстан). непосредственное участие в сборе материалов и интервью,

оцифровке архивных документов, в составлении общей электронной базы данных «Женщины Казахстана на фронтах» по всем областям Казахстана.

В ходе исследовательской работы по проекту у меня появилась уникальная возможность взять интервью у ветерана Великой Отечественной войны, одной из первой переводчиц главного судебного Нюрнбергского процесса – С. Г. Пономаревой. Данное интервью опубликовано в сборнике воспоминаний и интервью [3, с. 156–161].

Серафима Григорьевна родилась 3 октября 1927 г. в г. Клинцы Брянской области. Когда ей было три месяца, семья переехала в Москву. Своими воспоминаниями о начале войны поделилась Серафима Григорьевна: «22 июня, в 4 часа утра, когда все спали, по радио выступил Ю. Б. Левитан, в 9 часов утра – В. М. Молотов, а чуть позже – И. В. Сталин. Нам сообщили о начале войны. До 22 июня, мы предчувствовали, что что-то не так. Когда в июне месяце начали вешать сетки над Мавзолеем Ленина, над Домом Правительства, над Кремлем для защиты этих зданий от попадания фугасных бомб. Несмотря на то, что паники в городе не было, мы уже поняли, что началась война. Помню, как плакали москвичи, когда сообщили, что на нашу страну напала фашистская Германия. Во дворах всех жилых домов, многоэтажек, родители и мы вместе с ними начали копать маленькие и неглубокие окопы. Когда была объявлена настоящая воздушная тревога, самолеты начали бомбить окраины Москвы. Мы никуда не ходили и сидели дома. Родители дежурили по ночам на крышах домов, чтобы не было пожаров там, куда попала бомба» [4].

В сентябре 1943 г. Серафима Григорьевна поступила в Московский институт международных отношений. Так как отец был сотрудником МИД, она с детства знала языки. Свободно разговаривала на английском и немецком, слабо – на французском.

О том, как ее забрали на фронт, вспоминает С. Г. Пономарева: «В группу военных переводчиков поступило 17 человек. Как положено, нас поздравили, сразу выдали студенческие билеты. А 29 апреля 1944 года декан оповестил о том, что советские войска пошли вперед, подходят к границам Германии и армии нужны переводчики. Всего было 4 девушки, кто в совершенстве знали языки. Их забрали, не спрашивая, только родителям сообщили, что их детей забрали. Вместо зачеток и студенческих билетов выдали военные предписания, посадили в эшелон. Так, 29 апреля 1944 года была призвана на военную службу и направлена в штаб легендарного полководца – маршала Г. К. Жукова в составе 1-го Белорусского фронта» [4].

Боевой путь Серафима Григорьевна прошла в Польше, по всей Германии. Особенно ей запомнились события, связанные с падением Берлина: «650 тысяч советских солдат и офицеров погибли во время штурма Берлина. Советское командование во время Берлинской военной операции разместило сто боевых машин, которые бойцы прозвали «катюшами», на Зееловских высотах. Из «катюш» вылетало сразу 6-10 снарядов. У немцев не было такого оружия. Они вызывали панику у врага. Зенитные прожекторы ослепили противника. Это было страшное зрелище, казалось, горит всё: небо и земля! Наши солдаты шли на смерть с криками: «За родину! За Сталина!». 29 апреля 1945 года советские войска подошли к Рейхстагу. Ожесточённые и тяжёлые бои были за каждую его ступеньку. Здание

обороняли отборные СС-овские части, которые были преданы фюреру. Это был последний рубеж обороны гитлеровцев» [4].

Два месяца С. Г. Пономарева принимала участие как синхронная переводчица в Нюрнбергском судебном процессе над бывшими руководителями гитлеровской Германии под руководством главного обвинителя от Советского Союза – прокурора Руденко. К сожалению, ветеран отказалась рассказать о подробностях этого процесса, так как с одной стороны подписывала бумаги о неразглашении военной тайны, с другой – тяжело вспоминать пережитое. И это нам понятно, хотя бы на одном примере. Она рассказала, что ей пришлось побывать в лагере, где были убиты свыше 10000 детей. Для Нюрнбергского процесса ей пришлось собирать материалы по этому факту. Вспоминала ветеран: «Я была в лагере в Маутхаузене, а также в лагере Майданек в Польше, где были убиты десять тысяч наших детей. Я была и в других лагерях. В Бухенвальде земля гудела, потому что детей убивали. Нам пришлось объездить все лагеря и переписать всех очевидцев. Эти сведения мы отдавали руководству для Нюрнбергского процесса. 19 ноября 1945 г. маршал Георгий Константинович Жуков провел совещание и сказал нам: «Едете завтра на работу». 20 ноября мы были уже в Нюрнберге. Это было красивое, мраморное и большое здание. Нас привезли и посадили в отдельную комнату. Мы понимали, что начинается самый страшный процесс. Затем привезли в специальных машинах преступников. Нам надели наушники. Мы слышали то, от чего волосы дыбом поднимались. Это было страшно» [4].

В Советской военной администрации Германии она прослужила восемь лет – с 1945 по 1952 гг. Об этих годах она вспоминает: «Всё это время находились на военном положении. Были случаи, когда снайперы убивали советских сотрудников. Меры предосторожности были необходимы. У каждого военного переводчика был маленький, черный пистолет Вальтер. Нас обучали стрелять в специальном тире. Кобуры не было. Поэтому я его носила в кармане юбки. Когда уезжала из Германии, меня попросили его сдать» [4].

Очень тепло она вспоминает своих сослуживцев, а также маршала Г. К. Жукова, с которым ей приходилось тесно работать: «Я до сих пор помню всех тех, с кем служила вместе. Это маршал Г. К. Жуков, генерал Николай Эрастович Берзарин (был убит в Берлине, ему в машину подложили мину), это все мои подруги с Петербурга. Мы все дружили. Правда, их сейчас никого нет в живых. Я служила в Штабе Г. К. Жукова, он научил нас хорошей дисциплине, быть сдержанными и управлять собой. Благодаря ему, мы получили хорошую путевку в жизнь. Мы вышли патриотами своей великой Родины. Нас так воспитали» [4].

За свою службу Серафима Григорьевна получила награды: «Орден Отечественной войны 1-й и 2-й степени», Медаль «За взятие Берлина», Медаль «За освобождение Варшавы», «Медаль Жукова», в общем 18 медалей.

Вышла замуж без любви (говорит интервьюер) за военного – Александра Ивановича Пономарева. Он был командиром 137-го батальона, который охранял штаб. Расписались в Германии в посольстве, свадьбы не было. Затем С. Г. Пономарева забеременела, и они решили вернуться на Родину. В 1950 г. семья вернулась в Советский Союз. «Исполнилась моя мечта – продолжила обучение, получила диплом Московского института международных отношений» [4].

В 1969 г. мужа направили в Казахстан для формирования Карагандинского гарнизона. В период 1961–1976 гг. преподавала немецкий язык школе-интернате № 7 г. Караганды. В 1975–1997 гг. работала методистом на механико-технологическом (ныне машиностроительном) факультете Государственного политехнического института. С Александром Ивановичем прожила сорок лет, воспитала с ним двух дочерей.

Вспоминает Серафима Григорьевна: «Сейчас я бабушка четырех внуков, пятерых правнуков и одного праправнука. Спасибо вам за то, что не забываете, помните о нас – ветеранах Великой Отечественной войны, помните о великой Победе. Хочу вам пожелать мира! Берегите нашу Родину, наш Казахстан. Берегите и дорожите дружбой народов, не каждая страна может этим гордиться. Будет мир, будет и жизнь!» [4].

В годы Великой Отечественной войны тысячи военных медиков исполняли свой гражданский и профессиональный долг на фронте и в тылу. Прежде всего, они старались организовать успешное лечение раненых и больных, обеспечить санитарно-эпидемиологическое благополучие фронта и тыла. Хрупкие, молоденькие девушки-санструкторы, сколько им пришлось вынести на своих плечах. В пороховом дыму, под пулями, между воронками и рвущимися снарядами, закинув санитарную сумку за спину, они без усталости переползали от одного раненого к другому, делая им перевязки, оттаскивая в воронки и другие укрытия, сохраняя полностью их оружие. Сколько спасено советских воинов, выбывших по ранению из боевого строя, и сколько вернулось в него – не перечесть.

Тяжелые воспоминания о войне оставила ветеран Карагандинской области г. Темиртау Сара Николаевна Садыкова. Она родилась 5 июня 1918 г. в Тюмени. Получив среднее образование, в 1936 г. Сара поступила в фельдшерско-акушерскую школу, где проучилась до 1939 г. Молодого специалиста направили в село Салабоево, недалеко от Тюмени, и назначили заведующей здравпунктом. В 1940 г. Сара Садыкова по комсомольской путевке попала на военно-морскую базу финского острова Валоама, была дежурной медсестрой. Там и застал ее июнь 1941 г.

Вспоминала С. Садыкова: «Наш госпиталь погрузили на баржу и отправили в финский город Шельсенбург. На полпути начальник госпиталя приказал троим медикам – мне, зубному врачу и медсестре – вернуться. Не знаю, выжили те, кто уплыл на барже, или нет – бомбили тогда сильно ... Мы снова оказались на острове, который охраняли 18-летние юнги. К нам постоянно привозили раненых на катере, пароходе, даже на бревнах. Раненых навезли целый остров. И мы втроем делали все, вплоть до самых серьезных операций. А враг с самолетов закидывал нас листовками “сдавайтесь”... Втроем мы проработали на острове до октября. Раненых стало меньше, их постепенно эвакуировали. И мы, медики, с последней партией, поплыли тоже. До нас финны утопили пароход, мы тоже чуть не погибли, пришлось вернуться в бухту. Оказалось, на остров попал предатель, который сообщил врагу, когда повезут раненных. Предателя нашли, сдали, куда следует» [3, с. 167–169].

Заслуга женщин-медиков велика. В местах дислокации им не редко приходилось самим ставить палатки, рыть и оборудовать землянки, строить блиндажи,

кипятить и стирать перевязочные материалы, иногда отдавать свою кровь солдатам. Их теплота и забота спасали многим жизнь.

Сара Николаевна прошла Польшу, Латвию, Литву. Воевала на Волховском, 3-м Прибалтийском, 1-м Белорусском фронтах. Операционная, где медики оказывали помощь раненым, располагалась в палатке, и несколько раз горела. Два раза Сара сама была ранена – отметины на теле и душе остались на всю жизнь. «Мы дошли до Берлина. Там из нашей санроты сделали управление головного эвакуационного пункта, УГЭПП-72», – говорит Сара Садыкова. «Мы жили на даче Гебельса, аж до 1948 года. Нас заставляли лечить пленных немцев. Я плакала, отказывалась это делать, – они столько горя принесли нашей стране, я видела своими глазами, во что они превращали нашу землю, наших солдат и мирное население, они же не жалели ни детей, ни женщин, ни стариков. Меня успокоил начальник УГЭПП-72 Андрей Павлович Дементьев, сказав, что я буду только отпускать по требованию медикаменты для нескольких госпиталей. В помощь дали мне местного немца-фармацевта. Я его спросила: «Зачем вы против нас воевали?» Он ответил: «Гитлер заставил» [3, с. 168].

В 1947–1948 гг. пленных немцев стали отпускать по домам по приказу Сталина. Когда зачитывали приказ, много немцев умирало – они были очень слабы, и сердце не выдерживало радостной вести. Несмотря на то, что пленных немцев почти не осталось, Сару не отпускали домой. Тогда она стала действовать самостоятельно. Дошла до Берлина, оттуда доехала до Тюмени, где ее приняли помощницей на склад медикаментов. Была Сара Николаевна и заведующей здравпунктом, обслуживала семь поселков. С 1955 по 1958 г. училась в вечернем университете марксизма-ленинизма при Тюменском горкоме КПСС. Позже переехала в Узбекистан.

В городе Темиртау Сара Николаевна прожила 45 лет. Была и. о. врача детского комбината № 11, затем 25 лет – заведующей здравпунктом копрового цеха Карметкомбината, обслуживала копровый, смоломагнезитовый цеха, ЦОИ-2. Всю жизнь проработала в здравоохранении, ее трудовой стаж составляет почти 67 лет. Она – отличник здравоохранения СССР, Ветеран труда, Почетный донор. За боевые заслуги в годы Великой Отечественной войны была удостоена Ордена Отечественной войны II степени, медали «За оборону Ленинграда», медали Жукова, и многих других.

Итак, война нарушила привычный образ жизни советских людей. Многочисленные послевоенные воспоминания женщин, которые в годы войны находились в юном и детском возрасте, а также документальные материалы наглядно и убедительно свидетельствуют с одной стороны о небывалом патриотизме и сплоченности, с другой – о выживании людей в тяжелых условиях. Большим испытанием явилась война для женщин Советского союза, которые не только перенесли горечь утраты родных и близких, претерпели не только величайшие лишения и трудности военного времени, но и прошли сквозь все тяготы и невзгоды фронтовой жизни. Молодое поколение должно не только помнить, но и ценить то, что было сделано старшим поколением для нас.

Источники и литература

1. Сактаганова З. Г., Абдрахманова К. К. и др. Великая Отечественная война и женщины Казахстана: женские истории и повседневность. Монография / общ. ред. З. Г. Сактагановой. Караганда, 2020. 284 с.
2. Сактаганова З. Г., Абдрахманова К. К. и др. Женщины Казахстана и Великая Отечественная война: 1941–1945. Сборник документов и материалов / отв. ред. З. Г. Сактаганова. Караганда, 2020. 410 с.
3. Сактаганова З. Г., Абдрахманова К. К. и др. Женщины Казахстана в годы Великой Отечественной войны: воспоминания и интервью. Сборник материалов / отв. ред. З. Г. Сактаганова. Караганда, 2020. 400 с.
4. Интервью с С. Г. Пономаревой записано А. С. Айдаровой в г. Караганде в 2020 г.

**MEMORIES OF THE WOMEN OF KAZAKHSTAN
ON THE GREAT PATRIOTIC WAR 1941–1945**

© **Ainura S. Aidarova**

Teacher,

Secondary school № 30

Kazakhstan, Karaganda, Stepnoy 2nd microdistrict, 9

aidarova.aynura98@mail.ru

Abstract. The article presents materials from interviews with direct participants in the events of the Great Patriotic War of 1941–1945. An attempt was made to preserve and analyze the memories of Kazakh women about the harsh wartime. The study is part of a large-scale scientific project on the topic “The Great Patriotic War and women of Kazakhstan: women’s stories and everyday life” (within the framework of a grant from the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan).

Keywords: historical memory; living memory; oral history; history of everyday life; women's stories; Kazakhstan during the Great Patriotic War; the Great Patriotic War.

Научная статья
УДК 94(47+57)

ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ В РККА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ¹

© Яковлев Артем Александрович

студент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

artemyakovlev2002@yandex.ru

Аннотация. В годы Великой Отечественной войны на всех фронтах с немецкими захватчиками и их союзниками из стран Оси вели борьбу многие миллионы советских граждан. Однако, свой посильный вклад всеми силами стремились внести в дело борьбы с нацизмом и граждане других стран. Нарушение международных договоров о ненападении, вероломная агрессия гитлеровской Германии против Советского Союза были с возмущением встречены антифашистами по всей планете. Граждане множества стран отправлялись в СССР, чтобы вступить в ряды Красной Армии или пополнить партизанские отряды и вести борьбу с нацизмом. Одним из самых известных национальных воинских формирований в составе Красной Армии, множество раз показавшим свою доблесть на полях сражений, являлся французский авиаполк «Нормандия-Неман». Кроме них, на стороне РККА воевали польские, чехословацкие, румынские, венгерские, югославские, болгарские, испанские подразделения и отдельные добровольцы.

Ключевые слова: война; военные формирования; иностранные военнослужащие; Красная Армия; Великая Отечественная война.

Иностранные военные формирования в СССР – это контингенты вооруженных сил, части и формирования войск стран Союзников и Монгольской народной республики, воевавшие на Восточном фронте под руководством Красной армии против войск нацистской Германии и ее сателлитов. Правовым основанием их появления, формирования и боевой деятельности стали международные соглашения или ходатайства антифашистских организаций. В основном такие части формировались и обучались на территории Советского Союза [1].

Как в советской, так и в современной отечественной историографии вопрос о воинских частях иностранных государств в составе Красной Армии практически не раскрыт. Отсутствие каких-либо исторических трудов связано как с традиционно сложившимся отсутствием интереса к роли иностранцев в РККА, так и с крайней нехваткой источниковой базы: многие документы в открытый доступ стали публиковаться Министерством Обороны РФ только в 2015 г., а часть из них засекречена и по сей день. Из известных трудов по теме можно отметить лишь статью «Награждение граждан иностранных государств советскими орденами и медалями в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 г.)» в «Вест-

¹ Научный руководитель: Шойдонова Алтына Мункожаргаловна, кандидат исторических наук, доцент.

нике Южно-Уральского государственного университета» от 2017 г. и несколько статей блогеров, например, выкладывающих материалы на ресурс «Яндекс.Дзен».

Исходя из этого, можно отметить актуальность исследования истории иностранных войск Красной Армии в целях сохранения исторической памяти о героях, сражавшихся плечом к плечу за освобождение не только своей Родины, но и Советского Союза от немецко-фашистских захватчиков.

В 1943 г. в СССР решением Государственного комитета обороны был создан специальный аппарат Ставки верховного главнокомандования по иностранным военным формированиям, ставивший целью оказание помощи в их формировании и подготовке. При активном содействии этого органа на территории Советского Союза и освобожденных им европейских государств были созданы, обучены и вооружены три польские общевойсковые армии и авиационный корпус, чехословацкий и югославский армейские корпуса, две румынские пехотные дивизии, французская эскадрилья (позже реорганизована в авиационный полк) и ряд других военных соединений. Общая численность личного состава всех воинских частей иностранных государств под командованием Красной Армии в последние месяцы войны составила более 550 тыс. человек [2].

Если говорить о структуре, то иностранные формирования не являлись частью РККА, поскольку оставались под командованием своих государств. Только на момент ведения военных действий они переходили под советское военное руководство. В Генеральном штабе Красной армии каждое крупное формирование имело свою миссию или военного атташе [3].

Подразделения были полностью автономны в решении дел своей внутренней жизни: им позволялось сохранять народные традиции, партийную принадлежность и вероисповедание, национальную форму одежды, в бой они ходили под собственными знамёнами, носили свои знаки различия и использовали воинские звания своих стран, подготовка же проводилась на родном языке обучающихся [3].

Воинские соединения, находившиеся в подчинении иностранных государств, без исключения получали при поддержке советского руководства и через программу ленд-лиза все виды материально-технического обеспечения. Так, СССР безвозмездно передал на их вооружение более 960 тыс. винтовок, карабинов и пистолетов-пулеметов, свыше 40,6 тыс. пулеметов, 16,5 тыс. орудий и минометов всех калибров, 1124 танка и самоходных артиллерийских установки, 2346 самолетов и много иной военной техники [3].

Офицерский кадровый состав формировался как из числа военнослужащих, прибывших на территорию Советского Союза, так и проходивших подготовку в советских военных учебных заведениях. Однако, помимо этого, почти 21 тыс. военных специалистов Красной Армии служили в составе иностранных боевых соединений [3].

Сражаться эти соединения начали в 1943 г., однако наиболее значимый вклад они внесли в операции РККА в последние два года войны: 1-я и 2-я польские армии – в Дрезденской, Берлинской и Пражской; две румынские дивизии – в Яско-Кишинёвской, Дебреценской, Балатонской, Будапештской, Пражской и Венской; чехословацкий корпус – в Карпатской; венгерская дивизия и болгар-

ские формирования – в Балатонской и Будапештской; югославские войска – в Белградской и Венской; монгольские части – в Маньчжурской операции [4].

Суммарно людские потери иностранных воинских частей составили более 244 тыс. человек. Из них свыше 76 тыс. убитыми, а свыше 168 тыс. человек – санитарные потери, притом, что общая численность солдат в этих частях к концу войны превысила 550 тыс. человек. Таким образом, за годы войны потери иностранных военных формирований составили:

- польских (1943–1945) – безвозвратно 24707, санитарные 44233, всего 68940 человек;
- чехословацких (1943–1945) – безвозвратно 4011, санитарные 10191, всего 14202 человека;
- румынских (1944–1945) – безвозвратно 37208, санитарные 92108, всего 129316 человек;
- болгарских (1945) – безвозвратно 10124, санитарные 21541, всего 31665 человек;
- монгольских (1945) – безвозвратно 72, санитарные 125, всего 197 человек;
- французских (1943-1945) – безвозвратно 42 летчика [4].

Необходимо отметить, что наряду с этим, польские и чехословацкие формирования более, чем наполовину состояли из советских граждан – русских, украинцев, белорусов, поляков, чехов, словаков [4].

За проявленные в ходе ведения военных действий героизм и воинские умения 42 иностранных подразделения были представлены к награждению советскими знаками отличия и наградами (29 – из Польши, 11- из Чехословакии, 1 дивизия из Румынии и 1 авиаполк из Франции), присвоению почетных наименований. В приказах Верховного Главнокомандующего Вооруженных сил Советского Союза Сталина отмечались 38 раз [4].

Первые отряды иностранных государств в вооруженных силах Советского Союза создавались из числа польских солдат и добровольцев. Для их учреждения правовым основанием стал договор между СССР и Польшей, заключенный в Лондоне еще до начала Великой Отечественной войны 30 мая 1941 г. [5, с. 1].

История польских войск в РККА началась в сентябре 1941 г. на территории Узбекской, Таджикской и Казахской республик. Была подготовлена армия, общим числом в 75 тыс. человек. Однако, под разными предлогами и приказом командира этих войск – Владислава Андерса, полностью подготовленная к ведению боевых действий на стороне СССР польская армия была переброшена в Иран, где впоследствии была реформирована во 2-й польский корпус, лишь в 1944 г. отправленная на итальянский фронт [2].

В мае 1943 г. ГКО принято решение о создании 1-й Варшавской польской пехотной дивизии имени Тадеуша Костюшко, состоявшей из трех пехотных полков и одного артиллерийского. Костяком личного состава стали активисты «Союза польских патриотов» – граждане Польши и Советского Союза, поляки по происхождению, всего 14380 человек. В августе того же года открыта школа для офицеров, стартовало развертывание 1-го польского корпуса. Его командующим стал полковник Зигмунд Берлинг [2].

Боевой путь 1-я польская пехотная дивизия начала в составе 33-й армии Западного фронта, освобождая пос. Ленино Могилевской области. Однако, за два

дня боев, было потеряно безвозвратно, ранеными и пропавшими без вести четверть личного состава и дивизия отступила для восполнения потерь. Боевой опыт показал, что польским войскам требуется более основательная подготовка. Исходя из этого, время обучения 1-го армейского корпуса было увеличено до весны 1944 г. [6].

Весной 1944 г. польские воинские подразделения реорганизованы в 1-ю польскую армию. Будучи частью 1-го Белорусского фронта, армия принимала участие в освобождении своей родины, штурме Померанского вала, боевых действиях на территории Германии, в том числе, в штурме Берлина. В январе 1945 г., совместно с 47-й и 61-й Советской армиями, освобождала Варшаву – при этом, 1-я Варшавская пехотная дивизия первой вошла в польскую столицу [6].

Параллельно с возникновением польских воинских частей, на советской земле формировались чехословацкие подразделения. Так, в январе 1942 г. из числа чешских и словацких легионеров официально было начато образование 1-го отдельного Чехословацкого пехотного батальона. В будущем ряды подразделения пополнялись из числа интернированных граждан Чехословакии, русинов и политических эмигрантов. Через год батальону торжественно вручено боевое знамя, он убыл на фронт [7].

К концу 1943 г. Красная Армия приступила к созданию военно-воздушной эскадрильи, механизированного батальона и парашютной бригады. Это подразделение стало уникальным подразделением такого типа в рядах иностранных воинских частей в РККА. В течение 1944 г. на основе этих подразделений проводилось формирование новых. Так, из авиационной эскадрильи была создана 1-я чехословацкая авиадивизия (общей численностью в 100 машин) [7].

Воинские части из граждан Югославии стали появляться на появившаяся со второй половины сентября 1943 г. С этого времени берет свое начало история 1-й отдельной Югославской пехотной бригады. Командование было поручено подполковнику Марко Месичу. Боевой путь бригада начала с первых чисел августа 1944 г. В составе 2-го Украинского фронта после Яско-Кишеневской операции пересекла границу Югославии, в октябре сражалась против 7-й горной дивизии СС «Принц Евгений», позже участвовала в освобождении Белграда [8, с. 67].

В конце марта 1943 г., созданная по просьбе французского комитета «Сражающаяся Франция» (до 1942 – «Свободная Франция»), 1-я французская истребительная эскадрилья «Нормандия», имевшая на вооружении 12 машин, включена в состав 1-й воздушной армии. В дальнейшем, уже в середине лета, реорганизована в авиационный полк, имевший в своем составе три эскадрильи, названные именами трех главных городов Нормандии: «Руан», «Гавр» и «Шербур». Командиром стал майор ВВС Французской республики Пьер Пуйяд, сменивший на этом посту пропавшего без вести майора Жана-Луи Тюляна. Полковой эмблемой стал герб Нормандии – щит красного цвета с двумя золотистыми львами [9].

Авиаполк «Нормандия» принимал участие в битве на Курской дуге, наступательной операции «Багратион» в Белоруссии в 1944 г., боях в Пруссии в 1945 г. и множестве других операций Советского Союза. 28 ноября 1944 г., за проявленный героизм и воинские заслуги при освобождении Литовской республики и форсировании Немана, приказом Верховного Главнокомандующего Сталина,

полку присвоено почетное наименование «Неманский». Именно с этого дня он и получил то название, под которым мы его знаем сегодня – «Нормандия-Неман» [9].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что свой вклад в дело защиты Советского Союза и избавления Европы от фашизма внесли и граждане зарубежных стран, сражавшиеся вместе с красноармейцами в рядах иностранных добровольческих формирований РККА. Советским военным руководством были оценены по достоинству отменные боевые качества, самоотверженность и храбрость этих формирований. Об этом можно судить хотя бы по тому, что во всех подразделениях был как минимум один боец, удостоенный звания героя Советского Союза.

Источники и литература

1. Министерство обороны Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://mil.ru/files/files/foreign_ formations/index.html (дата обращения: 06.05.2022).
2. Цобехия Г. Ш. Иностранные военные формирования в операциях Красной армии // Морполит. URL: <http://morgpolit.milportal.ru/inostrannye-voennye-formirovaniya-v-oregaciyaх-krasnoj-armii/> (дата обращения: 06.05.2022).
3. Штеменко С. М. Генеральный Штаб в годы войны. Т. 2. Москва: Воениздат, 1985. 242 с.
4. Кикнадзе В. Г. Иностранные военные формирования // Наука. Общество. Оборона. URL: <https://www.noo-journal.ru/энциклопедия/персоналии/иностранные-формирования> (дата обращения: 06.05.2022).
5. Телеграмма Народного комиссариата иностранных дел Советскому послу в Лондоне от 3 июля 1941 года // Документы и материалы по истории советско-польских отношений. (1939–1943 гг.). Москва: Наука, 1973. Т. 7. С. 198.
6. Русский архив: Великая Отечественная. СССР и Польша. Т. 14. Москва: Терра, 1994. 494 с.
7. Новаковский Д. И., Марченко А. Д. Славное боевое содружество: материалы к 30-летию Словацкого народного восстания и освобождения Чехословакии. Москва: Знание, 1974. 80 с.
8. Антосяк А. В. Советско-югославское боевое сотрудничество в годы Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 1978. № 5. С. 67–81.
9. Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: в 2-х т. Москва: Политиздат, 1983. 431 с.

**FOREIGN MILITARY FORMATIONS
IN THE RKKA IN THE GREAT PATRIOTIC WAR**

© **Artem Yakovlev**

Student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

670000, Russia, Ulan-Ude, Ranzhurov St., 6

e-mail: artemyakovlev2002@yandex.ru

Abstract. During the Great Patriotic War, many millions of Soviet citizens fought against the German invaders and their allies from the Axis countries on all fronts. However, citizens of other countries also strove to make their feasible contribution to the cause of the fight against Nazism. The violation of international non-aggression treaties, the perfidious aggression of Hitlerite Germany against the Soviet Union were met with indignation by anti-fascists all over the planet. Citizens of many countries went to the USSR to join the Red Army or join partisan detachments and fight against Nazism. One of the most famous national military formations in the Red Army, which showed its prowess on the battlefield many times, was the French Normandie-Niemen air regiment. In addition to them, Polish, Czechoslovak, Romanian, Hungarian, Yugoslav, Bulgarian, Spanish units and individual volunteers fought on the side of the Red Army.

Keywords: war; military formations; foreign servicemen; Red Army; Great Patriotic War.

СОВРЕМЕННАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94(571.54)

РЕСПУБЛИКА БУРЯТИЯ В СВЕТЕ РЫНОЧНЫХ МОДЕРНИЗАЦИЙ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

© **Боронова Маргарита Максимовна**

доктор исторических наук, профессор,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
mboronova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу опыта социально-экономического развития России в постсоветский период. Рыночные реформы не привели к подъему экономики страны, усилили ее сырьевую специализацию и разрушили отечественное наукоемкое высокотехнологическое производство. Одним из наиболее тяжелых последствий перехода к рыночной модели стала деиндустриализация страны, затронувшая все регионы, в том числе Республику Бурятия. Автор отмечает, что в условиях открытой конфронтации со странами Запада будущее России требует пересмотра парадигмы экономического развития, перехода к политике реиндустриализации, которая должна осуществляться при активном участии государства и отечественного бизнеса. С решением этой ключевой проблемы автор связывает возрождение отечественного производства и преодоление кризисных явлений. На новом этапе необходимо обеспечить условия для ускоренного развития производительных сил регионов с учетом их природно-ресурсного потенциала и хозяйственной специализации.

Ключевые слова: индустрия, исследование, деиндустриализация, рынок, реиндустриализация, экономика, регион, Бурятия, стратегия.

Развал Советского Союза и последовавшие за этим радикальные рыночные реформы коренным образом изменили ландшафт социально-экономического развития страны. Несмотря на незавершенность данного исторического процесса, не получившего до сих пор официальной политической оценки, большинство исследователей склонны считать, что современный период развития постсоветской России характеризуется появлением новых тенденций в общественном сознании, которые во многом связаны с переоценкой опыта постсоветского времени. После десятилетий отрицания всего того, что связано с советской историей все более явно проявляется тенденция к пересмотру данной позиции, стремление переосмыслить исторические уроки в интересах формирования новой парадигмы исторического развития России.

Практика убедительно доказала правоту академика РАН Л. И. Абалкина, который в свое время выступал против политики «шоковой капитализации», за поэтапный, постепенный переход к рынку [1]. Однако в политическом противостоянии конца 1980-х-начала 1990-х годов победили сторонники неолиберальной модели. Чубайс, Гайдар и другие младореформаторы приступили к фронтально-

му внедрению рыночных механизмов. Последствия этой политики хорошо известны.

Разрушив собственное производящее хозяйство, прежде всего в наукоемких высокотехнологических отраслях, Россия превратилась в страну-поставщика природных ресурсов и рынок сбыта готовой продукции из-за рубежа. Иными словами, Россия добровольно стала одной из стран-доноров современного неокOLONиализма.

В то же время следует отметить, что одним из позитивных последствий, начавшихся в 1990-х гг. реформ стала ликвидация проблемы дефицита товаров народного потребления, которую не смогла решить в свое время плановая экономика Советского Союза. Однако товарное изобилие на прилавках магазинов в основном обеспечивалось за счет импорта товаров. Одновременно непродуманная приватизация бывшей госсобственности обернулась массовым закрытием промышленных предприятий по всей стране.

В Республике Бурятия из 238 промышленных предприятий, представлявших 70 отраслей и подотраслей современной индустрии, на сегодняшний день на «плаву» осталось лишь ничтожно малая часть того, чем славилась республика в советский период [2, с. 6]. В числе тех, кто не пережил рыночных потрясений флагманы местной индустрии Улан-Удэнский стекольный, судостроительный заводы, «Бурятферммаш», Тонкосуконный комбинат, Забайкаллес, «Теплоприбор», «Электромашина», Джидакомбинат и многие другие.

Как вспоминает бывший министр экономики Бурятии Н. И. Атанов, оставшиеся без госзаказа и централизованного материально-технического обеспечения местные производители обращались за поддержкой к правительству республики, однако оно не могло ничем помочь, так как в условиях новой модели хозяйствования государство не имело права вмешиваться в хозяйственно-экономическую деятельность. Был выдвинут лозунг: «Государство, руки прочь от экономики!» [3].

Между тем многие эксперты признавали ошибочность политики изоляции государства от реальной экономики. По мнению известного экономиста Н. П. Шмелева, многие страны поднимали свое хозяйство при активном участии государства [4]. Примерами могут служить послевоенная Япония, Южная Корея, Сингапур, не говоря уже о Китае, которым удалось добиться впечатляющих экономических успехов, хотя их природно-ресурсная база существенно меньше российской, либо полностью отсутствует. Ученый также выступал против необдуманной, тотальной приватизации жизнеобеспечивающих отраслей экономики, гарантирующих национальную безопасность страны. К сожалению, голос здравого разума не был вовремя услышан и сегодня российская экономика сталкивается с серьезнейшими трудностями в условиях беспрецедентных санкций со стороны Запада.

Одной из ключевых задач в наши дни является проблема новой индустриализации, или реиндустриализации, от решения которой во многом зависит дальнейшая судьба страны. Решение этой важнейшей задачи требует пересмотра стратегии экономического развития российского государства. Сегодня уже мало кто верит в заинтересованность западных партнеров в развитии российской экономики. Опыт последних 30 лет показал, что иностранный капитал заинтересо-

ван, прежде всего, в доступе к сырью и рынкам сбыта своей продукции в России. Исходя из этого, иностранные инвесторы не спешат вкладывать свои ресурсы в машиностроение и другие высокотехнологичные отрасли производства. Их присутствие в экономике России ограничивается добывающими отраслями и торговлей, в которой они довольно широко представлены своими популярными брендами, успешно конкурирующими с российскими производителями. Поэтому очевидно, что восстановление отечественного производства требует изменения экономической парадигмы развития. В условиях углубляющегося кризиса либерально-рыночной модели экономики необходим переход на использование как рыночных, так и нерыночных механизмов развития. Опора на внутренние ресурсы предполагает активное внедрение частно-государственных форм кооперации.

В результате должна сформироваться модель смешанной экономики с различными видами собственности, которую условно можно было бы назвать неонэпом в исторических реалиях начала XXI в. При этом экономическим «лицом» России должен стать не только сырьевой сектор и сельское хозяйство, но и продукция машиностроения, которая когда-то составляла костяк отечественной индустрии. Это позволит обеспечить реальный прорыв в социально-экономическом развитии страны.

Государству необходимо создавать условия и находить разные формы вовлечения отечественного бизнеса в развитие реальной экономики. Крупным ресурсом пополнения могут стать доходы теневой экономики, легализация которых обеспечит госбюджет дополнительными источниками финансовых поступлений. Прекращение оттока капиталов за рубеж также станет важнейшим источником национального развития.

Огромным резервом пространственного развития России должно стать преодоление территориальной асимметрии в социально-экономическом уровне между центром и регионами, особенно на востоке страны. Начавшееся в 1960–1970-х гг. продвижение в этом направлении, к сожалению, было прервано на десятилетия развалом государства и последовавшей за этим деиндустриализацией.

Сегодня в новых условиях необходимо вернуться к решению этой важной задачи и обеспечить условия для ускоренного развития производительных сил регионов с учетом их природно-ресурсного потенциала и хозяйственной специализации. Для Республики Бурятия наиболее перспективными направлениями может стать развитие отраслей производства, связанных с использованием местного природного сырья и рекреационных ресурсов. На сегодняшний день от 40 до 60 % всей производимой продукции выпускают предприятия ВПК, и, прежде всего, Улан-Удэнский авиационный завод [5]. Однако, по мнению специалистов, большим резервом регионального развития является традиционное сельское хозяйство, лесной и деревообрабатывающий комплекс, акваэкономика и туризм с использованием большого числа природных лечебных источников [6]. Сюда же, на наш взгляд, следует отнести традиционную тибетскую медицину, которая могла бы стать настоящим региональным брендом. Для этого требуется не только финансирование, но и расширенная подготовка кадров, активное изучение международного опыта, формирование новых организационно-управленческих подходов и подотраслевой инфраструктуры, а также внедрение современных научно-технологических возможностей для развития этой отрасли.

Источники и литература

1. Интервью Н. И. Рыжкова к 30-летию «Перестройки» новостному portalу «Лента». URL: lenta.ru (дата обращения: 22.04.16).
2. Халбаева М. М. Бурятия в 1960–1990 гг.: тенденции и противоречия социально-экономического развития. Улан-Удэ, 1999. 208 с.
3. У спада промышленного производства объективные причины // Информ Полис. 2014. 19 ноября.
4. Академик Николай Шмелев. XXI век для России нужен как время умеренного, трезвого изоляционизма // Бурятия. 2002. 22 февраля.
5. Сегодня большой дефицит здравого смысла // Информ Полис. 2016. 10 февраля.
6. Стратегия-2030 – это повестка Республики Бурятия на весь XXI век. Будем ответственны за качество документа // Бурятия. 1915. 16 октября.

**THE BURYAT REPUBLIC IN THE LIGHT OF MARKET MODERNIZATIONS
IN THE POST-SOVIET PERIOD.**

© **Margarita M. Boronova**

Doctor of History, Professor,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

670000, Russia, Ulan-Ude, Rangurov St., 6

mboronova@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the experience of socio-economic development of Russia in the post-Soviet period. Market reforms did not lead to the recovery of the country's economy, strengthened its raw materials specialization and destroyed the domestic high-tech high-tech production. One of the most severe consequences of the transition to a market model was the deindustrialization of the country, affecting all regions, including the Republic of Buryatia. The author notes that in the conditions of open confrontation with Western countries, the future of Russia requires a revision of the paradigm of economic development, a transition to a policy of reindustrialization, which should be carried out with the active participation of the state and domestic business. The author connects the revival of domestic production and overcoming of crisis phenomena with the solution of this key problem. At the new stage, it is necessary to provide conditions for the accelerated development of the productive forces of the regions, taking into account their natural resource potential and economic specialization.

Keywords: industry; research; deindustrialization; market; reindustrialization; economy; region; Buryatia; strategy.

Научная статья
УДК 94(571.54)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ НОВЫХ ГОРОДОВ БУРЯТИИ в 1950-1980-е гг.

© **Цырендашиев Жамьян Жаргалович**

аспирант,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

tsyrendashiev_zhamyan@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные компоненты городской идентичности новых городов, анализируются причины их подчиненности градообразующим предприятиям. Раскрыты особенности влияния символических факторов на формирование городской идентичности.

Ключевые слова: городская идентичность; Закаменск; Джидинский вольфрамомолибденовый комбинат; новые города; индустриальность; Гусиноозерск.

Благодарности и финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 21-09-43043.

В современных исследованиях исторической урбанистики важнейшее значение имеет изучение идентичности. Историческая наука обратилась к этим вопросам относительно недавно, что на наш взгляд связано с антропологическим поворотом в социальных исследованиях. Потребность человека соотносить себя с местом проживания, социальными общностями, желание разделять ценностные и идеологические установки реализуются в его групповой идентичности, одной из которой является городская. Под ней, по мнению Г. В. Горновой, понимается устойчивое представление человека о себе как жителя определённого города, непосредственное переживание своей связи с городом, чувство сопричастности к поселению и его жителям, приобщенность к городскому бытию, некое сложно артикулируемое чувство общей судьбы [1].

По определению Н. С. Дягилевой, городская идентичность – это компонент социальной идентичности личности, социокультурный конструкт, формируемый в результате идентификации человека с конкретной городской общностью и определяемый усвоением и воспроизводством символического капитала. Представленные определения служат теоретической основой использующихся в работе терминов и понятий [2].

В изучении городской идентичности новых городов Сибири накоплен немалый опыт. Исследовательский интерес к рассматриваемой теме освящен в работе А. А. Анисимовой и О. Г. Ечевской, где выявляются особенности и формы проявления сибирской идентичности, пути ее становления и осознание региональных проблем [3]. Важнейшим аспектам формирования идентичностей Сибири (Сургута, Нефтеюганска и их строителей) посвящены ряд публикаций И. Н. Стася. Автором рассматривается специфика их возникновения, идеологической и индустриальной основой которых являлись естественный и общественный дис-

курсы как ресурс идентификации горожан [4]. Ряд публикаций посвящен особенностям формирования локальных идентичностей в Бурятии включая городские поселения районов строительства БАМ [5; 21; 22]. При этом идентичность городов-новостроек Бурятии не получила подробного освещения в отечественной историографии. К их категории относятся: Закаменск, Гусиноозерск и Северобайкальск. В рамках данной статьи объектом исследования выступает идентичность двух городов (Закаменск, Гусиноозерск).

В особенности большинства новых поселений Восточной Сибири, возникших в ходе советской индустриализации, лежит их подчиненность градообразующему предприятию, вместе с которым возникал и развивался город. Отношения и связи между горожанами (в том числе соседские, родственные, дружеские) устанавливались в большинстве случаев через предприятие. В этой связи, идентичность новых городов формировалась под воздействием размещавшихся промышленных и транспортных объектов. Не исключением являются города-новостройки Бурятии, чья идентичность на протяжении рассматриваемого периода претерпевала ряд важных изменений.

В 1934 г. на месте будущего города Закаменска, возникает рабочий поселок горняков, занятых в строительстве и эксплуатации Джидинского вольфрамо-молибденового комбината. С 1944 г. населенный пункт становится городом, а в 1959 г. получает свое современное название. К концу 1980-х гг. численность постоянного населения составляла около 16 тыс. чел. [6]. Становление Гусиноозерска связано с разработкой Холбольджинского угольного месторождения и возведением Гусиноозерской ГРЭС на базе пос. Шахты (1939 г.), став одним из главных энергетических центров Бурятии. Статус города, как и свое название, Гусиноозерск получил в 1953 г. На пике своего развития в середине 1980-х гг. в нем проживало более 32 тыс. чел. [7].

В рассматриваемых городах, в силу сравнительно небольшого исторического багажа, необходимого для самоидентификации, возникает обращение к «индустриальности», раскрытой через смысловые конструкции официальных текстов и повседневного языка. Названия учреждений, спортивных команд, кинотеатра, детских лагерей имело «индустриальное» происхождение, что отразилось в местной прессе: «Гусиноозерские футболисты 12 сентября принимали команду «Текстильщик» (г. Улан-Удэ). И все-таки «Шахтер» показал свое превосходство: футболисты закончили матч со счетом 3:2! После соревнований их ждет церемония награждения в стенах ДК «Шахтер», под барабанную дробь посланцев пионерского лагеря «Уголек» [8]. В Закаменске спортивные команды именовались названиями предприятий и профессий города: «Металлург», «Обогатитель», «Строитель», «Шахтер», «Электрик» [6]. Особо стоит отметить название «металлург», с которым связаны судьбы горожан Закаменска. Из воспоминаний М.В. Петухова – тренера по гимнастике и футболу: «В 1954 г. я стал бронзовым призером Бурят-Монгольской республики по скоростному бегу на коньках и благодаря этому включен в состав команды «Металлург» по хоккею с мячом. В это время это была сильнейшая команда республики» [6].

Городская идентичность выстраивается с помощью знаковых мест - пространств, имеющие семиотические характеристики, т.е. осмысляемые с помощью историко-культурного, социального и географического воображения на основе

реальных или вымышленных событий. В Закаменске знаковым местом являлся городской стадион: «Популярен у нас закаменцев стрелковый спорт, на стадионе «Металлург», где всегда можно было увидеть горожан и ежедневные тренировки наших команд» [6]. Подобным местом была центральная площадь Гусиноозерска, на которой проходили общегородские мероприятия. В период майских праздников, Дней шахтера и энергетика прерогатива открытия по традиции всегда принадлежала шахтерам. «По-особенному радостными стали они (жители), когда утром вспыхнуло алым огнем множество флагов и знамен на улицы вышли трудящиеся города – шахтеры, энергетика, строители, учителя, врачи. С высокой наградой, товарищи шахтеры!» – таким транспарантом приветствовали представители общественности аймака [9].

Осознание своей связи с местом проживания осуществлялось через участие в массовых ритуалах – праздниках, спортивных соревнованиях, общественных акциях, создавая «город во времени» [10]: «Праздничное шествие закаменцев открыла колонна передовиков Джидинского комбината со знаменами союзных республик и колонна управления Джидинского комбината, прошли горняки рудников Первомайского, Холтосон, паросиловики, металлисты, торговые работники, строители, связисты, медицинские работники, бытовики» [11]. К числу обрядовых традиций стоит отнести посвящение в ряды рабочих. Каждый год ДК «Шахтер» принимал выпускников профессионально-технического училища г. Гусиноозерска. «Наш молодой шахтер! Сегодня ты вступаешь в большую трудовую семью Бурятии. В памятном свидетельстве о посвящении от рук шахтеров Гусиноозерска ты принимаешь эстафету трудовой славы. Будь достоин его! – говорилось на одной из церемоний [12]. В Закаменске праздники сопровождались показом фильмов, посвященных горнякам, ставшей одной из традиций города. На экранах можно было увидеть серию фильмов: «Рудник вольфрама», «Подземная разработка», «Рудник Первомайский», «Фабрика». На досуге жителям города устраивали показ киноочерка «Молибден». В нем рассказано о людях одной из самых романтичных профессий нашего времени – о разведчиках недр [13]. Помимо обращения к индустриальности, в фильмах большое внимание уделялось природе: «У наших фильмов есть и второй план – это чудесные пейзажи забайкальской природы» [14]. В местной прессе город выделялся в неразрывной связи с природой: «Город наш небольшой, сравнительно молодой, его окружает прекрасная природа. Нужно, чтобы и сам город был частицей этой природы, городом-садом [6]. Гармония города (индустриальности) и природы, как единого целого, отражалась в стихах местных писателей-краеведов, выступая на наш взгляд, одним из аспектов городской идентичности:

*В таежные дебри пришли рудознатцы
И в горных вершинах металлы нашли.
С тех пор начинается подвиг горняцкий
И добрая слава джидинской земли.
Здесь все создавали своими руками:
В долинах – поселки, в горах – рудники...
И строили город, наш город Закаменск,
У Модонкуля, таежной реки [15].*

В Гусиноозерске с 1968–1976 гг. осуществлялось строительство Гусиноозерской ГРЭС, объявленное властями Всесоюзной комсомольской стройкой. Предприятие возводилось на живописном берегу Гусиного озера – одним из знаковых мест для горожан, что отразилось на страницах местной публицистики: «Электростанция наша встала на ровном, пологом берегу Гусиного озера, которое источник водоснабжения ГРЭС... Его красота воспета в бурятских народных песнях» [16]. Первые сведения путешественников-натуралистов в 1772 г. указывали, что волны Гусиного озера выбрасывают на берег твердый земляной уголь. Кстати, открытие гусиноозерских каменных углей связано со славным именем Н. А. Бестужева. В очерке «Гусиное озеро» он предсказал возможность использования углей в качестве топлива» [17].

Визуальные тексты демонстрировали тотальное «подчинение» городов к градообразующим предприятиям. Активная эксплуатация промышленных предприятий формировала образ городов «изнутри» и «снаружи». В уличных вывесках, транспарантах, плакатах пестрили воодушевляющие изображения со словами: «Даешь ГРЭС!», «Никогда не забывайте этот день!», «Доведем мощность ГРЭС до четырех миллионов киловатт!», «Гусиноозерск – город будущего!» [18], «Закаменск – это вольфрамомолибденовый комбинат!», «Вольфрам народу!» [19].

В воспоминаниях первого поколения трудовых мигрантов часто встречаются теплые чувства и эмоции: «Тогда был порыв, нами овладевала романтика больших строек. Для нас это событие ценное и дорогое... станция это наша молодость и история». «Вся моя жизнь связана с Джидинским комбинатом. В далеком 1938 году я пришел на работу в автобазу Джидастроя и до пенсии проработал на одном месте» – вспоминали ветераны городских предприятий [6]. Иллюстрация неразрывной связи производства и повседневной жизни горожан: «Вся жизнь Таисии Максимовны прошла в шахтерской среде. Сначала шахта воспринималась ею из рассказов отца, не один год проведенного под землей» [20].

Таким образом, формирование городской идентичности новых городов Бурятии происходило под влиянием комплекса символических факторов. Это знаковые места, уличный текст, городские мероприятия, обрядовые традиции и личные воспоминания, имевшие преимущественно «индустриальный» характер. Немаловажным аспектом идентичности новых городов, в силу их географического положения, являлось обращение к природе края. В местной публицистике, прессе, историях горожан, транслировался дискурс преобразования окружающего мира в гармонии с индустриальностью. Символические факторы создавали пространство городской идентичности, в котором горожане связывали себя с судьбой города, проживая и переживая все события вместе.

Источники и литература

1. Горнова Г. В. Городская идентичность: философско-антропологические основания. Омск, 2019. 167 с.
2. Дягилева Н. С. Теоретические аспекты городской идентичности // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы: сборник статей. Екатеринбург, 2013. Вып. 1. С. 54–59.
3. Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск, 2012. 176 с.

4. Стась И. Н. Исследования городских идентичностей в исторической урбанистике Сибири // *Quaestio Rossica*. 2020. № 5. С. 1807–1821.
5. *Facing Challenges of Identification: New Approaches to Identities of Buryats and Their Neighbor Peoples* / edited by Kamil M. Wielecki, Ivan Peshkov. Warsaw: Faculty of “Artes Liberales”. University of Warsaw, 2020. 294 p.
6. Батуева М. С. Наш городок. Закаменск: Знамя труда, 2004. 258 с.
7. Так начиналось строительство Гусинозерской ГРЭС // *Селенга*. 2011. 30 июня. С. 4–5.
8. Васильев М. Еще два очка // *Красная Селенга*. 1966. 14 сент. С. 3–4.
9. Тимофеева Л. Награждение горняков // *Красная Селенга*. 1966. 27 июля. С. 2–3.
10. Вахштайн В. С. ПостНаука // Идентичность москвичей. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HyUFcBVAlEI> (дата обращения: 02.02.2021).
11. Арчукова А. Праздничная демонстрация трудящихся города Закаменска // *Знамя труда*. 1976. 23 марта. С. 4.
12. Володин С. Посвящение в рабочие // *Красная Селенга*. 1969. 8 янв. С. 2.
13. Бутин А. Закаменск растет, обновляется // *Знамя труда*. 1965. 21 июл. С. 4.
14. Арчукова А. Городу – нашу заботу и внимание // *Знамя труда*. 1977. 28 апр. С. 2.
15. Дабалаева Н. Н. Вольфрамовая жемчужина страны. Улан-Удэ: НовоПринт, 2014. 156 с.
16. Карапенко Е. Гигант бурятской энергетики // *Байкал*. 1963. № 3. С. 112.
17. Тимофеева Л. Так все начиналось // *Красная Селенга*. 1972. 12 мая. С. 4.
18. Платонов И. С теплотой вспоминаю те дни... // *Селенга*. 2011. 30 июн. С. 12.
19. Санжанов Т. Трудовая поступь энергетиков // *Знамя труда*. 1971. 1 мая. С. 3.
20. Тимофеева Л. Счастье трудных дорог // *Красная Селенга*. 1977. 12 нояб. С. 2.
21. Байкалов Н. С. Северобайкальск: в поисках новой городской идентичности // *Лига БАМа: проблемы экономики, транспорта, социальной истории, мировоззрения и культуры: сб. мат. V межрегиональной научно-практической конференции*. Волгоград, 2018. С. 17–27.
22. Поворознюк О. А. Постсоветская инфраструктура: политика идентичности и эмоций на БАМе // *Сибирские исторические исследования*. 2020. № 3. С. 31–45.

PECULIARITIES OF IDENTITY FORMATION IN THE NEW TOWNS OF BURYATIA IN THE 1960s and 1980s

© **Zhamyan Zh. Tsyrendashiev**
 Postgraduate Student,
 Dorzhi Banzarov Buryat State University
 Russia, 670000, Ulan-Ude, Ranzhurov St., 6
 tsyrendashiev_zhamyan@mail.ru

Abstract. The article discusses the main components of the urban identity of new cities, analyzes the reasons for their subordination to city-forming enterprises. The features of the influence of symbolic factors on the formation of urban identity are revealed.

Keywords: urban identity; Zakamensk; Dzhida tungsten-molybdenum plant; new cities; industrialization; Gusinoozersk.

Acknowledgements and Funding: the research was funded by RFBR according to the project №21-09-43043.

Научная статья
УДК 332(571.54)

**БАУНТОВСКИЙ ЭВЕНКИЙСКИЙ РАЙОН:
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ
РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ**

© **Иванов Сергей Олегович**

ведущий архивист,
Государственный архив Республики Бурятия
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 9а
agrailsernew@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена социально-экономическому развитию, ведущим отраслям хозяйства района. Автор рассматривает территориально-административную единицу в период с 70-х годов, по современный период функционирования Баунтовского эвенкийского района. В ходе рассмотрения материала, основанного на данных, изъятых из муниципального архива Баунтовского эвенкийского района, фондов Музея народов Севера Бурятии им. А. Г. Позднякова, периодики и анализа электронных источников, автор приходит к выводу о том, что в ходе социально-экономического развития на территории Баунтовского района произошли существенные изменения в хозяйственной, социальной, культурной и экономической жизни местного населения.

Ключевые слова: Баунтовский район; экономика; золотодобыча; логистика.

Баунтовский эвенкийский район – крупнейший район республики, занимающий территорию площадью 66816 км². Для сравнения общая площадь таких европейских государств, как Бельгия и Нидерланды составляет 71700 км². Район занимает обширную территорию северо-восточной части Республики Бурятия. Климат резко континентальный, с холодной зимой и сухим летом. Температура зимой достигает -49°С. Район приравнен к районам Крайнего Севера.

Около 94 % площади района занято лесом и лишь в межгорных понижениях и долинах рек имеются луга с травянистой растительностью. Распространение их невелико и составляет 3,5 %. Царица баунтовских лесов – это даурская лиственница, пожалуй, самое неприхотливое дерево сибирской тайги. Ее количественное преобладание (93 % всех деревьев) – результат хорошей приспособленности к крайне неблагоприятным почвенным и климатическим условиям района. Распространена также ива, а местами можно встретить ольху и плодоносящие кустарники: рябину, черемуху, боярышник.

Почвенный состав в основном болотно-мерзлотный и горно-мерзлотный, таежный. По всей площади Баунта встречается вечная мерзлота, с глубиной залегания от 2,4 до 3,0 м. нижняя граница не определена.

Множество факторов влияют на плотность расселения и разнообразие животного мира в условиях Крайнего Севера. Важнейшие из них это природно-климатические условия и уровень эксплуатации человеком окружающей среды. И если первый фактор при сравнении с южными регионами можно считать недостаточно удовлетворительным, то второй, из-за слабой заселенности района

людьми и отсутствия особо вредного производства, дает возможность для относительно стабильного существования животного мира.

Территория района имеет густую речную сеть бассейна реки Витим, который является правым притоком р. Лена. Витим самая крупная река Баунтовского эвенкийского района, общей протяженностью в 1887 км. Началом его является место слияния двух рек Витимкан и Чины.

По гидроэнергетическим ресурсам река Витим одна из крупнейших в стране. Среднегодовой расход от 80 м³/сек. до 1500 м³/сек. Несмотря на большой объем протекающей в реке воды судоходство очень затруднено из-за опасных порогов. Ципа – левый приток р. Витим, вторая по величине река района, протяженностью в 692 км. Также выделяются Амалат, Киджимит и Ципикан. Реки имеют преимущественно дождевое питание – 80 %, с незначительным количеством поступления грунтовых и талых вод [1].

Говоря о гидроэнергетических ресурсах речной системы Витим, стоит упомянуть о крупнейшем нереализованном в настоящий момент проекте: строительстве Мокской ГЭС. Створ ГЭС был разведан в 1930-е гг. Название дано по близлежащему золотому прииску (закрыт в 1966) МОК (Многообещающая коса). Долгое время строительство ГЭС рассматривалось как возможное в дальней перспективе, поскольку потребностей в столь мощном энергоисточнике в этом малообжитом районе на тот период не возникало.

Актуальным проект ГЭС на реке Витим стал в 1970-е гг. в связи со строительством БАМа, проходящего неподалеку от возможных створов. Но прокладка железной дороги затянулась, решение о запуске проекта ГЭС появилось лишь к концу 1980-х гг. На Витиме планировалось создать целый каскад ГЭС, Мокская станция (2,01 ГВт; 6х335 МВт, высота плотины 153 м) должна была стать одной из самых крупнейших в стране. Проект планировалось реализовать за 10 лет, но СССР распался. В 1990-е гг. проект активно перерабатывался, в итоге трансформировавшись в станцию мощностью 1,2 ГВт. В 1997 г. было разработано технико-экономическое обоснование нового проекта [2].

ГЭС рассматривается как источник энергоснабжения предприятий, планирующих и ведущих разработку ряда перспективных месторождений в Восточной Сибири, как основа электрификации БАМа, а также как один из источников покрытия дефицита Бурятской энергосистемы. При этом возможен экспорт части, вырабатываемой ГЭС электроэнергии в Китай и Монголию.

В 2020 г. Минэнерго исключило проект Мокской ГЭС в Бурятии мощностью 1,2 ГВт из перечня вариантов электрификации БАМа и Транссиба. Его предварительная стоимость в 120 млрд руб. была сочтена чересчур высокой, а сроки строительства – около десяти лет – слишком длительными [3].

Основой экономики Баунтовского-эвенкийского района является минерально-сырьевая база, она представлена наличием следующих полезных ископаемых:

1. Россыпное золото. Запасы золота по категориям С1 и С2 - 12,1 тонн. Выдано 63 лицензии на недропользование по виду золото. Среднее содержание в породе - 680 мг/м³.

2. Рудное золото. Самые крупные месторождения: Троицкое месторождение золота (90 тонн), Верхне-Ганькинское (18 тонн), Рудопроявление Горное (7 тонн), Карафтитское месторождение, Аиктинское месторождение, Уакитский узел золоторудных проявлений.

3. Ауникское месторождение бериллия в 25 км от п. Багдарин. Это 35 рудных тел толщиной 1–16 м, длиной от 100–1000 м, на глубине до 550 м. Руды месторождения комплексные: бериллий, флюорит и молибден. А также другие компоненты (олово, тантал, ниобий, редкие земли).

4. Молибден. Ореkitканское месторождение молибдена (367348 тыс. тонн при среднем содержании молибдена 0,099%). Месторождение Балтийское относится к промышленным и по запасам близко к крупным. Помимо молибдена содержит и вольфрам.

5. Хиагдинское месторождение урана. Одно из самых крупных не только в стране, но и в мире. Запас — 4 577 тонн [4].

6. Кавоктинское месторождение нефрита является уникальным и не имеет аналогов.

7. Уголь. Эландинское месторождение бурого угля (запасы 13940 тыс. тонн), Укшумское месторождение угля (запасы 20 млн. тонн)

8. Мухальское месторождение алюминиевой руды, Бурульзайское месторождение. Запасы оценены в 1 миллиард тонн. Руды этих месторождений являются комплексным сырьем. При устройстве комбината можно производить цемент и калийно-фосфорные удобрения. Руды Мухальского и Бурульзайского месторождений являются колоссальным богатством, и при их разработке район может превратиться в один из важнейших промышленных объектов в масштабах России.

9. Талойское месторождение железа и марганца.

10. Сириктинское месторождение известняков.

Строительные материалы:

1. Кандидушинское и Якшинское месторождения вулканических туфов, для изготовления туфоблоков.

2. Кирпичные суглинки. Маловское месторождение кирпичных суглинков.

3. Доломиты. Доломитовая крошка Белой горы. Сырье для изготовления тяжелых бетонов, асфальта, асфальтобетонов, строительных декоративных плит и для дорожных покрытий.

4. Строительная известь. Участок Якша.

5. Песчано-гравийные смеси (ПГС). Участок Киро [5].

Добыча полезных ископаемых, преимущественно золота и урана являются главным видом природопользования в районе. Структура промышленности района, следующая: 88,5 % – добыча полезных ископаемых, 4,0 % – обрабатывающие производства, 7,5 % – производство и распределение электроэнергии, газа и воды. Отраслевая структура экономики многие годы не меняется и имеет сырьевую направленность. Основа экономики района – золотодобыча и добыча урана [6].

При наличии огромных запасов природных запасов и ресурсной базы, Баунтовский эвенкийский район столкнулся с серьезными демографическими проблемами. Так, начиная с 1992 г., количество населения сокращается за счет миг-

рации. Родилось в общей сложности 1390 человек, умерло 1250. В 1992 г. население района насчитывалось в количестве 13864 чел. Миграционный отток на период 2020 г. составил 5410 человек, или 39,1 % к уровню 1992 г. [7].

Средняя доля трудоспособного населения в районе на 1 января 2020 г. составляла 51,2 % или 4396 человек. Плотность населения в настоящее время составляет 0.13 человек на кв. км. или 1 человек на 6 кв.км. Почти 41 % населения проживает в районном центре с. Багдарин [8].

О проблемах развития северных территорий в ходе своих исследований упоминала ученый-этнограф, изучающая коренные народы Севера, президент Международной ассоциации социальных исследований Арктики, профессор Университета Северной Британской Колумбии Гейл Фонда. Она выделила основную концепцию проблем для арктических регионов и районов крайнего севера каким и является современный Баунтовский эвенкийский район: «Главные проблемы севера – плохая демография и растущая урбанизация» [9].

И, безусловно, демографическая статистика в районе это доказывает, так в 1985 г. на территории Баунтовского района проживало 20500 человек, в 1995 г. – 12628 человек [10], 2001 г. – 11500 человек. В 2020 г. на территории района проживало 8454 человека. Некоторые поселения-прииски, такие как Францевский, Михайловский, исчезли бесследно. Другие поселения (Варваринск, Северный, Уакит) находятся под вопросом закрытия.

Как можно выяснить из полученных цифр, отток трудоспособного населения увеличивает нагрузку на оставшееся трудоспособное население. При этом численность экономически активного населения колеблется по сезонам, когда золотодобытчики выходят на прииски.

Основные причины демографического кризиса в районе: отсутствие качественной асфальтированной дорожной системы, серьезная проблема реновации ветхого жилья в условиях Крайнего Севера, отсутствие мотивации среди молодых специалистов к работе в социально-неразвитом районе, недостаточно высокие заработные платы, нехватка рабочих мест либо отсутствие самой работы, устаревшая инфраструктура и суровые климатические условия. В районе отсутствует железнодорожное сообщение. Авиасообщение локальное, не связано с центром (кроме санавиации). В плане логистических возможностей район является тупиковым. Все это приводит к повсеместному оттоку населения в более благоприятные районы нашей республики и страны в целом.

Само отсутствие железнодорожного сообщения и неразвитость инфраструктуры северных территорий тормозит развитие Бурятии и отпугивает инвесторов.

В 2017 г. в Бурятии обсуждалась идея строительства железнодорожной ветки, которая соединила бы по территории республики Транссибирскую и Байкало-Амурскую магистрали. Необходимые расчеты проводились с 1996 г. Первоначально предполагалось строительство железной дороги от станции Могзон в Забайкальском крае до поселка Новый Уоян в Северобайкальском районе Бурятии. Эта ветка практически вертикально пронизывает Бурятию с юга на север, через Еравнинский, Баунтовский эвенкийский и Северо-Байкальский районы. Приблизительная ее протяженность – около 700 км. В 2008 г., правительство Бурятии так же предлагало и второй вариант, где исходной точкой является Новоильинск, как более удобный для республики [11].

В настоящее время реализация проекта отложена на более поздний срок по причине нехватки средств в федеральном бюджете и ОАО «РЖД». Финансирование проекта предполагалось за счет заинтересованных инвесторов, а господдержку оказывать через механизмы государственно-частного партнерства. Также в настоящий момент нет технико-экономического обоснования с указанием объемов грузоперевозок, расчетов окупаемости [12].

Подводя итоги, можно выделить основные проблемы, а также перспективы социально-экономического развития Баунтовского района. На положение района оказывают влияние природно-географические, экономические, социально-демографические факторы.

К природно-географическим относятся отдаленность районного центра от городов Улан-Удэ, Чита; труднодоступность населенных пунктов района в условиях бездорожья и сезонности; резко-континентальный климат, обуславливающий повышенный расход энергоресурсов в производственном, коммерческом и социальной сферах и оказывающий большое влияние на результаты деятельности организаций агропромышленного комплекса.

Среди экономических факторов следует назвать слабое развитие рыночной инфраструктуры; высокую зависимость от финансовой поддержки из республиканского бюджета; высокий уровень износа производственной и инженерной, и слабое развитие информационной инфраструктуры; неразвитость логистической инфраструктуры.

В число социально-демографических факторов входят низкая плотность населения (0,013 чел./кв. км), провоцирующая разреженность экономического пространства; миграционный отток населения; безработица, дефицит рабочих мест с достойной оплатой труда.

Стоит отметить также проблему реновации жилищного фонда района, многоквартирные постройки 1970–1980-х гг. перестали обслуживаться, так как организации, занимавшиеся их ремонтом и сервисом, были ликвидированы или просто прекратили свое существование в период рыночных реформ и развала СССР. В большинстве домов продолжают проживать люди, поэтому проблема реконструкции и модернизации стоит крайне остро.

Несмотря на ряд выявленных проблем, в особенности в сфере демографии и инфраструктуры, есть ряд потенциальных точек роста.

Во-первых, это культурное и туристическое направление, особенности традиционного образа жизни коренных жителей, привлекательность природных ландшафтов, многообразие животного и растительного мира может потенциально привлекать определенное количество туристов, что может послужить существенным подспорьем для экономики района.

Во-вторых, природно-ресурсная база, включающая богатые недра, которые могут привлечь инвесторов и придадут дополнительный толчок в развитии инфраструктуры района.

В-третьих, производственный потенциал района, связанный с огромным количеством лекарственных растений и ягод, которые могут послужить ресурсной и производственной базой для предприятий народной и косметической фармацевтики. Для реализации имеющегося потенциала необходима политическая во-

ля, привлечение крупных инвестиций, строгий расчет и определенный уровень поддержки со стороны населения и власти.

Источники и литература

1. Официальный сайт Президента, Правительства и Народного Хурала. URL: <http://buriatia.ru/buriatia/gov/bur/adm-terr/baunt/index.html> (дата обращения: 15.11.2020 г.)
2. Исполатов С. Призрак Мокской ГЭС отгоняют от ДПИМ // Информационно-аналитический портал об энергетике «Переток.ру». URL: <https://peretok.ru/articles/generation/22189/> (дата обращения: 16.06.2020).
3. Дятел Т. Для БАМа не хватает воды // Коммерсантъ. 2020. № 149 (6870). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4459483> (дата обращения: 16.06.2020).
4. Сычев В. Росатом завершил формирование уранодобывающего предприятия в Бурятии // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20150904/1229386616.html> (дата обращения: 04.09.2015).
5. Козулин В. Н. Баунт: прошлое и настоящее. Чита: Экспресс-издательство, 2014. 198 с.
6. Статистический сборник территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия № 01-01-29 «Крайний Север Республики Бурятия». Улан-Удэ: Бурстат, 2019. 57 с.
7. Официальный сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. URL: <https://burstat.gks.ru/demo> (дата обращения: 05.12.2021).
8. Официальный сайт Федеральной службы статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2020 г.).
9. Fondahl G., Filippova V., Savvinova A. Introducing a Registry of Indigenous Persons in Russia: Rationale and Challenges // *Espace populations sociétés* [Online], 2020/1-2 | 2020, Online since 15 June 2020, connection on 10 November 2022. URL: <http://journals.openedition.org/eps/9582> (дата обращения: 15.11.2020).
10. Муниципальный архив местной Администрации муниципального образования «Баунтовский эвенкийский район» Республики Бурятия. Ф. Р.13. Оп.1. Д. 815 (Комплексный доклад «Социально-экономическое положение Баунтовского района в 1995 г.»). Л. 1–14.
11. Тараруев В. Почему проект, получивший одобрение в Москве и сулящий выгоду Бурятии, остался под сукном // Газета «МК» Улан-Удэ. 2021. 11 августа. URL: <https://ulan.mk.ru/economics/2021/08/11/pochemu-proekt-poluchivshiy-odobrenie-v-moskve-i-sulyashhiy-vygodu-buryatii-ostalsya-pod-suknom.html> (дата обращения: 15.11.2020).
12. Модернизация железнодорожной инфраструктуры Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей с развитием пропускных и провозных способностей (второй этап): распоряжение Правительства РФ от 28 апреля 2021 г. № 1100-п // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/docs/all/134155/> (дата обращения: 15.11.2020).

**BAUNTOVSKY EVENKI DISTRICT: DEVELOPMENT PROBLEMS
OF THE NORTHERN TERRITORIES OF THE REPUBLIC OF BURYATIA**

© **Sergey O. Ivanov**

leading archivist,

State Archive of the Republic of Buryatia

670000, Russia, Ulan-Ude, Sukhe-Bator St., 9a

agrailsernew@mail.ru

Abstract. The article is devoted to socio-economic development, the leading branches of the economy of the region. The author examines the territorial-administrative unit in the period from the 70s to the modern period of the functioning of the Bauntovsky-Evenki district. In the course of reviewing the material based on data seized from the municipal archive of the Bauntovsky-Evenki district, the funds of the Museum of the Peoples of the North of Buryatia named after. A.G. Pozdnyakov, periodicals and analysis of electronic sources, the author comes to the conclusion that in the course of socio-economic development on the territory of the Bauntovsky district there have been significant changes in the economic, social, cultural and economic life of the local population.

Keywords: Baunt district, Baunt, economy, economic sectors, gold mining, logistics.

Научная статья
УДК 32.019.51

**ГЕРОИ ВРЕМЕНИ: Э. Д. ДАГБАЕВ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ
БУРЯТСКОГО НАРОДА¹**

© Ринчинова Александра Цыденовна

студентка,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

rinchinovas2003@mail.ru

Аннотация. У каждого человека есть своя малая родина. Это любимый сердцу уголок и край, который очень дорог народу. Каждый народ гордится своими сынами, наиболее достойными своими представителями. Бурятский народ может по праву гордиться Дагбаевым Эрдэмом Данзановичем, известным ученым, политологом, патриотом своего родного края.

Ключевые слова: Родина, родной край, бурятский народ, Дагбаев Эрдэм Данзанович, ученый, патриот.

Каждый человек, вступая в жизнь, открывает для себя слово «Родина». Но в начале пути у каждого из нас есть своя, малая родина, та, с которой начинается любовь. Эта малая родина со своим особым обликом, со своей самой скромной и непритязательной красотой предстает человеку в детстве и остается с ним на всю жизнь.

Только недостаточно любить свой край, но и необходимо честно ему служить, знать историю, ценить и сохранять культуру своих предков. И у нашего края есть сыновья, честно служащие и служившие своему народу. Это люди по состоянию души реализующие свои возможности на благо любимой Родины. В числе их можно назвать Дагбаева Эрдэм Данзановича, уважаемого и авторитетного ученого. Ведь все свое творчество известный политолог посвятил своей Бурятии, ее неповторимой этнополитической и этнокультурной жизни, ее замечательным людям. Он глубокими корнями был связан со своей землей, с тем местом, где он родился, жил, учился и работал.

На мой взгляд, Родина – одна из самых больших ценностей в нашей жизни. Бурятия – моя Родина, это место, где я родилась и это любимый сердцу уголок. Мы не выбираем, в какой стране и в каком краю родиться, но наша моральная обязанность – любить и оберегать ее, чтобы передать все имеющиеся у родного народа ценности нашим потомкам. А Эрдэм Данзанович Дагбаев, по моему мнению, был истинным патриотом своей Родины, который душой болел за свой край и свой народ. Очень жаль, что мне и моим сверстникам, современным студентам нашего университета, не удалось послушать вживую его рассказы, рассуждения, лекции. Думаю, сегодня с уверенностью можно сказать, что бурятский народ в лице Эрдэма Данзановича потерял достойного своего представителя, славного

¹ Научный руководитель: Убеева Ольга Александровна, кандидат исторических наук, доцент.

сына народа, жившего и творившего во благо родного края. Ведь все его труды были посвящены политическим, социальным, этнокультурным и другим проблемам родной Бурятии и России в целом. Но наиболее близкой для моих размышлений в данном эссе стала книга Дагбаева Эрдэма Данзановича «Буряты. Главные вопросы бытия», изданная в 2016 г. в г. Улан-Удэ, в издательстве НоваПринт.

Став за данную книгу дипломантом конкурса научных работ, проведенной Российской ассоциацией политической науки, за 2016–2017 гг., Э. Д. Дагбаев отметил: «...Буряты уже давно сформировались в единый этнос, у нас общий язык, культура, символы, психология, территория. ...Учитывая высокий уровень и потенциал образования, культуры, науки, спорта, экономики и внутренний дух народа, его мудрость, конечно же, мы уверены в реализации оптимистического сценария – что не только сохраним этнос, но и добьемся мощного рывка вперед».

Сегодня я горда от сознания того, что у меня есть, что сказать о нашей Родине – нашей прекрасной Бурятии. Это поистине одно из самых красивейших мест в мире. И проживает в этом благодатном краю большое количество людей разной национальности, которые живут в дружбе и согласии. Тем не менее, необходимо вкратце написать о бурятском народе, как о коренном населении нашей республики. В первой главе своей книги Э. Д. Дагбаев как бы задает вопрос «Кто мы бурят-монголы?» и сам же отвечает «Буряты». Он пишет: «Бурятский этнос – один из крупнейших коренных сибирских этносов, начало истории которого относится к глубокой древности» [1, с. 10].

Действительно, бурятский народ имеет интересную, многовековую историю. Как известно, буряты – монголоязычный народ, ныне в основном проживающий в трех субъектах Российской Федерации: Республике Бурятия, Усть-Ордынском и Агинском Бурятских округах Иркутской области и Забайкальского края. Территория, где проживают буряты, посередине рассекается на две части самым большим пресноводным озером планеты – «священным» Байкалом.

Касаясь духовной культуры бурятского народа, прежде всего, необходимо отметить бережное отношение к природе. А бурятскому народу было и есть что любить и беречь в родном краю. Ведь, природа нашего края колоритна и неповторима. Снежные горы и солнечные долины, быстрые реки и чистые озера, живописные таежные леса и спящие вулканы, минеральные источники и старинные буддийские монастыри, волшебные пейзажи и не имеющие аналогов памятники природы – все это моя Бурятия. Здесь есть горные массивы с природными и архитектурными достопримечательностями, просторные степи с разнотравьем, хвойные леса с богатой фауной, имеется множество заповедников и национальных парков. Так, достопримечательности нашей республики удивительно разнообразны.

Далее в своей работе Эрдэм Данзанович высказал свои ответы и на другие волнующие бурятский народ вопросы: «Сохраним ли мы бурятский язык?», «Кого считать лидерами бурятского народа?», «Почему важно возрождать народные праздники?» и другие.

Отвечая на заданные собой вопросы, Э. Д. Дагбаев пишет: «Язык – наиболее сильный этнодифференцирующий признак, хотя в мире известно немало случаев, когда на одном языке говорит множество этносов, а один этнос – на нескольких.

Утрата языка может привести к потере этнической идентичности, ведь он остается первоосновой этноса» [1, с. 10-11]. «Сегодня буряты также должны ответить на новые вызовы времени. Задача – превратить язык в активно функционирующий, востребованный народом» [1, с. 66].

Далее в книге отмечается важность деятельности Всебурятской ассоциации развития культуры (ВАРК), созданной в феврале 1991 г. на первом Всебурятском съезде. Данная ассоциация объединила в своих рядах представителей трех бурятских автономий и в последующем еще до 20 центров (землячеств). «Сегодняшняя роль ВАРКа заключается в координации значимых общепурятских фестивалей и интеграции бурятской культуры, то есть, ее роль культурно-стратегическая» [1, с. 39].

В книге отмечается важность общепурятских праздников и фестивалей – Гэсэриада, Сагаалган, Сурхарбаан, Алтаргана, Ёрдынские игры. «В них бьется пульс народа. Душа народа. На праздниках они ощущают себя единым народом» [1, с. 123].

Но самое главное, наш народ славится своими сынами, которые жили и творили во благо своей малой родины и своего народа. Э. Д. Дагбаев в своей книге называет имена наиболее достойных представителей, лидеров бурятского народа. В числе их он назвал Агвана Доржиева – политика, дипломата, богослова, просветителя; Даши-Нима Дугаровича Дугарова – художника, общественного деятеля, Бата Дугаржаповича Баяртуева – ученого-литературоведа, общественного деятеля и многих других. А сегодня, мы с уверенностью можем сказать, что в их ряду достойное место занимает и Дагбаев Эрдэм Данзанович!

В заключении хочу сказать, что я очень горжусь тем, что моя Родина – солнечная Бурятия! И хочется пожелать ей вечного процветания и благополучия! Пусть множится у нашего народа число достойных сыновей и дочерей, которыми еще долгие годы будет гордиться наша Бурятия. А нам, сегодняшней молодежи, хочу пожелать: давайте же, как говорил Эрдэм Данзанович Дагбаев, «сохраним (наш) этнос, но и добьемся мощного рывка вперед»!

Литература

1. Дагбаев Э. Д. Буряты. Главные вопросы бытия. Улан-Удэ: НоваПринт, 2016. 124 с.

HEROES OF TIME: E. D. DAGBAEV ON HISTORICAL FATE BURYAT PEOPLE

© Alexandra Ts. Rinchinova

Student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University
670000, Russia, Ulan-Ude, Smolin St., 24a
rinchinovas2003@mail.ru

Abstract. Each person has his own small homeland. This is a favorite corner of the heart; the region is very necessary to the people. Every nation is proud of its sons, good people. The Buryat people can be proud of Dagbaev Erdem Danzanovich, a famous scientist, political scientist, patriot of his native land.

Keywords: Motherland; native land; Buryat people; Dagbaev Erdem Danzanovich; scientist; patriot.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Научная статья
УДК 94(571.53)

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В ХАКАСИИ (1991–2021)

© Тугужекова Валентина Николаевна

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Южносибирский филиал института истории материальной культуры РАН;
профессор кафедры истории,
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
Россия, 655017, г. Абакан, ул. Кирова 102
vtuguzhekova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу исследования региональной истории Хакасии в начале XXI в. Автор отмечает, что важное место в изучении данной темы стало изучение истории сельских поселений, района и итогом работы является подготовка и издание «Очерков истории советской Хакасии (1917–1991 гг.)».

Ключевые слова: Хакасия; история; район; сельские поселения; предприятия; учреждения; современность.

В 2021 г. субъект отметил 30-летие образования Республики Хакасия (Указ Президента от 3.07.1991 г.), 2022 г. объявлен Годом археологии (300-летие первых раскопок в Сибири, которые были проведены экспедицией Мессершмидта 24.01.1722 г.). Достаточно неплохо изучена древняя история Хакасии. В 1993 г. под ред. Л. Р. Кызласова вышла монография «История Хакасии с древнейших времен до 1917 г.». Однако ранее (1963 г.) была опубликована коллективная монография, посвященная Хакасии советского периода – «Очерки истории советского периода Хакасии». Позднее изданы «Очерки истории Хакасской областной организации КПСС» (1987) под ред. С. П. Ултургашева и П. Н. Мешалкина, «Очерки истории Хакасской организации ВЛКСМ. 1918–1991» (1998) под редакцией П. Н. Мешалкина и В. Н. Тугужековой.

Новый этап в развитии региональной истории связан с образованием республики (1991) и открытием в 1994 г. Хакасского государственного университета, созданного решением Правительства РФ.

Университет сыграл важную роль в подготовке кадров историков для региона. В 1995 г. при университете была открыта аспирантура, в том числе по специальности «История России». За этот период в высшем учебном заведении были созданы три исторические научные школы под руководством профессоров Н. Я. Артамоновой, В. Я. Бутанаева, В. Н. Тугужековой. Ими подготовлено свыше 40 кандидатов и несколько докторов исторических наук. Защита кандидатских диссертаций проходила в диссертационных советах разных сибирских научных и образовательных центров.

Для историков Хакасии встала задача изучения истории Хакасии, подготовка коллективной работы по истории советского периода. Научная деятельность ученых сопровождалась популяризацией исторических знаний среди населения, вовлечением молодежи в исследовательскую работу. Историческому анализу была подвержена историческая реальность сельских территорий и организаций (села, поселки, предприятия, районы).

Идея изучения истории районов была предложена администрацией Аскизского района в связи с 80-летием образования района (1924). За период с 2000 по 2019 гг. историками ХакНИИЯЛИ под руководством В. Н. Тугужековой подготовлена история семи районов [1–7].

Затем сотрудники стали изучать историю ряда предприятий и некоторых отраслей промышленности [8–9]. Итогом этих исследований стала коллективная монография «Социально-экономическое развитие Хакасии (XX – начало XXI века)» [10].

Следующим этапом в изучении региональной истории стало исследование истории сел, сельских Советов, связанных с юбилейными датами [11–16]. Итогом этой большой работы стало формирование авторского коллектива историков и подготовка к изданию «Очерков истории советской Хакасии (1917–1991 гг.)» [17].

Источники и литература

1. Аскизский район: история и современность. Новосибирск, 2004. 203 с.; 2-е издание. Новосибирск, 2007. 248 с.
2. Ширинская летопись: от века камня до современности. Абакан, 2007. 336 с.
3. Таштыпский район: история и современность. Абакан, 2008. 114 с.
4. Бейский район: история и современность. Абакан, 2015. 168 с.
5. Боградский район: история и современность. Абакан, 2016. 110 с.
6. Орджоникидзевский район: история и современность. Абакан, 2018. 214 с.
7. Усть-Абаканский район: история и современность. Абакан, 2019. 236 с.
8. Лесное хозяйство Хакасии: история и современность. Абакан, 2009. 132 с.
9. Агропромышленная компания «Мавр»: историческое становление и развитие. Абакан, 2012. 96 с.
10. Социально-экономическое развитие Хакасии (XX – начало XXI века) / В. Н. Тугужекова, И. Н. Трошкина, В. К. Шулбаев [и др.]. Абакан, 2014. 250 с.
11. Ресформация: история становления и развитие. Абакан, 2014. 80 с.
12. Целина и социально-экономическое развитие Хакасии. Абакан, 2017. 250 с.
13. К 80-летию образования аала Доможаков. Абакан, 2015. 256 с.
14. К 95-летию со дня образования Покояковского (с 1976 г. Аршановского сельсовета). Абакан, 2016. 254 с.
15. К 65-летию села Бельтирское. Абакан, 2018. 244 с.
16. К 100-летию Есинского сельсовета. Абакан, 2018. 244 с.
17. К 100-летию Базинского сельского Совета. Абакан, 2021. 212 с.
18. Очерки истории советской Хакасии (1917–1991 гг.) / ред. В. Н. Тугужекова, М. Г. Степанов. Абакан, 2019. 252 с.

**EXPERIENCE IN REGIONAL HISTORY RESEARCH
IN KHAKASSIA (1991–2021)**

© **Valentina N. Tuguzhekova**

Doctor of History, Leading Researcher,
South Siberian Branch of the Institute of the History of Material Culture
of the Russian Academy of Sciences;
professor of the Department of History,
N. F. Katanov Khakass State University
Russia, 655017, Abakan, Kirov St., 102
vtuguzhekova@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the study of the regional history of Khakassia at the beginning of the XXI century. The author notes that an important place in the study of this topic was the study of the history of rural settlements, the district and the result of the work is the preparation and publication of "Essays on the history of Soviet Khakassia (1917–1991)".

Keywords: Khakassia; history; district; rural settlements; enterprises; institutions; modernity.

Научная статья
УДК 94(571.54)

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ДЕКАБРИСТАХ В БУРЯТИИ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ НАУЧНОГО НАРРАТИВА НАЧАЛА XX в.¹**

© Максютлов Алексей Эдуардович

магистр,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

maxiutow.al@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются основные публикации по теме «Декабристы в Бурятии» начала XX в. Исследование отражает мысль о существовании нескольких мифологем в контексте исторической памяти о декабристах, в том числе и регионального сибирского мифа. На основе этой теории проводится анализ научного нарратива первых ссыльных края, прослеживаются его корректировка вплоть до 100-летней годовщины восстания на Сенатской площади (1925 г.). Исходя из этого делаются выводы по поводу трансформации историографии о декабристах в Бурятии: как изменение доминирующего центрального мифа с интеллигентского на коммунистический, так и развитие сибирского образа «людей 14 декабря». Делается попытка обосновать причины данных явлений в региональном декабристоведении с позиций исторической памяти.

Ключевые слова: декабристоведение; историческая память; декабристы; Бурятия; научный нарратив; трансформация; мифостроительство; герценовско-тургеневский миф, сибирский миф; коммунистическая мифологема.

Декабристоведение имеет свою собственную богатую историю. Однако для дальнейшего развития этого направления, в том числе и на региональном уровне, необходимо продолжать изыскания с помощью применения новых научных концепций. В современном гуманитарном знании одной из самых востребованных является теория исторической памяти, основателем которой считается французский социолог М. Хальбвакс.

Историческая память – это совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом [9, с. 42]. Она, в первую очередь, выступает как составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом. Зафиксированные этой памятью образы событий в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие общественной группе и отдельному человеку ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях [8, с. 23–24]. Поэтому историческая память со временем может приобретать новое значение, нередко трансформироваться, исходя из потребностей момента.

В контексте всего вышесказанного особый интерес представляет вопрос об изменении стереотипов памяти о декабристах. Согласно исследованиям С. Е. Эр-

¹ Научный руководитель: Байкалов Николай Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент.

лиха, в концепции исторической памяти о «людях 14 декабря» последовательно возникло три центральных мифологемы:

- православно-монархический контр-миф власти, сформировавшийся в периодике конца 1825 – начала 1826 гг., где восставшие изображались врагами богоданного царя, задумавшими посеять смуту в царлюбивом отечестве;
- герценовско-тургеневский миф декабристов – образ героев-мучеников, воспринимаемый слоем оппозиционной интеллигенции с середины XIX в.;
- ленинский коммунистический миф декабристов, связанный с формулой «трех поколений» [11, с. 16–17].

Кроме этого в декабристском сегменте исторической памяти выделяют также ответвления от основных мифов дополнительных «изводов»: миф жен декабристов, сибирский миф декабристов. Последний представляет мятежников не столько в облике революционеров, сколько просветителей далекого края, подобно Прометею принесших новые технологии, приобщивших местных жителей к высокой культуре [11, с. 27].

Историческую память можно изучать в разных областях декабристведческого дискурса, однако предмет данной статьи затрагивает региональный научный дискурс начала XX в. Это связано с тем, что, во-первых, историю как продукт профессионального историописания, по мнению ряда отечественных и зарубежных авторов (в том числе и Л. П. Репиной [8, с. 41]), можно считать частью или видом исторической памяти, поскольку и сами историки причастны к «новому мифостроительству», будучи вовлеченными в современную им культуру. Во-вторых, начало XX в. – это время системного кризиса в России, характеризующееся чредой русских революций, гражданской войной, созданием на обломках монархического государства страны абсолютно нового типа. Важным способом преодоления этого травматизирующего опыта являлось, на наш взгляд, реконструирование исторического повествования, посредством которого весь прошлый опыт, зафиксированный в памяти в виде отдельных событий, вновь оформился в определенную целостность, в рамках которой эти события приобрели смысл [7, с. 15]. Кроме того, как утверждает М. В. Соколова, в исторической памяти нуждаются, прежде всего, те группы, чьи устремления прежде подавлялись [10, с. 40], что непосредственно можно связать с положением декабристской темы в имперской России.

Именно с дореволюционной историографии необходимо начать, чтобы на контрасте попытаться увидеть сущность трансформаций научного нарратива в начале XX в. Так, в 1902 г. в ежемесячном литературном и научно-популярном журнале «Мир божий» выходит работа В. Я. Богучарского «Семейство Бестужевых» [2]. Определяя свое исследование как историко-литературный очерк, автор стремится проследить жизненный путь декабристов из этой знаменитой фамилии. Несмотря на то, что В. Я. Богучарский специально обходит стороной историю восстания на Сенатской площади, 14 декабря 1825 г. трактуется им как катастрофа [2, с. 246], роковое для Бестужевых событие [2, с. 271], за участие в котором представители этой семьи заслуженно поплатились [2, с. 245]. Характеризуя их деятельность в ссылке и на поселении в Забайкалье, историк пишет в основном об индивидуальных технических и литературных занятиях декабристов, связывая их с тем, что Бестужевы «старались быть, на сколько возможно,

полезными окружавшим их людям» [2, с. 293]. Каких-либо сведений о связях мятежников с местным населением в этой работе мы практически не находим.

Уже после первой русской революции, в 1911 г. в ежемесячном журнале литературы, политики, науки, истории, искусства и общественной жизни «Современник» появляется статья одного из создателей знаменитого «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» Н. И. Коробки «Декабристы братья Борисовы и общество Соединенных Славян» [5]. Стоит отметить, что наряду с Борисовыми автор статьи касается в ней и биографии Ю. К. Люблинского, который жил на поселении в с. Тунка (в настоящее время – Тункинский район Республики Бурятия).

Практически с первых страниц мы читаем, что жизнь братьев – это «одна из самых тяжелых и, вместе с тем, трогательных трагедий, разыгравшихся в России на фоне борьбы за освобождение» [5, с. 11]. Изменение риторики, на наш взгляд, очевидное. Н. И. Коробка утверждает, что «гуманный энтузиазм Борисовых, их мечты о всеобщем счастье, представляли прекрасную почву для идеи братства родственных славянских народов», что и обусловило создание ими общества Соединенных Славян [5, с. 21]. Однако слияние организации Борисовых с Южным обществом и события декабря 1825 г. рассматриваются автором как катастрофа.

Подчеркивается, что Борисовы были изначально недовольны объединением, но они пошли на это, поскольку Южное общество преследовало одну из важнейших целей Соединенных Славян – установление республики [5, с. 27]. Борисовы на поселении у автора статьи – это уже не заговорщики, а праведники, порвавшие с прошлым, «друзья природы», нашедшие радость в изучении растительного и пернатого царства Сибири, философы, грустно примирившиеся с жизнью. «Изверившись в прежних мечтах, в этой кротости, в этом служении всем окружающим, быть может, находил новую и единственную доступную ему теперь форму того служения людям, мечта о котором так полно захватила его в юности» – пишет исследователь о Петре Борисове в Сибири [5, с. 34].

Таким образом, дореволюционные работы начала XX в. носили историко-биографический характер и, несмотря на то, что они в целом отрицательно оценивали в качестве средства вооруженный мятеж, транслировали в большей степени герценовско-тургеневскую мифологию о декабристах, как о благородных людях, о «героях-мучениках», жертвой своей стремившихся достичь блага Отечества. Ощущается именно сочувствие к декабристам, усиливающееся после 1905 г. Однако до полного соответствия мифу интеллигенции данным работам явно не хватает негативного образа императора-мерзавца, «мелкого труса и большого негодяя». Что касается сибирского стереотипа, то в ссылке и на поселении декабристы представляются как интеллектуалы, деятельность которых уже не имела политического содержания и была лишь культурной работой образованных людей исходя из их филантропических побуждений. Идеино-политическое содержание в ней практически не прослеживается, так же как и какая-либо прорывная общественно-просветительская роль в отношении местного населения. Следовательно, и сибирский стереотип о декабристах до 1917 г. не получает своего полного обозначения в научном нарративе молодого регионального декабристоведения.

Определенные изменения в сложившемся дискурсе начинаются практически сразу после завершения Гражданской войны на территории Забайкалья. В 1922 г.

в Верхнеудинске выходит небольшая брошюра «Прибайкалье: краткий исторический очерк» [3], автором которой был внук декабриста В. А. Бечаснова, известный историк и архивист В. П. Гирченко. Несмотря на то, что следы ленинской мифологемы здесь еще не находят своего отражения, можно увидеть, как на страницах книги отчетливо возникает образ сибирского мифа. «Влияние декабристов на Прибайкалье, как и вообще на Сибирь, было в высокой степени благотворным. <...> Они стремились поднять уровень окружавшей их жизни и распространить свет знания на заброшенной далекой окраине России. Войдя в горести и радости местного населения, детально познакомившись с его нуждами и запросами, декабристы сделались лучшими практическими деятелями и знатоками местной жизни и вместе с тем выступали в роли защитников местного населения против злоупотреблений администрации, которая до этого не знала никаких сдерживающих границ своему произволу. Воспитывая в окружающих любовь к знанию, декабристы поддерживали в провинциальной сибирской глуши дух европейской культуры, старались приобщить возможно большее число людей к ее духовным и техническим приобретениям» – читаем мы у В. П. Гирченко [3, с. 13]. Чем не образ Прометея, защищавшего людей от произвола богов и подарившего им огонь?

Особо активизировались сибирские историки к годовщине столетия восстания на Сенатской площади. В это время публикуются сразу несколько работ, которые обозначили окончательный переход нарратива на позиции коммунистического мифа. Так, в статье М. Е. Золотарева [4] мы впервые слышим известную цитату из ленинской работы «Памяти Герцена». Исследователь начинает свое изложение именно с концепции «трех поколений», согласно которой все последующие движения общественной мысли имеют тесные связи с «людьми 14 декабря»: «Сороковые, шестидесятые, семидесятые годы с их знаменитым «хождением в народ» – это этапы в развитии и углублении тех революционных идей, что вскользь, туманно были брошены декабристами. От борьбы внутри дворянства, революционное общественное сознание, классовая идеология переходят в другие общественные слои, ставя эти слои в условия противовеса самодержавию, пока, наконец, не становится достоянием рабочего класса, который покончил с царским режимом...» [4, с. 5].

В этом же сборнике «Сибирь и декабристы» встречается нам статья М. К. Азадовского [1] – ученого, который внес неоценимый вклад в развитие проблемы «Декабристы в Бурятии». Анализируя деятельность изгнанников на поселении, он пишет: «В основе ее лежат не отвлеченные филантропические идеи и не одно только теплое чувство гуманности. Она создалась под влиянием мыслей и настроений характера гражданского, общественного, отчасти даже политического» [1, с. 95]. Эти выводы сильно контрастируют с дореволюционным нарративом, поскольку выдвигают политическую идейность ссыльных источником их многогранной работы в Сибири. Этим сибирский стереотип о декабристах получает свое дальнейшее развитие.

В этом же, 1925 г. Б. Г. Кубалов издает монографию «Декабристы в Восточной Сибири» [6]. Несмотря на то, что автор почти не затронул тему пребывания мятежников в Бурятии, данная книга также является показательным примером утверждения коммунистической мифологемы в региональном декабристоведе-

нии. В книге нет цитат В. И. Ленина, однако все ее содержание приводит автора к выводу: «И современное поколение – смелые строители новой жизни, отмечая столетний юбилей восстания <...>, подчеркивает идейную связь с ними, как пионерами освободительного движения... Оно <...> не только не отвергло, но и не забыло декабристов, не забыло их великой заслуги: выступив с оружием в руках, они бросили ту искру, от которой зарделось всеочищающее пламя великой революции» [6, с. 211].

Итак, рассмотрев региональные декабристоведческие исследования первых десятилетий XX в., можно сделать определенные выводы по поводу того, какие изменения произошли за этот период в научном дискурсе в контексте исторической памяти о декабристах. Во-первых, определилась принадлежность дореволюционных исследований по теме к герценовско-тургеневской мифологеме исторической памяти. Несмотря на то, что данный миф находит свое отражение в работах не в своей законченной форме, можно проследить его более основательное проявление с течением времени. На наш взгляд, радикализация нарратива в сторону герценовского образа декабристов связана, как и предполагает теория исторической памяти, с определенным социальным запросом на идентификацию в изменившихся общественно-политических условиях после первой русской революции. Сибирский миф этого времени представляется нам локальным вариантом этого декабристского мифа интеллигенции, причем он исключает идейно-политическую направленность деятельности мятежников в ссылке.

Во-вторых, данные мифологемы – и герценовская, и сибирская – после Октябрьской революции существенно трансформируются, что, соответственно, отражается на исследовательском нарративе регионального декабристоведения. Герценовско-тургеневский миф ближе к столетию восстания на Сенатской площади уступает место ленинской мифологеме «трех поколений». Качественное их отличие заключается в том, что созданный А. И. Герценом миф о декабристах был нацелен на свержение власти, а коммунистический – на закономерность ее утверждения, на историческое санкционирование произошедших после 1917 г. перемен. Иными словами, как следствие социальных катаклизмов возникла новая потребность в самоидентификации, очередной социальный запрос на историческую память о «людях 14 декабря, которая изменилась в угоду общественно-политической ситуации. Со сменой основного мифа произошла и трансформация сибирского образа мятежников на стереотип идейных народных заступников и просветителей, деятельность которых определялась гражданскими порывами, приведшими их в свое время на Сенатскую площадь.

Источники и литература

1. Азадовский М. К. Странички краеведческой деятельности декабристов в Сибири / М. К. Азадовский // Сибирь и декабристы: статьи, материалы, неизданные письма, библиография. Иркутск, 1925. С. 77–112.
2. Богучарский В. Я. Семейство Бестужевых / В. Я. Богучарский // Мир божий. 1902. Кн. 9. С. 245–300. URL: <https://archive.org/details/mir-bozhii-v-11.1902-no-9/page/n243/mode/2up> (дата обращения: 22.11.2021).
3. Гирченко В. П. Прибайкалье: краткий исторический очерк / В. П. Гирченко. Верхнеудинск: Кн-во Объед. Прибайкальск. союза кооперативов, 1922. 24 с. URL:

<https://hcenter-irk.info/irf/girchenko-v-p-pribaykale-kratkiy-istoricheskiy-ocherk> (дата обращения: 23.11.2021).

4. Золотарев М. Е. Общественно-политические взгляды декабристов / М. Е. Золотарев // Сибирь и декабристы: статьи, материалы, неизданные письма, библиография. Иркутск, 1925. С. 5–13.

5. Коробка Н. Декабристы братья Борисовы и Общество соединенных славян / Н. Коробка // Современник. 1911. Кн. 5. С. 11–35. URL: https://rusneb.ru/catalog/005664_000048_RuPRLIB12050749/ (дата обращения: 22.11.2021).

6. Кубалов Б. Г. Декабристы в Восточной Сибири / Б. Г. Кубалов. Иркутск: Иркутск. губ. архивбюро, 1925. 216 с.

7. Репина Л. П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти / Л. П. Репина // Кризисы переломных эпох в исторической памяти: [сб.] / под ред. Л. П. Репиной. Москва, 2012. С. 3–37.

8. Репина Л. П. Память и историописание // История и память: историческая культура Европы до начала нового времени: [сб.] / под ред. Л. П. Репиной. Москва, 2006. С. 19–46.

9. Репина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 39–52.

10. Соколова М. В. Что такое историческая память? // Преподавание истории в школе. 2008. № 7. С. 37–44.

11. Эрлих С. Е. Декабристы в исторической памяти. 2000–2014 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Санкт-Петербург. ин-т истории РАН. Санкт-Петербург, 2015. 45 с.

HISTORICAL MEMORY OF THE DECEMBRISTS IN BURYATIA: A TRANSFORMATION OF THE SCIENTIFIC NARRATIVE IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

© Alexey E. Maksyutov

Undergraduate Student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

670000, Russia, Ulan-Ude, Ranzhurov St., 6

maxiutow.al@gmail.com

Abstract. The article deals with major publications on topic «Decembrists in Buryatia» in the beginning of the XX century. The study reflects the idea about the existence of several mythologemes in the context of historical memory of the Decembrists, including regional Siberian myth. A scientific narrative about the first regions in exile is being analyzed on the basis of this theory, there is its correction down to 100th anniversary of the uprising on the Senate Square (1925). The conclusions about the Transformation of Historiography about the Decembrists in Buryatia are drawn accordingly: both the change of the dominant central myth from the intellectual on the communistic, and the development of the Siberian image of the «people of the December 14th». An attempt to explain the reasons for these phenomena in the regional Decembrist study from the perspective of historical memory is made.

Keywords: Decembrist studies; historical memory; Decembrists; Buryatia; scientific narrative; transformation; myth building; Herzen and Turgenev's myth; Siberian myth; communistic mythologeme.

Научная статья
УДК 930(470:44)

**ВКЛАД М.И. БОГДАНОВИЧА В ИСТОРИОГРАФИЮ
РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1801–1811 гг.**

© **Ракитин Станислав Витальевич**

магистрант,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина 24а

stanislavrakitin14surv@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу работ отечественного военного историка М. И. Богдановича, посвященных истории русско-французских отношений 1801–1811 гг. Анализируются следующие аспекты в работах автора: содержательно-концептуальный, источниковедческий, методический. На концептуально-содержательном уровне анализа выявлены следующие особенности работ М. И. Богдановича: концепция «коллективной безопасности» в Европе, обосновывающая коалиционные войны против Франции; обоснование русско-французского конфликта легитимистским курсом русского правительства; впервые обоснованный тезис о губительности континентальной блокады для экономики России; наличие экономического детерминизма в русско-французском конфликте; вывод о сущности конфликта 1812 г., который лежал в желании Франции заставить Россию выполнить условия Тильзитского договора. На источниковедческом уровне анализа сделаны выводы о широкой источниковой базе М. И. Богдановича. Приведена классификация используемых материалов, среди которых нашли место архивные источники, опубликованные документы государственных деятелей, мемуаристика, иностранная, прежде всего франкоязычная и немецкоязычная литература, и опубликованные источники. Отмечен вклад автора в публикацию исторических источников по рассматриваемой теме. Отмечены методические новшества автора. Сделан вывод о концептуальной, жанровой и методологической преемственности историографии 1820–1870-х гг.

Ключевые слова: М. И. Богданович, дворянская историография, русско-французские отношения, Александр I в историографии, Наполеоновская историография.

Хронологические рамки 1801–1811 гг. обосновываются крайней важностью данного этапа для понимания логики развития русско-французских отношений начала XIX в. С одной стороны, описанный промежуток можно рассматривать самостоятельно, как не прерывную серию дипломатических игр, войн, незаключенных договоров и взаимных обвинений. С другой стороны, через исследование данного промежутка можно понять логику развития русско-французского конфликта 1812 г. Именно поэтому выбрана временная граница 1811 г., так как январь-февраль 1812 г. можно считать точкой невозврата, непосредственным ходом взаимной подготовки к войне, заключавшийся в составлении коалиций и передвижении войск.

Тематика исследования историографии русско-французских отношений 1801–1811 гг. актуальна потому, что в современной отечественной историогра-

фии, часть теоретических положений, озвученных первыми отечественными историками русско-французских взаимоотношений начала XIX в. была принята, а другая часть полностью опровергнута.

В России история исследования русско-французских отношений 1801–1811 гг. насчитывает уже почти 200 лет. Отечественными историками написано множество работ, посвященных непосредственно истории взаимоотношений двух государств в начале XIX в. Их можно разделить на несколько групп (по предмету исследования): 1) Классическая военная история – Д. П. Бутурлин, А. И. Михайловский-Данилевский, М. И. Богданович; 2) Биографические работы рассматривающие жизнь и деятельность Александра и Наполеона – К. А. Шильдер, В. К. Надлер, Н. Н. Фирсов, С. П. Мельгунов, А. С. Трачевский, А. Манфред; 3) Работы, посвященные дипломатическим взаимоотношениям и роли личности в истории – С. М. Соловьев, А. К. Джигелегов, Е. В. Тарле, А. М. Станиславская, Н. А. Троицкий, О. В. Соколов.

Несмотря на большое количество специалистов, занимавшихся проблемами взаимоотношений двух государств, историография русско-французских взаимоотношений 1801–1811 гг. предметно не рассматривалась. В отличие, к примеру, от историографии Отечественной Войны 1812 г., по которой существуют историографические обзоры [1; 19], в исторической науке недостаточно разработан корпус работ периода 1801–1811 гг., не существует крупных историографических обзоров по предмету.

Цель работы заключается в историографическом анализе содержания работ М. И. Богдановича, посвященных русско-французским отношениям 1801–1811 гг.

М. И. Богданович проходил обучение в Императорской военной академии, там же после обучения остался, став впоследствии адъюнкт-профессором на кафедре военной истории. В 1847 г. он стал членом военно-ученого совета. Свою академическую деятельность историк начал в конце 1830-х гг., переведя сочинение Н. Макиавелли [11]. В середине 1840-х гг. он выпустил свои первые военно-исторические работы, посвященные Итальянским походам Бонапарта, Суворова, турецким походам Румянцева и Потемкина [8; 9]. Лишь к 1860-м гг. Богданович постепенно приходит к тематике исследования русско-французских отношений начала XIX в., публикуется серия крупных работ [2; 3]. Свою научную деятельность автор вел вплоть до конца 1870-х гг. Можно сделать вывод о долгой, в сравнении со своими предшественниками, академической карьере М. И. Богдановича.

Наиболее крупной работой М. И. Богдановича следует считать «Историю Отечественной войны 1812 года». Для ее написания автору высочайшим повелением были открыты все государственные архивы. Данная работа продолжает фундаментальные концептуальные линии предшественников Д. П. Бутурлина и А. И. Михайловского-Данилевского, а именно: оборонительный характер анти-французских коалиций; акцент на конфликтность французской внешней политики; характеристика роли России в Европе как «миротворца».

Ключевой причиной заключения Тильзитского мира М. И. Богданович считает не поражения русской армии при Фридрихсберге, и даже не бездействие Австрии и Пруссии, а отсутствие «*диверсии английских войск в Северной Германии...и субсидий, которые тогда требовало наше правительство*» [4, с. 3]. На

этом фоне стоит отметить, в работах М. И. Богдановича присутствуют зачатки анализа экономического аспекта в контексте русско-французских войн. Помимо вышеуказанных английских субсидий автор уделил время континентальной блокаде, назвав её неэффективной [4, с. 29–31].

Некоторые изменения претерпел образ Александра I. Если у А. И. Михайловского-Данилевского император в контексте отношения с Францией был показан как инициатор решительных, вооруженных мер, у М. И. Богдановича в личности императора доминирует больше стремление к миру, заглаживание противоречий дипломатией [4, с. 39, 44, 80]. «*Гением мира*» называл автор Александра, в противовес «*Гению войны*» Наполеону. Можно даже сказать, что автор задал некоторую тенденцию описания личности императора, несколько напоминающий образ Бонапарта в работах раннего Стендаля.

Изменения касаются также образа Наполеона. Автором впервые приводятся факты о миротворческих инициативах Бонапарта, в основном касавшихся периода с 1810 по начало 1812 г. Богданович указывает на стремление Наполеона пойти на уступки в области Польского вопроса, компенсации герцогу Ольденбургскому, приводятся свидетельства явного нежелания Наполеона войны с Россией. Однако все это трактуется автором как попытка «выиграть время для окончания военных приготовлений» [4, с. 49, 78, 81].

М. И. Богданович сделал важный вывод о том, что к концу 1811 — началу 1812 г. Россия и Франция взаимно вели открытые вооружения и обвиняли друг друга в развязывании войны. Так, Александр I обвинял Наполеона в укреплении Данцига и Торна, усиление германского корпуса Даву. Наполеон, в свою очередь, обвинял царя в переброске войск с Турецкого фронта и Финляндии на западную границу, а также гипертрофировании дела герцога Ольденбургского [4, с. 50–56].

Крупнейшей работой М. И. Богдановича является «История царствования императора Александра I». Данная работа являлась первым биографическим описанием Александра I, поэтому автор ввел множество «хрестоматийных» тезисов о личности императора, повлиявших на внешнюю политику: непостоянность взглядов, двоедушие, дипломатические способности, способность очаровывать людей («это сущий прельститель») [5, с. 23].

М. И. Богданович в сравнении с предыдущими авторами предлагает более глубокое понимание русско-французских войн, доминирующим фактором участия России в антифранцузских коалициях назвал легитимистский курс русского правительства. На этом фоне автор фиксировал, что причиной участия России в Третьей антифранцузской коалиции было присоединение Пьемонта, Ганновера, убийство герцога Энгиенского, т.е. нарушение феодальных законов.

М. И. Богданович согласен с мнением А. И. Михайловского-Данилевского о стремлении России к некому прототипу коллективной безопасности в Европе: «Средством к упрочению спокойствия Европы, по мнению императора Александра, могло быть заключение общего договора подобному Вестфальскому трактату» [5, с. 353].

Временной границей начала формирования Третьей антифранцузской коалиции автор назвал начало 1804 г. Россия показана как инициатор [5, с. 331, 345, 358, 371].

Как мы уже отмечали, в работах М. И. Богдановича присутствует анализ экономического аспекта в контексте внешней политики. В данной работе сделаны примечательные открытия в этой области. Автором впервые описана роль английских денег в финансировании России, Австрии и Швеции. К примеру, указан англо-русский договор 11 апреля 1805 года, по которому Россия за каждые 100 тыс. выставленных войск получала английские субсидии в размере 1250000 фунтов ежегодно (8 млн руб.). Сумма довольно ощутимая, так как за 1805 г. совокупный налоговый сбор Российской империи был равен 107 млн руб. [12, с. 616].

В количественном описании сил и потерь под Аустерлицем М. И. Богданович полностью доверился цифрам, приведенным А. И. Михайловским-Данилевским, который оценил потери русских в 21 тыс., а потери французов – от 9 до 12 тыс. человек. Для сравнения интересно привести данные вышедшей за десять лет до работы М. И. Богдановича многотомной «Истории консульства и Империи» А. Тьера, у которого итог битвы более катастрофичен для союзников: русские потеряли 15 тыс. убитыми, более 20 тыс. пленными. Русский царь сбежал с поля боя. Французы потеряли в районе 7 тыс. [18, с. 191–193]. В основном среди отечественных историков данные цифры принимались Е. В. Тарле [16, с. 115] и Н. А. Троицким [17, с. 109].

М. И. Богданович разошелся в вопросе причин поражения союзной армии с А. И. Михайловским-Данилевским, последний считал причиной поражения беспечность австрийцев. Богданович заключил: «главной причиной поражения союзников было то, что они...вовсе не имели главнокомандующего, что Кутузов считаясь им, соглашался из угождения императору Александру, на все распоряжения австрийского штаба, хотя и постигал их неосновательность» [6, с. 80]. На этом фоне также отметим, что М. И. Богданович невысоко оценивал М. И. Кутузова, назвав его «царедворцем», а также указал на его безучастие в составлении диспозиции к Аустерлицу. Особенно это контрастировало с позицией А. И. Михайловского-Данилевского, восхищавшегося полководцем. Также Богданович указывал на хрестоматийный реваншизм в русском обществе и армии, возникший после Аустерлица [6, с. 107].

Историк полнее, чем предшественники, проанализировал июльскую дипломатическую миссию П. Я. Убри и нератифицированный франко-русский мирный договор (1806 г.). Причиной отказа от ратификации мира с русской стороны стало своевольное образование Рейнского союза 12 июля, отсутствие в договоре пунктов о судьбе Ганновера, а также исключение дальнейшей возможности покровительства Александра I королям Неаполя и Сардинии [6, с. 125–129], т. е., по сути, договор противоречил уже описанному легитимистскому курсу правительства.

В количественном описании битвы при Прейсиш-Эйлау М. И. Богданович ссылается на цифры А. И. Михайловского-Данилевского. Однако в вопросе оценки последней битвы Четвертой антифранцузской коалиции при Фридланде автор приводит свои цифры. Французские потери оценены им в 12 тыс., а русские – в 15 тыс. человек. М. И. Богданович ссылался на немецкоязычную работу Э. Хёпфнера [21, с. 647–697] и франкоязычную М. Дюма [20, с. 4–51].

Помимо очевидных причин крушения Четвертой коалиции, бездействия Австрии и крах Пруссии, М. И. Богданович указывал на роль отказа англичан провести диверсии в Голландии и Северной Франции [6, с. 245, 287].

Оценивая Тильзитский мир, Богданович писал: «Тильзитский трактат несколько не унижил достоинства России, но заключал в себе многие условия, клонившиеся к тому, чтобы нанести ей вред и приуготовить ее падения» [6, с. 304]. «Вредными» условиями автор назвал учреждение Герцогства Варшавского, назвав его мерой против России, а также приобретение Белостокской, посчитав, что данная территория выставит Россию в глаза пруссаков стервятником. Им были описаны традиционные реваншистские настроения в обществе и армии после Тильзита.

Также необходимо еще раз указать на эволюцию образа Наполеона в работах М. И. Богдановича. Автором приводится множество мирных инициатив Бонапарта: переговоры с князем Долгоруковым перед Аустерлицем, крайнее расположение к императору Александру и России в Тильзите, «прощупывание» возможности женитьбы на сестре царя Екатерине для скрепления союза двух империй браком и др.

М. И. Богданович фиксирует, что первым фактом взаимного охлаждения России и Франции стала осень–зима 1809 г. Причиной послужил Шенбрунский франко-австрийский договор, в котором за счет отторгнутой Западной Галиции и части Баварии было усилено Герцогство Варшавское. Чтобы было более болезненно для русского правительства, Бонапарт отказался ратифицировать «договор о Польше», подписанный 5 января 1810 г., в котором должен был формально закреплиться отказ Франции о возможной реставрации Польши [7, с. 89–91].

Чрезвычайно интересны глобальные выводы М. И. Богдановича о теме Россия и Континентальная блокада. Во-первых, автором делается однозначный вывод о «строжайшем соблюдении континентальной системы» Россией [7, с. 103–106]. Все домогательства Франции, особенно по вопросу американских судов, являлись беспочвенными. Во-вторых, М. И. Богданович впервые озвучил тезис о губительности континентальной блокады для российской экономики: «невыгодные последствия Тильзитского мира – стеснение заграничной русской торговли и упадок курса наших государственных бумаг...Россия, точным исполнением условий, принятых в Тильзите приведена в крайнее положение...за асигнационный рубль, доходивший в 1807 году по 67 копеек серебром, давали в 1810 году только по 25-ти копеек» [7, с. 90, 103].

Точкой невозврата в отношениях России и Франции М. И. Богданович считал февраль 1812 г. Впервые указан эпизод, в котором военный атташе А. И. Чернышев добыл и отправил секретное «расписание Великой армии» Наполеона. Впоследствии дипломата раскрыла французская полиция, однако полковник уже отъехал в Петербург [7, с. 153]. Далее автор на этом фоне повествует о серии коалиционных договоров, однозначно говорящих о неизбежности войны, и о взаимных планах сторон на войну.

Нельзя также не отметить крайне прогрессивный вывод, сделанный М. И. Богдановичем, по вопросу целей войны Франции с Россией. Историк заключил, что Франция ввязалась в войну за исполнением Тильзитских договоренностей: «непосредственной целью нашествия Наполеона было подчинение Рос-

сии своему произволу, само собой разумеется что последствием того было распространение континентальной системы на всю Европу...Он надеялся, одержав решительную победу над Русскими, побудить императора Александра к заключению с ним союза и к участию в его предприятии» [7, с. 168].

Наибольшую часть источников, привлекаемых М. И. Богдановичем, составляют материалы официальной переписки государственных деятелей – письма, донесения, предписания, повеления, высочайшие указы Александра I, А. Б. Куракина, С. М. Воронцова, Л. Л. Беннигсена и др. Вторая по количеству группа источников представляет собой разнообразные «военные журналы» – документацию, характеризующую личный состав в русско-французских войнах. Для характеристики законодательной базы использовались материалы «Полного собрания законов Российской империи».

Среди иностранных источников использовались материалы официальной переписки французского, английского, прусского и австрийского правительств – письма Наполеона прусскому королю 1806–1807 гг., письма Д. Фокса Талейрану 1806 г., письма Франца II Фридриху-Вильгельму. Среди использованной французской литературы – «*Memories de Luis*», «*Precis des evenemens militaires*» М. Дюма, «*Histoire de France*» П. Бигнона. Немалую роль сыграла немецкоязычная литература, особенно «*Krieg von 1806 und 1807*» Э. Хёпфнера, на которую ссылался автор в вопросе количественных потерь в войне Четвертой коалиции.

Отметим вклад М. И. Богдановича в дело публикации источников, ранее не отраженных где-либо. Автором были приведены на обозрение Англо-Русская конвенция 8 октября 1801 г., Англо-Шведская конвенция 1804 г., Русско-Английские финансовые договоренности 1805 г., две реляции об итогах Аустерлица (одна для «опубликования», и другая, в которой отражен действительный итог битвы), Эрфуртские протоколы и др.

Помимо широкого применения справочно-ссылочного аппарата, автор приводит историографический обзор в начале работы, а также краткую характеристику источников, чего в работах предыдущих авторов не было. Особую важность имеют опубликованные в конце каждой работы используемые источники.

Концептуально работы автора базируются на теориях предшественников – Д. П. Бутурлина, А. И. Михайловского-Данилевского. Из новых тезисов отметим описанное автором стремление России сформировать некий прототип «коллективной безопасности» в Европе, «новую Вестфальскую» систему. Такие же лёгкие штрихи коснулись изменения образа Франции и Наполеона, автор уже не заявлял о том, что Франция единственный актор европейских войн.

Богданович акцентировал внимание на том, что Россия участвовала в войнах с Францией исключительно из-за легитимистского курса правительства. Впервые автор заявил и обосновал тезис о губительности континентальной блокады для российской экономики. Впервые был проанализирован экономический аспект в русско-французских войнах начала XIX в. Был сделан прогрессивный вывод о том, что Отечественная война 1812 г. была следствием стремления Франции к принуждению России исполнить Тильзитские договоренности.

Источники и литература

1. Агронов Л. И. Постсоветская российская историография отечественной войны 1812 года: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.09. Москва, 2007. 205 с.
2. Богданович М. И. История войны 1813 года за независимость Германии: в 2 томах. Санкт-Петербург: типография штаба военно-учебных заведений, 1863.
3. Богданович М. И. История войны 1814 года во Франции: в 2 томах. Санкт-Петербург: типография В. Спиридонова, 1865.
4. Богданович М. И. История Отечественной войны 1812: в 3 томах. Санкт-Петербург: типография С. Струговщикова, 1859. – Т. 1. – 588 с.
5. Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время: в 6 томах. Санкт-Петербург: типография Ф. Сушинского, 1869. Т. 1. 539 с.
6. Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время: в 6 томах. Санкт-Петербург: типография Ф. Сушинского, 1869. Т. 2. 633 с.
7. Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время: в 6 томах. Санкт-Петербург: типография Ф. Сушинского, 1869. Т. 3. 584 с.
8. Богданович М. И. Поход 1796 года Бонапарта в Италии. Санкт-Петербург: типография К. Крайя, 1845. 134 с.
9. Богданович М. И. Походы Суворова в Италии и Швейцарии. Санкт-Петербург: военная типография, 1846. 236 с.
10. Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г: в 2 томах. Санкт-Петербург: Военная типография главного штаба, 1823.
11. Военная библиотека: в 6 томах. Санкт-Петербург: типография И. Глазунова, 1839. Т. 4. 492 с.
12. Министерство финансов 1802–1902 гг.: в 2 томах. Санкт-Петербург: экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. Т. 1. 616 с.
13. Михайловский-Данилевский А. И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. Санкт-Петербург: типография штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1846. 455 с.
14. Михайловский-Данилевский А. И. Описание отечественной войны 1812 года: в 4 томах. Санкт-Петербург: военная типография, 1839.
15. Михайловский-Данилевский А. И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. Санкт-Петербург: типография штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1844. 304 с.
16. Тарле Е. В. Наполеон. Москва: государственное социально-экономическое издательство, 1939. 352 с.
17. Троицкий Н. А. Александр и Наполеон. Москва: Высшая школа, 1994. 304 с.
18. Тьер А. История Консульства и Империи: в 4 томах. Москва: Изд-во Захаров, 2013. Т. 1. 421 с.
19. Шеин И. А. Отечественная война 1812 года: историографическое исследование: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.09 / И. А. Шеин; науч. рук. А.Г. Бесов; Московский военный ун-т. Москва, 2002. 552 с.
20. Dumas M. *Precis des evenemens militaires*. Paris: TreutteletWurtz, 1826. V. 19. P. 4–51.
21. Hopfner E. *Krieg von 1806 und 1807*. – Berlin: Simon Schroop Comp, 1855. P. 647–697.

**CONTRIBUTION OF M. I. BOGDANOVICH IN THE HISTORIOGRAPHY
OF RUSSIAN-FRENCH RELATIONS IN 1801–1811**

©Rakitin Stanislav Vitalievich

Master Student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

670000, Russia, Ulan-Ude, Smolin St., 24a

stanislavrakitin14surv@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the works of the Russian military historian M. I. Bogdanovich, dedicated to the history of Russian-French relations in 1801–1811. The following aspects are analyzed in the author's works: content-conceptual, source study, methodological. At the conceptual and content level of analysis, the following features of M.I. Bogdanovich: the concept of "collective security" in Europe, justifying coalition wars against France; substantiation of the Russian-French conflict by the legitimist course of the Russian government; for the first time substantiated thesis about the destructiveness of the continental blockade for the Russian economy; the presence of economic determinism in the Russian-French conflict; the conclusion about the essence of the conflict of 1812, which lay in the desire of France to force Russia to fulfill the terms of the Treaty of Tilsit. At the source level of the analysis, conclusions were drawn about the wide source base of M. I. Bogdanovich. The classification of the materials used is given, among which there are archival (Russian) sources, published documents of statesmen, memoirs, foreign, primarily French and German literature, and published sources. The contribution of the author to the publication of historical sources on the topic under consideration is noted. The methodological innovations of the author are noted. The conclusion is made about the conceptual, genre and methodological continuity of the historiography of the 1820s–1870s. **Keywords:** M. I. Bogdanovich, noble historiography, Russian-French relations, Alexander I in historiography, Napoleonic historiography.

Научная статья
УДК 3998(=512.31)

**ФОЛЬКЛОР БУРЯТ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ
ЧЛЕНА ТКО ПО ИРГО Я.С. СМОЛЕВА**

© **Тармакова Анастасия Жаргаловна**
магистрант,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина 24а
nasty.tudupova@gmail.com

Аннотация. В статье в качестве исследовательской задачи автором определена попытка дать обобщенную характеристику фольклору бурят по работам этнографа/краеведа Я. С. Смолева. Значительное внимание в ней уделяется биографии, деятельности, а также анализу рассказов и преданий на различные тематики. Утверждается мысль о том, что основу бурятских преданий составляют рассказы о фактах, имевших место в реальной действительности и вошедших в историю, потому сохранившиеся в памяти народа.

Ключевые слова: легенды, устная история, буряты, Я. С. Смолев, этнография.

Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела ИРГО (ТКО ПО ИРГО) – первое на территории современной Бурятии научное учреждение. Одну из важных задач ТКО ПО ИРГО составляла разработка общего плана исследований Забайкалья в естественно-историческом отношении. Изучение населения Западного Забайкалья была неотъемлемой частью исследований деятелей отделения. В частности, изучением этнографии занимались М.А. Кроль, Г.М. Осокин, Я. С. Смолев и др. [1, с. 3].

На рубеже XIX – XX вв. на восточной окраине Забайкалья в г. Кяхте, по инициативе группы краеведов была развернута большая работа по сбору и изучению устной народной творчества и поэзии местного населения. Члены ТКО ПО ИРГО, активно включившись в изучение родного края, проанализировали почти нетронутые пласты народно-поэтического творчества. Собранные кяхтинскими фольклористами произведения народного творчества значительно обогатили отечественную фольклористику новыми материалами, раскрывшими богатство духовной культуры коренных жителей края – бурят. Особый интерес представляют материалы записей Я. С. Смолева.

Я. С. Смолев родился в селе Усть-Кяхта, окончил Троицкосавское уездное училище. Занимаясь кожевенным производством, он уделял много времени изучению фольклора и этнографии местного населения. Всю жизнь Я. С. Смолев прожил в родном селе, постоянно общался с бурятами и в совершенстве владел их языком. Я. С. Смолев был одним из активных членов ТКО ПО ИРГО [1, с. 10].

Первые записи фольклорных материалов Я. С. Смолева относятся к концу XIX в. Во втором томе «Трудов Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отделения Императорского Русского Географического общества» им была опубликована «Бурятская легенда о происхождении Хоринских родов» [4, с. 13]. Эта легенда, вернее предание, является наиболее полным вариантом из

имеющихся ее редакций. Большой интерес, который проявляла русская наука к истории происхождения бурят, требовал, прежде всего, знания устного народного творчества. Предания и легенды были первоисточником, на основе которых делались первые научные попытки дать наиболее полное представление об истории происхождения бурятского народа.

Легенда, записанная Я. С. Смолевым, представляет собой стройное повествование, в котором излагается история происхождения самого многочисленного племени хоринских бурят. По своей форме она напоминает сказку с мотивами приключения главного героя, который в результате встречи с «добрым человеком» обретает счастье. История происхождения хоринских родов связывается с чудесными свойствами Байкала. Этим в легенде подчеркивается, что хоринские буряты являются исконными обитателями Забайкалья. Родоначальником хори, как повествуется в легенде, является пастух Хордей (или Хородай), некогда живший в работниках у богатого бурята на восточном берегу озера Байкала [4, с. 88].

Хордей все свое нажитое состояние в виде приношения отдает Байкалу, а последний, через своего посланца, советует ему жениться на лебеди русалке. Хордей исполняет волю Байкала и женится. Супруги нажили одиннадцать сыновей, им дали имена: Галзут, Хубдуг, Шарет, Харганат, Хальбин, Батана, Цаган, Худай, Бодонгут, Гучит и Ухасэй. Впоследствии эти одиннадцать сыновей стали родоначальниками одиннадцати родов хоринских бурят [4, с. 91].

Данная легенда, по сведениям Я. С. Смолева, пользовалась у бурят большой популярностью. Собиратель указывает, что в народе остался обычай: «когда прилетают лебеди, а хоринцы сидят за чаем или за каким-либо кушаньем, то непременно встают и бросают пищу в воздух по направлению полета лебедей, как бы потомкам своей прародительницы» [4, с. 93]. В дальнейшем эта легенда и ее многочисленные варианты были использованы учеными при разработке проблемы происхождения научной истории бурятского народа.

Первая публикация Я. С. Смолева получила положительную оценку. По совету Ю. Д. Талько-Грынцевича начинающий краевед начал ездить по соседним бурятским улусам и записывать новые фольклорные произведения. В «Трудах» за 1900 г. он публикует вторую очень интересную «Бурятскую легенду о Чингисхане в связи с названием некоторых местностей Забайкалья и сопредельной Монголии». Сюжет легенды построен так, что в связи с приключениями Чингисхана и его младшего брата Хабата-Хасыр-Харбача (стрелок и богатырь) даются названия многим местностям. Герои легенды отправляются в далекий путь, чтобы отобрать у одного князя его жену, самую красивую женщину в мире. На пути следования и встречается много препятствий [4, с. 100].

Данная легенда излагается, как народное художественное повествование, в котором простые, неграмотные буряты-скотоводы еще в прошлом пытались объяснить происхождение многих географических названий родного края.

Подобных преданий у бурят Джидинского, Торейского, Кяхтинского и Селенгинского районов и по сей день бытует немало. Запись Я. С. Смолева является наиболее полной из всех имеющихся вариантов данной группы топонимических легенд и преданий. Ценность разбираемой записи заключается в том, что она в строй последовательности рассказывает историю названий больше двух десятков местностей, сел, улусов, гор и озер.

Сюжет легенды построен на занимательной версии приключений, в которых один эпизод сменяется другим. Все эпизоды связаны между собой одним мотивом – герой должен посетить как можно больше мест, чтобы дать им названия. Таков контекст всей легенды, хотя внешне сюжет развивается как бы независимо от основной идеи. Как правило, слушатель воспринимает основу таких легенд и преданий за подлинные факты и думает, что указанные названия именно так и произошли. Вера большей части населения в народную этимологию названий очень сильна.

Дело в том, что топонимические предания и легенды живут веками, они переходят из поколения в поколение и поэтому при многократных повторениях отдельных вариантов со схожими сюжетами убеждают людей в том, что то или иное название произошло так, как говорит народ в своих устных произведениях. Мнение это еще поддерживается и тем, что других толкований и обоснованных доказательств истории происхождения названий в литературе нет. Когда наши лингвисты вплотную возьмутся за изучение топонимики, тогда нам станет ясно, что в указанной легенде является вымыслом и что соответствует действительности. Пока же мы воспринимаем ее как фольклорное произведение, в котором в занимательной форме излагается представление народа об истории происхождения многих местных географических названий. Заслуга Я. С. Смолева заключается в том, что он впервые записал и опубликовал данную легенду, познакомив читателей с замечательным творением народа, раскрывающим богатство и красоту Забайкалья – древней родины бурят.

Три первые записи, опубликованные Я. С. Смолевым в «Трудах Троицкосавско-Кяхтинского отделения Географического общества», были началом его большой работы в области собирания и изучения местного фольклора Забайкалья. В основном Я. С. Смолев производил записи у бурятской части населения. Мы сейчас не можем судить, насколько он хорошо и правильно осуществлял переводы на русский язык, так как варианты записей на бурятском языке не сохранились.

Одно, несомненно: большая часть материала, собранного Я. С. Смолевым, представляет собой не дословный перевод, а скорее всего пересказ сюжета. С этой точки зрения данные собрания служат только источником для репертуара бурятского фольклора. Отсутствие в переводах национального языкового колорита снижает в некоторой степени художественную ценность опубликованных собирателем бурятских народных произведений. Многие записи не паспортизированы, это также снижает ценность материала как научного источника.

Публикации Я. С. Смолева, относящиеся к началу XX в. обширные, на страницах «Трудов Троицкосавско-Кяхтинского ПО ИРГО» они занимают большое место. Эти публикации показывают, что собиратель систематически производил записи в разных районах Забайкалья, примыкающих к Кяхте.

Первый большой цикл бурятского фольклора Я. С. Смолев напечатал в указанных «Трудах» за 1901 г. Он включает легенды и сказки: «О начале буддизма и ламайской веры», «О происхождении названия «Ласточки», «Ложный князь», «О человеческом черепе», «Каким образом открыт огонь», «Сказка о Талбаке и Ташуре» [5, с. 14].

Первая из легенд, записанная Я. С. Смолевым, содержала сведения о том, как началось распространение буддизма и ламаистской веры. Эту легенду фольклористу рассказал ясачный инородец 2-го табангутского рода – Радна Цыденов из местности Тьргетуй. В легенде указывается, что до времен буддизма и ламаизма у всех монгольских племен было распространено шаманство. Эта часть легенды отвечает действительности. Что касается второй части повествования, то она построена на вымысле о появлении образа Шакья-Муни, обладавшего чудодейственной силой, благодаря которой он превратил шаманистов в буддистов. В сказочную форму легенды восточные буряты вложили свое понимание истории возникновения ламаистской веры, казавшейся, по их представлению, сильнее шаманизма.

Как и в других жанрах бурятского фольклора — сказках и улигерах, в данной легенде встречаются противоборствующие силы, в числе которых действует и образ женщины из знатной семьи князя. Роли женщины, как и в предшествующей легенде «О Чингис-хане», отводится в повествовании большое место, она служит в художественном рассказе первопричиной раздоров между различными людьми. Из этой легенды русский читатель может понять, как сами буряты представляли себе историю возникновения буддизма и его распространение среди монгольских племен.

Замечателен сюжет, записанный Я. С. Смолевым, легенды «Ложный князь» [2, с. 35]. В ней находим мудрые черты народной философии о вечно торжествующей любви, которую нельзя ни купить, ни продать. Настоящая, крепкая любовь супругов нерушима, она преодолевает все препятствия и побеждает.

В легенде «Ложный князь» эта сторона житейской морали выступает очень четко. Народ наделяет своих героев мудростью, которая помогает им бороться со своими противниками. Герой данной легенды, молодой супруг, до того влюблен в красавицу жену, что не в состоянии с ней расстаться даже на самое короткое время. Наконец жена убеждает его, что ему необходимо наняться в работники, и, чтобы он о ней не тосковал, дает ему свой портрет. Нанявшись, в работники к скотопродавцу, он дорогой случайно уронил портрет жены в колодезь, который потом достали другие люди и передали в город амбаню (губернатор, вельможа, сановник) [5, с. 37]. Он, увидев на портрете женщину-красавицу, приказал немедленно доставить ее к себе во дворец. Отправляясь во дворец против своей воли, она наказала мужу, чтобы он ровно через три года явился под окна дворца амбана в роли продавца пряников в шубе, вывернутой наружу шерстью.

Муж точно исполнил наказ своей красавицы жены и через три года под ее окнами, как они условились, прокричал: «Пряников, пряников!» Жена улыбнулась ему такой улыбкой, какой никогда не улыбалась амбаню. Это сразу заметил он и спросил ее, почему она так никогда не улыбалась ему. Красавица ответила, что если он выйдет на улицу и оденется в одежду продавца пряников, тогда она и ему так улыбнется. Амбань переоделся в одежду продавца, а муж зашел во дворец и остался с женой. Сколько ни пытался он зайти в свои хоромы, его не пустила стража. Так вместо настоящего амбана сановником стал простой работник.

В бурятских легендах и сказках очень распространен мотив, когда простой человек одерживает победу в спорах с знатными людьми. Образы тружеников наделены чертами народной мудрости, из самых тяжелых положений они всегда

выходят победителями. Противники простых людей, кроме власти и богатства, ничем не обладают, поэтому в спорах и сражениях они всегда проигрывают. Положительный герой народных произведений не боится трудностей в достижении цели, он изобретателен, изворотлив, разумен, сметлив. Напротив, его противник, надеясь на свою знатность и богатство, идет к цели прямым путем, думая, что ему все можно, не утруждает себя ни в чем и потому всегда оказывается в дураках, его не спасает ни знатность, ни богатство. Яркой иллюстрацией этой идеи бурятских народных произведений является легенда «Ложный князь» [2, с. 90].

Совсем к другим типам фольклорных произведений относится опубликованная Я. С. Смолевым легенда «О человеческом черепе» [5, с. 103]. В ней нет высокого взлета народной фантазии, весь сюжет построен на поверье, что люди, обладающие скелетом человеческого черепа, приобретают счастье в жизни. Череп является как бы кладом (по-бурятски – ирдыни), обладающим чудодейственной силой наполняться различными ценностями — золотом и серебром. Поэтому, данная легенда объясняет, почему у бурят вплоть до Октябрьской революции за скелетами человеческих черепов буквально охотились ламы. О таком случае Я. С. Смолев подробно рассказывает в конце разбираемой легенды [5, с. 105].

Наиболее замечательным сюжетом из данного цикла публикаций является «Сказка о Талбаке и Ташуре». Надо уточнить, что сказка записана со слов ясачного инородца 2-го табангутского рода – Буха Тугульдурова из местности Бурлай. Эта сказка во многих отношениях напоминает те сюжеты русских волшебных-фантастических сказок, в которых герой совершает бесконечный ряд подвигов благодаря тому, что в его руках находятся чудесные средства – ковер-самолет, меч-кладенец или волшебная шкатулка. В названной бурятской сказке героем является охотник. В сказке повествуется о том, как он завладел чудесным талбаком (в русском понимании ковром-самолетом) и ташуром-бичом, обладавшим также, как и талбак, чудесными свойствами. Охотник женится на красавице-княжне. Она оказалась хитрой, и, в конце концов, выкрыв у него талбак и ташур, вернулась снова в свою семью, к любимым сестрам. Охотник остался ни с чем. Но вот однажды он встретил мудрого лекаря, который ему посоветовал, как отыскать неверную жену. Жена была найдена, строго наказана, и охотник зажил с ней счастливой жизнью [3, с. 15].

Во второй цикл публикаций бурятских легенд и сказок, записанных Я. С. Смолевым, входят восемь прозаических памятников устного народного творчества: «Дугур-Дзайсан, или ЦаганШухур, «Три брата», «Коршун и Чеканкаменка», «Зависть (сказка), «Жаворонок», «Как распространилась вера буддийская через проповедь Шакья-муни», «Легенда о «Ногон Дора-Эхэ» [3, с. 19].

В данном цикле есть очень маленькая, но, тем не менее, очень интересная легенда «Три брата», на которой хочу остановиться подробнее. В ней излагается история о происхождении трех великих племен, различающихся по этнической принадлежности. Как отмечает Я. С. Смолев, некогда в семье было три брата, которые никак не могли между собой определить единый способ погребения их отца. Поэтому каждый из братьев выбрал свой вариант захоронения. Как гласит легенда старший взял голову и похоронил ее в земле, средний же взял туловище и сжег на костре, а младшему достались ноги и руки, которые он положил не зарытыми на высокой горе. От старшего брата, которому досталась голова, произо-

шли китайцы, которые отличаются умом и так же совершают обряд погребения, т.е. закапывают в землю. От среднего произошли тибетцы, которые сжигают трупы и составляют различные травы для лечения, стоит отметить, что медицина в Тибете стоит выше всех наук. А от младшего произошли монголы, которые бросают трупы на поверхности земли. Происшедшие от него монголы и теперь отличаются крепостью ног к верховой езде и выносливостью рук к морозу. По поверью бурят, от этих трех братьев и произошли, три великие этнические племени: китайское, тибетское и монгольское [2, с. 15].

Остальные легенды данного цикла не менее интригующие и интересные. Одна из них, как отмечает этнограф, учит людей быть не завистливыми, злобными и жадными, так как все это им же может вернуться в большем размере. А вот другая легенда учит, что, несмотря на то, что если человек будь грешный, падший или оступившийся в жизни, нужно помогать любовью, добротой и верою. Ведь доброта, принесенная от чистого сердца, вернется успехами, удачами и развитием в лучшую сторону.

Ну и, конечно, другая актуальная тема в бурятских сказках и легендах на то время – это распространение буддийской веры. В данном же цикле есть записанная Я. С. Смолевым легенда «Как распространялась вера буддийская через проповедь Шакьямуни». Великий Будда Шакьямуни – духовный учитель и легендарный основатель буддизма представлен в данной легенде, как только начинающий свой путь проповедник буддизма, и уже ведущий за собой большое количество людей.

В следующий третий цикл вошло девять памятников бурятского фольклора: «Орел и филин», «Дятел, пчела и куропатка», «С чего вошло в обычай носить при себе ножи и металлические вещи», «Происхождение лесного голубя», «Происхождение цветка «Мухомора», «Вино и табак», «Попугай», «Барс иналим», «Шатырь» – шахматы». Этот цикл «Бурятских легенд и сказок III» был записан Я. С. Смолевым со слов двух сказителей. Одним, из которых был бурят Атаганского рода – Цыдыб Мухаев из местности Бурлай, а другим – голова второго табангутского рода Радна Цыденов.

Характеризуя рассматриваемый цикл, можно сказать, что в нем больше изложены легенды и сказки о животных. Это хорошо видно из названий вышеперечисленных легенд. Происхождение легенд и преданий о животных во многом было связано с их почитанием бурятами и использованием их образов в деле воспитания подрастающих поколений. В записанных Я. С. Смолевым легендах были описаны животные, по которым буряты учили своих потомков доброте, мудрости, ответственности, честности и скромности. К примеру, первая легенда «Орел и филин» гласит о том, что никогда не надо делать того, чего желают другие, и никогда не идти на поводу у других. Во второй легенде «Дятел, пчела и куропатка» излагается идея о том, что все таки нужно бояться и остерегаться своих же вредных привычек, которые могут остаться с человеком навсегда и могут изменить человеческий образ [4, с. 28].

Четвертый цикл публикаций бурятских легенд и сказок целиком занимает «Сказание о Бичармацзиди-хане», известное в народе под названием «Арджи Бурджи». Сказание это в записи Я. С. Смолева состоит из пяти глав и представляет собой законченное произведение о том, как царствовал хан по имени Арджи

Бурджи. Царствование Бичармацзиди-хана в основном отличилось его справедливостью в судебных процессах, а также и в жизни других простых людей, которые ценили его и уважали, что было отражено в редакции легенды, записанной Я. С. Смолевым [5, с. 18].

Деятельность Я. С. Смолева как краеведа получила высокую оценку со стороны руководства ИРГО. Руководство Императорского Русского географического общества в 1904 г. присудило ему серебряную медаль за работы по этнографии. Следует отметить, что Троицкосавско-Кяхтинское отделение ПО ИРГО вообще уделяло большое внимание сбору и публикации фольклорных материалов. Они существенным образом восполнили имевшийся тогда пробел в изучении фольклора бурят Забайкалья.

Таким образом, Я. С. Смолев очень долго и тщательно занимался изучением устного народного творчества бурятского этноса. Этнограф опубликовал в Трудях ТКООИРГО 27 бурятских легенд и сказок, которые были опубликованы. Как упоминалось ранее, Я. С. Смолев очень хорошо владел бурятским языком. Благодаря этому он записывал со слов бурят их легенды и сказки, которые затем сообщались на общих собраниях Отделения РГО.

Следует заметить, что Я. С. Смолев вообще любил сказки с занимательными сюжетами, это видно по целому ряду его публикаций, в которых действует много героев. Все они совершают необыкновенные чудесные подвиги, все они мудры, и советы их всегда осуществляются.

Русские ученые, в том числе и собиратель бурятского фольклора Я. С. Смолев, внесли большой вклад в науку, способствовали сближению коренного населения Забайкалья с русскими народом. Понимание нравов, обычаев, поверий и религии своих ближних соседей способствовало учету взаимных интересов разных народов края. В конечном счете, это сказалось на формировании дружбы между людьми различных национальностей.

Источники и литература

1. Орлова А. Н. Краеведы города Кяхты // Труды Кяхтинского краеведческого музея им. академика В. А. Обручева и Кяхтинского отделения Всесоюзного географического общества. Т. XVI. Вып. 1. 1949. Улан-Удэ: Бурят-Монг. гос. изд-во, 1949. С. 66.
2. Элиасов Л. Е. Фольклорные записи Я. С. Смолева // Труды Кяхтинского музея краеведения им. академика В. А. Обручева и Кяхтинского отдела географического отдела СССР. Т. XVIII. Улан-Удэ, 1961. С. 104–113.
3. Смолев Я. С. Бурятская легенда о происхождении Хоринских родов // Труды ТКООИРГО. Т. II. Вып. 1–2, 1899. Москва: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1900. С. 87–91.
4. Смолев Я. С. Бурятская легенда о Чингис-Хане в связи с названием местностей Забайкалья и сопредельной Монголии // Труды ТКООИРГО. Т. III. Вып. 1. 1900. Иркутск: Паровая типография газеты «Восточное обозрение», 1902. С. 78–101.
5. Смолев Я. С. Бурятские легенды и сказки II // Труды ТКООИРГО. Т. IV. Вып. 2. 1901. Москва: Типолитография А. В. Васильева и К, 1902. С. 95–107.

**FOLKLORE OF THE BURYATS IN THE SCIENTIFIC HERITAGE
TKO MEMBER BY IRGO Ya.S. SMOLEV**

© **Anastasia Zh. Tarmakova**

Master Student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

670000, Russia, Ulan-Ude, Smolin St., 24a

nastyatudupova@gmail.com

Abstract. In the article, as a research task, the author defines an attempt to give a generalized description of the folklore of the Buryats based on the works of the ethnographer/local historian Ya. S. Smolev. Considerable attention is paid to biography, activities, as well as the analysis of stories and legends on various topics. The idea is affirmed that the basis of the Buryat legends is stories about facts that took place in reality and entered into history, therefore preserved in the memory of the people.

Keywords: legends; oral history; Buryats; Ya. S. Smolev; ethnography.

Научная статья
УДК 930 (571.54)

**МАТЕРИАЛЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
ОБ ОХРАНЕ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА
В БМАССР (1920–1930-е гг.)**

© **Афанасова Елена Николаевна**

доктор исторических наук, доцент,
Иркутский государственный университет путей сообщения
Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15
lebeden81@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению материалов Государственного архива Республики Бурятия об охране материнства и детства в БМАССР в 1920–1930-е гг. Представлена общая характеристика фондов архива, обращается внимание на значение документальных материалов для анализа реализации государственной социальной политики в сфере охраны материнства и детства. Автор приходит к выводу, что фонды архива содержат богатый и разнообразный материал, который может быть использован в качестве основного источника по изучению мероприятий в отношении женщин и детей на территории БМАССР.

Ключевые слова: история Восточной Сибири; охрана материнства и детства; социальная история; архивные материалы.

1920–1930-е гг. являются периодом становления и развития советской государственной социальной политики, важнейшим элементом которой стала охрана материнства и детства. В начальный период развития Советского государства произошло оформление организационно-правовых основ социальной политики в отношении женщин и детей, становление системы охраны материнства и детства: создание сети детских и женских медицинских учреждений, формирование их кадрового состава, общественное воспитание детей дошкольного возраста и оставшихся без попечения родителей. Охрана материнства и детства осуществлялась в различных регионах Советского государства с учетом местной специфики, в том числе на территории Бурят-Монгольской АССР. Важность освоения и введения в научный оборот архивных источников о мероприятиях Советского государства в отношении женщин и детей не вызывает сомнений, представляет обширное поле для исследователей советской социальной политики. Огромную ценность изучения реализации охраны материнства и детства в БМАССР представляют материалы Государственного архива Республики Бурятия. В данной статье показана возможность использования материалов только некоторых фондов. Стоит учитывать, что все архивные ресурсы по рассматриваемой теме носят широкий характер и не могут быть рассмотрены в одной статье. Материалы архива широко использовались исследователями истории различных направлений социальной политики Республики Бурятия, в частности В. В. Номогоевой [1], А. М. Плехановой [2], В. Ю. Башкуевым [3], С. С. Цыпиловой [4], Е. Л. Бадмацыреновой [5] и многими другими.

Интерес для исследования реализации социальной политики в области охраны материнства и детства представляют документы Народного комиссариата просвещения БМАССР, находящиеся в фонде р. 60 Государственного архива Республики Бурятия. В нем преобладает делопроизводственная документация. Организационные документы фонда позволяют изучить правовое положение детских учреждений. Например, в фонде сохранился устав общества «Друзья детей» БМАССР 1925 г. [6], основные положения отдела здравоохранения по профилактике и просветительской работе по охране здоровья детей при Народном комиссариате здравоохранения БМАССР [7]. Содержание данных документов показывает цели и задачи учреждений, их видовое разнообразие, особенности работы.

Распорядительная документация фонда Народного комиссариата просвещения БМАССР преимущественно представлена инструкциями, циркулярами, распоряжениями. Ценность и информативность этих материалов определена тем, что они содержат информацию о механизмах, объемах финансирования и открытии новых детских учреждений, материальном положении детей и сотрудников, реализуемой кадровой политике. Материалы фонда позволяют воссоздать процесс привлечения общественности к охране женщин и детей. Например, в фонде сохранилось циркулярное письмо Народного комиссариата просвещения БМАССР, адресованное уездным и аймачным отделам народного образования «Об организации помощи беспризорному и больному ребенку», в котором определены такие направления совместной деятельности с представителями отдела социального воспитания и женотдела, как учет беспризорных детей с целью их определения в государственные учреждения или систему патронатного воспитания, организация шефства государственных, кооперативных и общественных организаций над детскими учреждениями и др. [8].

В фонде Народного комиссариата просвещения БМАССР также содержатся протоколы заседаний педагогических советов детских учреждений, конференций работников детских домов и детских садов, показывающие особенности учебно-воспитательной работы, трудности, с которыми сталкивались работники, особенности их материального положения, качество жизни.

Существенно дополняют документальную базу отчеты о деятельности детских учреждений, акты обследования, которые содержат конкретные сведения о численности и социальном составе детей, направлениях учебно-воспитательной работы, материальном и санитарном состоянии. Например, в фонде сохранился протокол обследования общежития беспризорников в г. Верхнеудинске [9], акт ревизии Троицкосавского детского дома [10], докладная записка дошкольного инспектора Народного комиссариата просвещения БМАССР о деятельности детских садов [11]. Важно отметить некоторую субъективность отчетов, которые нередко составлялись лицом, ответственным за состояние детского учреждения. В связи с этим содержание отчетов и актов обследования одних и тех же учреждений нередко противоречило друг другу. Если в актах обследования представлена информация, которая свидетельствует о высокой заболеваемости детей, антисанитарном состоянии учреждений, остром дефиците продовольствия, одежды, канцелярских принадлежностей, то в отчетах эти факты нередко умалчивались.

Сохранившиеся в фонде Народного комиссариата просвещения БМАССР статистические сведения дают исследователям возможность получить информацию о количестве детских учреждений и численности детей в них как в республике в целом, так и в отдельных аймаках на момент составления. Они позволяют дать пространственную характеристику размещения детских учреждений, изучить состояние кадрового состава [12]. В частности, в фонде сохранились сведения о количестве беспризорных детей [13], списки, поступивших на дошкольные курсы [14].

Интерес для исследователей представляет переписка государственных органов и учреждений о возвращении на родину эвакуированных в Сибирь детей, которая свидетельствует о высокой заинтересованности Народного комиссариата просвещения БМАССР в поиске родителей и родственников, а также позволяет получить сведения о регионах, из которых вывозили детей. Например, сохранилось письмо, адресованное Пермскому отделу народного образования, с просьбой уточнения информации о судьбе родителей А. Ершовой, эвакуированной в Сибирь [15].

Содержательным, как по количеству представленных дел, так и по разнообразию имеющихся материалов является фонд р. 665 (Народный комиссариат здравоохранения БМАССР). В нем сохранилась отчетная документация – докладные записки, отчеты о работе, статистические отчеты. Использование этих материалов позволяет воссоздать процесс создания и развития медицинских учреждений охраны материнства и детства на территории БМАССР, выявить особенности и трудности оказания лечебно-профилактической помощи женщинам и детям. Например, в объяснительной записке к отчету 1935 г. Народного комиссариата здравоохранения БМАССР содержатся сведения об изменении количества детских консультаций, пунктов охраны здоровья детей и подростков, дошкольных учреждений в 1930-е гг. [16]. Годовые отчеты о работе учреждений здравоохранения республики содержат важные статистические сведения о количестве детских и женских консультаций, видах предоставляемой медицинской помощи, кадровом составе [17]. Многообразные документы фонда свидетельствуют о сохранении в течение всего изучаемого периода дефицита кадровых, материально-технических и финансовых ресурсов системы здравоохранения республики.

Фонд р. 921 (Министерство социальной защиты населения Республики Бурятия) содержит документы Центральной коллегии социального обеспечения Бурят-Монгольской АССР (1923 г.–1927 г.), Уполномоченного отдела социального обеспечения СНК БМАССР (1928–1931 гг.), Наркомата социального обеспечения БМАССР (1932–1945 гг.). В этом фонде преимущественно сохранилась распорядительная, организационно-распорядительная и отчетная документация: циркуляры и распоряжения органов управления, протоколы заседаний, годовые отчеты о проделанной работе. Эти материалы способствуют формированию представления о создании системы учреждений для детей с ограниченными возможностями, особенностей их деятельности, изменении их количества в течение 1920 – 1930-х гг., процессе социализации воспитанников.

Важными для изучения осуществления охраны детства в БМАССР является материалы фонда р.281 (Центральная детская комиссия при ЦИК БМАССР). Их

содержание позволяет оценить реализацию на региональном уровне таких направлений деятельности, как оказание материальной помощи беспризорным детям, трудоустройство подростков, помощь в осуществлении опеки и усыновления. Например, в докладной записке, адресованной в СНК БМАССР, отмечалось сохранение высокого уровня детской беспризорности, отсутствие активной работы детских комиссий в аймаках, их сложное финансовое положение [18]. В годовых отчетах о работе Центральной детской комиссии при ЦИК БМАССР показана специфика взаимодействия с общественными и партийными организациями в оказании помощи беспризорным детям [19].

Отложившиеся в фонде акты обследований предприятий детской комиссии свидетельствуют о частой убыточности ее предприятий [20]. Помимо этого, информация об их состоянии представлена в докладе об обследовании ремесленных мастерских для обучения беспризорных детей в Верхнеудинске, в котором указаны трудности их деятельности – неоднократное прекращение субсидирования, сокращение количества, постоянная зависимость от других организаций, отсутствие спроса на выпускаемую продукцию, значительное количество неграмотных детей [21].

Сохранившиеся в фонде р. 281 анкеты учета беспризорных детей позволяют более полно представить социальный состав, национальность, уровень грамотности. На основе заявлений о приеме детей в детские дома со стороны работников детской комиссии, а также от родителей могут быть выявлены причины определения в государственные учреждения.

Информативным является отчет о работе Центральной детской комиссии при ЦИК БМАССР, который свидетельствует о сохранении существенной уличной беспризорности в аймаках республики при практически полной ее ликвидации в Верхнеудинске и Троицкосавске [22].

Важными в изучении охраны материнства и детства являются документы фонда р. 251 (Комиссия по улучшению труда и быта женщин) ГБУ «Государственный архив Республики Бурятия», которые показывают основные направления деятельности. Среди них – охрана материнства и младенчества, повышение качества медицинского обслуживания, создание дошкольных и общественно-бытовых учреждений. В фонде сохранилось Положение о красной юрте, которая должна была помогать органам образования и здравоохранения создавать детские и женские учреждения [23].

Таким образом, материалы Государственного архива Республики Бурятия являются ценными, многообразными и содержательными, дают возможность изучить историю реализации социальной политики Советского государства в сфере охраны материнства и детства в 1920 – 1930-е гг. в БМАССР.

Источники и литература

1. Номогоева В. В. Исторический опыт социально-культурной модернизации национальных районов Восточной Сибири в 1920–1930-е гг. (на материалах Республики Бурятия): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ, 2011. 404 с.
2. Плеханова А. М., Номогоева В. В. Санитарное просвещение и борьба за «новый быт» в Бурятии в 1920-30-е годы // Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. 2009. № 2 (66). С. 162–165.

3. Башкуев В. Ю. Государственная политика здравоохранения и женский вопрос в Бурят-Монгольской АССР и Монгольской Народной Республике (конец 1920-х — 1930-е гг.) // Власть. 2017. Т. 25, № 3. С. 167–173.
4. Цыпилова С. С. «Библиотечка бурятки». Массово-политическая литература 20–30-х годов XX века // Гуманитарный вектор. 2016. Том 11, № 5. С. 172–177.
5. Бадмацыренова Е. Л. Государственная политика по вовлечению женщин Бурятии в общественно-политическую деятельность (1923-1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ, 2011. 178 с.
6. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. р. 60. Оп. 1. Д. 129. Л. 15.
7. ГАРБ. Ф. р. 60. Оп. 1. Д. 175. Л. 122.
8. ГАРБ. Ф. р. 60. Оп. 1. Д. 299. Л. 13
9. ГАРБ. Ф. р. 60. Оп. 1. Д. 296. Л. 173.
10. ГАРБ. Ф. р. 60. Оп. 1. Д. 296. Л. 173.
11. ГАРБ. Ф. р. 60. Оп. 3. Д. 175. Л. 7.
12. ГАРБ. Ф. р. 60. Оп. 1. Д. 102. Л. 15.
13. ГАРБ. Ф. р. 60. Оп. 1. Д. 58. Л. 62; Там же. Д. 80. Л. 106.
14. ГАРБ. Ф. р. 60. Оп. 2. Д. 33. Л. 42.
15. ГАРБ. Ф. р. 60. Оп. 1. Д. 305. Л. 171.
16. ГАРБ. Ф. р. 665. Оп. 1. Д. 525. Л. 2.
17. ГАРБ. Ф. р. 665. Оп. 1. Д. 525. Л. 4; Д. 527. Л. 14; Д. 534. Л. 96; Там же. Д. 535. Л. 9; Д. 539. Л. 14.
19. ГАРБ. Ф. р. 281. Оп. 1. Д. 37. Л. 36.
20. ГАРБ. Ф. р. 281. Оп. 1. Д. 8. Л. 1; Там же. Д. 27. Л. 2.
21. ГАРБ. Ф. р. 281. Оп. 1. Д. 43. Л. 59.
22. ГАРБ. Ф. р. 281. Оп. 1. Д. 110. Л. 94.
23. ГАРБ. Ф. р. 281. Оп. 1. Д. 93. Л. 21.
24. ГАРБ. Ф. р. 251. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

**MATERIALS OF THE STATE ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA
ON THE PROTECTION OF MATERNITY AND CHILDHOOD
IN THE BMASSR (1920–1930s)**

© **Elena N. Afanasova**

Doctor of History, Associate Professor,
Irkutsk State Transport University
664074, Russia, Irkutsk, Chernishevsky St., 15
lebeden81@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of materials from the State Archives of the Republic of Buryatia on the protection of motherhood and childhood in the BMASSR in the 1920s - 1930s. The general characteristics of the archive's funds are presented, attention is drawn to the importance of documentary materials for the analysis of the implementation of state social policy in the sphere of protection of motherhood and childhood. The author concludes that the archive funds contain rich and varied material that can be used as the main source for the study of activities for women and children on the territory of the BMASSR.

Keywords: history of Eastern Siberia, protection of motherhood and childhood, social history, archival materials.

Научная статья
УДК 271.2:93

**ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВИЯ В ЗАБАЙКАЛЬЕ
В ПОСЛЕВОЕННОЕ СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ В ФОНДАХ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

© **Дроботушенко Евгений Викторович**

кандидат исторических наук, декан историко-филологического факультета,
Забайкальский государственный университет
Россия, 672000, г. Чита, ул. Чкалова, 140
DRZZ@yandex.ru

Аннотация. В статье характеризуются документы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), содержащие информацию по истории православия в Забайкалье в послевоенное советское время. Отмечается, что данная проблематика, на сегодня не нашла отражения в научной литературе. Документы ГА РФ по проблематике – это, прежде всего, делопроизводственная документация. Относительно данной группы источников автор делает попытку выделения видов документов. Отмечает, что наибольшее количество – это отчетная документация уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК (позже Совете министров) СССР, а позже Совета по делам религий. Значительный блок представлен деловой перепиской. Очевидной является необходимость дальнейшей работы с хранилищами ГА РФа. Можно предположить, что это позволит выявить новые виды делопроизводственных документов. Возможно, будут обнаружены и документы по православной истории Забайкалья послевоенного советского времени, относимые к иным группам, к примеру, воспоминания современников.

Ключевые слова: источник; документ; делопроизводственная документация; отчет; письмо; православие; православная церковь, Забайкалье.

История православной церкви в Забайкалье в разные периоды получила освещение в научной и научно-популярной литературе. Однако изучена она неравномерно. Внимание основной массы исследователей уделено досоветскому периоду [1; 2; 3 и др.]. Этому способствует наличие значительного количества документов в региональных архивах Республики Бурятия и Забайкальского края.

Особенность досоветского периода в том, что в национальных архивах в отношении православия в Забайкалье документов по этому времени не много.

Отдельные авторы работают по изучению православной истории региона в 1920–1930-е гг. [5; 6 и др.] Ситуация с источниковой базой относительно данного времени сложнее. По данному времени в хранилищах региональных архивах документов значительно меньше. Здесь очевидна специфика периода, связанная с антирелигиозной, атеистической деятельностью властей. Основная масса документов посвящена вопросу закрытия той или иной культовой постройки – это отчеты, жалобы и переписки. Определенное их количество хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Еще сложнее ситуация видится относительно послевоенного советского периода. Имеются только отдельные публикации [7; 8; 9; 10 и др.].

История православной церкви в Забайкалье в это время, как, в прочем и институтов иных религиозных учений, в региональных архивах представлена слабо. При этом речь идет, главным образом, о Государственном архиве Республики Бурятия. Это фонды Р-248 «Совет министров Бурятской АССР» и Р-1857 «Совет по делам религии при Совете Министров Бурятской АССР». В нем представлена, главным образом, отчетная документация уполномоченных Совет за разные годы [11; 12; 13; 14 и др.]. Аналогичного фонда в Государственном архиве Забайкальского края нет.

По истории православия в Забайкалье относительно много документов встречаем в фондах Государственного архива Российской Федерации. Все они относятся к делопроизводственной документации. Основная масса документов – это отчеты или информационные доклады уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви (РПЦ), а позже Совета по делам религий при Совете Министров СССР. Достаточно много документов – это переписка по самым разным вопросам, связанным с религиозной ситуацией в регионах. Помимо этого встречаются инструктивные письма, телеграммы по вопросам работы уполномоченных совета и т.д.

Отчеты, особенно по первым годам работы уполномоченных Совета по делам РПЦ, т.е. второй половине пятого десятилетия, в архивных фондах скомпонованы в дела «Квартальные отчеты» [15 и др.]. Отдельные отчеты включены в дела «Докладные записки Совета по делам РПЦ ВКП(б) и Совета Министров СССР» [16 и др.].

Можно встретить отчетные документы и в делах «Переписка с министерствами и ведомствами по вопросам, относящимся к деятельности РПЦ» [17]. Отметим, что, несмотря на названия дел, практически во всех, помимо отчетов, встречаются инструктивные письма, переписки по отдельным вопросам, телеграммы, жалобы верующих и ответы на них из Совета по делам РПЦ. По рассматриваемому периоду практически все дела, содержащие данные по вопросам существования православия в Забайкалье относятся к фонду Р6991 «Совет по делам религий при Совете министров СССР. 1943–1991» [15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29 и др.].

Отчеты о состоянии религиозных культов в регионах являлись для уполномоченных обязательными, поэтому в архивных фондах их относительно много. В них, зачастую, представлены краткие статистические данные о том, сколько зарегистрированных религиозных организаций, в том числе и Русской Православной Церкви, было в регионе и сколько было священнослужителей. Только в 1960–1980-е гг. появятся отчеты со статистикой по обрядности, доходом и расходам религиозных организаций. В то же время аналитической оценки происходивших процессов в сфере религиозных отношений в Бурят-Монгольской (Бурятской) АССР и Читинской области, в отчетах практически нет. На это обращало внимание руководство Совета по делам РПЦУ, а позже по делам религий [15; 19; 20; 21; 22; 23; 24 и др.].

Примером информационного доклада является доклад уполномоченного Совета по делам РПЦ тов. Грабаря от 1946 г., в котором он писал об открытии церкви в гг. Чита и Сретенск и с. Нижняя Хила. Эти данные находят отражение также в некоторых отчетных документах [15, л. 16; 16, л. 79; 17, л. 123].

В большой блок документов, отнесенных нами к «переписке», входят письма разного плана со стороны Совета по делам РПЦ, а позже по делам религий в адрес своих уполномоченных в Читинской области и Бурят-Монгольской (позже – Бурятской) АССР и органы власти названных субъектов РСФСР и ответы на них, ходатайства сообществ верующих об открытии храмов для служб или регистрации религиозной организации и жалобы на действия властей и т.д.

С ходатайствами и жалобами относительно много дел можно встретить по второй половине 1940-х гг., т.е. времени, когда ненадолго наступило «потепление» отношений между советской властью и религиозными сообществами, особенно православной церкви [15, л. 3, 9, 12, 14; 26, л. 10]. Существует несколько дел личных дел уполномоченных Совета по делам религий по Забайкалью. Это дело А.И. Бородина по Читинской области, а также М.М. Мулонова и В.А. Сахьянова по Бурятской АССР [25; 27; 29]. Работа с данными документами осложнена, так как выдача личных дел осуществляется в особом порядке. Также отметим, что личных дел забайкальских уполномоченных в общей массе личных дел незначительно.

Несколько слов следует сказать о документах ГА РФа, которые не имеют прямого отношения к Забайкалью и истории православия на его территории. В них представлены документы, определяющие деятельность органов власти в отношении религий и в том числе православия в СССР в целом, задающие общие нормы и требования.

Здесь примером могут являться документы фонда Р5446 «Совет министров СССР. 1923–1991». В одном из дел представлены документы о создании Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Народных Комиссаров в 1943 г. Среди прочего упоминается создаваемый аппарат уполномоченного названного Совета в Читинской области [30, л. 60]. Иной документ, связанный с религиозными процессами, это письмо о рассылки в региональные органы власти законодательства о религиозных культах [31, л. 29].

Отметим, что в фондах ГА РФа относительно рассматриваемой в статье проблематике существует некоторая путаница. Так, одно из личных дел называется «Нурабаев Бахтияр Утебиевич Уполномоченный Совета по Читинской обл. Казахской ССР» [28]. Очевидно, что «Читинская область» в деле оказалась случайно.

Таким образом, хранилища Государственного архива Российской Федерации дают значительный по объему комплекс документов по истории православия в Забайкалье в послевоенное советское время. Отметим, что в качестве примера нами приведены только отдельные, некоторые дела. На самом деле их значительно больше. Это касается все видов делопроизводственной документации, за исключением личных дел уполномоченных Совета по делам РПЦ и Совета по делам религии. Очевидно, что документы ГА РФ по проблематике, на сегодня, изучены не в полной мере, однако, уже сейчас можно говорить, что они позволяют в значительной степени осветить различные аспекты истории православной церкви в Забайкалье в рассматриваемый период.

Сложности, существующие в работе с делами ГА РФа по истории православия в Забайкалье, как, вероятно, и ряда иных регионов РСФСР, кратко упоминались нами выше. Особенно они касаются отчетной документации. Это отсут-

стве в отчетах серьезных оценок религиозной ситуации, приведение только кратких статистических данных. Также следует сказать, что отчеты есть далеко не за все годы. Краткую информацию, зачастую, содержит и переписка. В письмах упоминается тот или иной аспект существования православных религиозных организаций в Забайкалье.

Отметим, что документы дают нам, главным образом, сведения по зарегистрированным религиозным организациям православной церкви, в том числе и старообрядческим. На сегодня, не встречено, упоминаний о незарегистрированных религиозных сообществах верующих. При том, что данные о таковых, к примеру, по протестантам, в документах встречаются. Для нас очевидной является необходимость дальнейшей работы с фондами Государственного архива Российской Федерации в рамках проблемного поля данного исследования.

Источники и литература

1. Дулов А. В., Санников А. П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII — начале XX веков: в 2 ч. Иркутск: МИОН, 2006. Ч. 1. 292 с.; Ч. 2. 323 с.
2. Косых В. И. Забайкальская епархия 1908–1923 гг. Чита: Изд-во Забайкал. гос. пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 2007. 204 с.
3. Косых В. И. Забайкальская епархия в годы Первой мировой войны. Чита: Изд-во Забайкал. гос. ун-та, 2014. 287 с.
4. Митыпова Г. С. Православные храмы в Забайкалье (XVII — нач. XX в.) (опыт историко-культурного исследования). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1997. 103 с.
5. Цыремпилова И. С. Взаимоотношения государства и Русской православной церкви в Байкальской Сибири (1917–1930-е гг.): историография и источники. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКиИ, 2008. 135 с.
6. Цыремпилова И. С. Русская православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона). Улан-Удэ: ИПК ВСГАКиИ, 2008. 300 с.
7. Цыремпилова И. С. Русская Православная Церковь на территории Бурятии в 1940–1980-е гг. // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2017. № 2(2). С. 37–43.
8. Злыгостева Ю. Г. Документы Национального архива Республики Бурятия по истории государственно-церковных взаимоотношений в середине 1940-х — 1980-е гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2011. С. 389–393.
9. Митыпова Г. С. История становления и развития православной традиции в Бурятии: XVII–XXI вв.: дис. ... д-ра. истор. наук: 07.00.02. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. 387 с.
10. Цыремпилова И. С., Злыгостева Ю. Г. Деятельность уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви (Совета по делам религий) в 1940-х — 1980-х гг. (на примере Байкальского региона) // Власть. 2010. № 10. С. 47–50.
11. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-248. Оп. 14. Д. 136.
12. ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 11.
13. ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 14.
14. ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 15.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 213.
16. ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 80.
17. ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 31.
18. ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 280.
19. ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 4. Д. 244.
20. ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 4. Д. 373.

21. ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 884.
22. ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 1212.
23. ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 1653.
24. ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 2212.
25. ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 11. Д. 128.
26. ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 11. Д. 516.
27. ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 11. Д. 592.
28. ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 11. Д. 617.
29. ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 11. Д. 757.
30. ГА РФ. Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 18.
31. ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 44. Д. 779.

**SOURCES ON THE HISTORY OF ORTHODOXY IN TRANSBAIKALIA
IN THE POST-WAR SOVIET TIME IN THE FUNDS
OF THE STATE ARCHIVE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

© **Evgeny V. Drobotushenko**

Candidate of History, The Dean of the Faculty of History and Philology,
Trans-Baikal State University
672000, Russia, Chita, Chkalov St., 140
DRZZ@yandex.ru

Abstract. The article characterizes the documents of the State Archive of the Russian Federation (SA RF), containing information on the history of Orthodoxy in Transbaikalia in the post-war Soviet period. It is noted that this issue has not been reflected in the scientific literature today. Documents of the State Archive of the Russian Federation on the subject are, first of all, office documentation. Regarding this group of sources, the author makes an attempt to identify types of documents. He notes that the largest number is the reporting documentation of the commissioners of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars (later the Council of Ministers) of the USSR, and later the Council for Religious Affairs. A significant block is represented by business correspondence. The need for further work with the repositories of the State Archive of the Russian Federation is obvious. It can be assumed that this will reveal new types of office documents. It is possible that documents on the Orthodox history of Transbaikalia of the post-war Soviet period, related to other groups, for example, memoirs of contemporaries, will also be found.

Keywords: source; document; office documentation; report; letter; orthodoxy; orthodox church, Transbaikalia.

Научная статья
УДК 930.25(571.5)

ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА БАМА В ДОКУМЕНТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АРХИВОВ

© Байкалов Николай Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

baikalov@bsu.ru

Аннотация. Архивные документы занимают центральное место в изучении истории строительства БАМа в 1970–1990-е гг. Они представлены в фондах строительных предприятий, отраслевых министерств и ведомств, партийных, комсомольских и профсоюзных организаций районов, через которые прошла магистраль. Корпус документов охватывает нормативно-правовые акты, делопроизводственные материалы, статистические данные, периодику, фотодокументы, наградные материалы, автобиографии, личные дневники и письма. Архивные документы позволяют реконструировать различные аспекты истории БАМа, в том числе строительство, социально-экономическое освоение прилегающих районов, формирование населения, экономическое, социальное и культурное развитие притрассовых городов и поселков, деятельность партийных и советских органов управления, комсомольское и профсоюзное движение.

Ключевые слова: архивный фонд; архивный документ; источниковедение; поздний социализм; БАМ; строительство; район нового освоения.

Благодарности и финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 21-09-43043.

История строительства БАМа и социально-экономического развития притрассовых районов реконструируется на основе обширного корпуса документальных и повествовательных письменных источников, устно исторических свидетельств, изобразительных и вещественных источников. Основное место в источниковедении проблемы принадлежит комплексу документальных источников центральных, региональных и муниципальных архивов. Архивные документы включают нормативно-правовые акты, статистические данные и делопроизводственные материалы, которые, в свою очередь, состоят из организационно-распорядительной, учетно-контрольной, протокольно-резолютивной, отчетной и плановой документации.

В первую очередь в изучении истории всесоюзной комсомольской стройки важны архивные документы центральных министерств и ведомств, курировавших строительство магистрали и проекты по социально-экономическому развитию прилегающих районов. В Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) находятся на хранении фонды Министерства путей сообщения СССР (МПС СССР), Центрального статистического управления при Совете Министров СССР, Государственного банка СССР, Государственного планового комитета СССР и др.

Наиболее ценные сведения по истории строительства БАМа социально-экономического развития прилегающих к стройке районов содержатся в фонде Министерства транспортного строительства СССР (Минтрансстрой СССР) [1]. В состав фонда входят протоколы заседаний министерства, коллегий, справки, письма; ежегодные отчеты по основной деятельности, кадрам, охране труда, научно-технической работе ГлавБАМстроя, Главтоннельметростроя, Главмосто-строя; ежегодные отчеты Управлений рабочего снабжения (УРС) «Ангарстрой», «Нижнеангарсктранстрой», «БАМстройпуть».

Для осуществления руководства строительством БАМа и железнодорожной линии Бам – Тынды – Беркакит приказом Минтрансстрой СССР от 29.08.1974 № 189 было образовано Главное управление по строительству БАМ (ГлавБАМ-строй), архивный фонд которого хранится в Государственном архиве Амурской области (ГААО) и насчитывает 1466 единиц хранения [2]. Наибольший интерес представляют сводные планы капиталовложений и подрядных строительно-монтажных работ, ежегодные отчеты по строительству БАМ, сводные статистические отчеты о численности, составе и движении кадров, о подготовке и повышении квалификации рабочих и служащих, о работе комсомольско-молодежных коллективов, студенческих строительных отрядов и т. д. В ежегодных отчетах по строительству магистрали содержатся сведения о возведении временных и постоянных поселков строителей, численности населения в них, объемах жилищно-гражданского строительства шефствующих организаций и других субподрядчиков.

Для руководства производственной и финансовой деятельностью строящейся дороги в 1974 г. при МПС СССР была создана Дирекция строительства, преобразованная в 1980 г. в Управление Байкало-Амурской железной дороги. Архивный фонд данной организации включает 1178 ед. хранения и размещается в Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК) [3]. В рамках данного исследования важные сведения содержат протоколы заседаний комиссии Совета министров РСФСР по вопросам строительства БАМа, документы Врачебно-санитарной службы и медицинского совета Дирекции строительства БАМ, совета по народному образованию Дирекции строительства БАМ, совещаний при начальнике дороги, профсоюзных конференций железнодорожников и т. д.

Интерес для изучения истории БАМа представляют материалы проектных институтов Минтрансстрой СССР, занятых в проектировании населенных пунктов зоны строительства магистрали. Документы проектно-изыскательского института «Томгипротранса» входят в состав объединенного фонда проектных организаций транспортного строительства Государственного архива Томской области (ГАТО) [4]. Материалы Сибирского государственного проектно-изыскательского института «Сибгипротранс» находятся на постоянном хранении в РГАЭ [5]. Наряду с текстовыми источниками проектная документация включает картографические материалы, чертежи, схемы, планы, позволяющие реконструировать пространственные аспекты проектирования трассы БАМа и формирования сети новых населенных мест.

Важную информацию по истории БАМа содержат архивные фонды строительных трестов и управлений, по которым можно детально проанализировать производственно-хозяйственную деятельность предприятий транспортного строительства, процесс формирования ведомственных жилищного фонда и социаль-

ной инфраструктуры, состав, источники и формы комплектования трудовых коллективов, условия организации и охраны труда, социально-бытовые условия строителей и пр.

Генеральными подрядчиками иркутского участка стройки являлись управление строительства (УС) «Ангарстрой» и выделившийся из него в марте 1980 г. трест «ЛенаБАМстрой». Фонд «Ангарстроя» хранится в архиве г. Братска Иркутской области [6]. В нем насчитывается более 1700 дел постоянного хранения за период с 1945 по 2008 гг. Документы треста «ЛенаБАМстрой» находятся в архивном отделе г. Усть-Кута Иркутской области [7].

Отсыпкой земляного полотна под железнодорожные и автомобильные пути на западном участке БАМа занимались подразделения треста «ЗапБАМстроймеханизация», образованного 10 ноября 1974 г. приказом № 219 Минтрансстроя СССР. Местом нахождения стал пос. Якурим Усть-Кутского района Иркутской области. В составе треста насчитывалось более 20 механизированных колонн (МК), центральные ремонтно-механические мастерские (ЦРММ), контора материально-технического снабжения (КМТС), ЖКО и прочие подразделения. Архивный фонд треста размещается на хранении в Усть-Кутском архиве [8].

Генеральным подрядчиком бурятского участка стройки был трест «Нижнеангарсктрансстрой», организованный приказом Минтрансстроя СССР № 217 в ноябре 1974 г. Данная организация специализировалась на укладке главного пути, обустройстве временных поселков строителей, создании баз стройиндустрии. Фонд треста располагается в архивном отделе администрации г. Северобайкальска [9].

Возведением железнодорожной ветки «Бам – Тында – Беркакит», а также строительно-монтажными работами на читинском и якутском участках основной линии магистрали занималось УС «БАМстройпуть», документы которого по основной деятельности частично отложились в Государственном архиве документов по личному составу Забайкальского края [10].

Документы трестов ГлавБАМстроя, работавших на центральном участке БАМа, такие как Тындинский трест транспортного строительства «Тындатрансстрой», Тындинский трест транспортного строительства «ЦентроБАМстрой», специализированный трест по буровзрывным работам «БАМтрансвзрывпром», специализированный трест по санитарно-техническим работам «БАМтранстехмонтаж», трест по комплектации конструкциями, оборудованием, механизмами, строительными и другими материалами «БАМстройкомплект» были лишь частично переданы в архивные хранилища Амурской области и не сформировали целостных фондов. Так, в архивном отделе Тындинского района находятся фонды отдельных строительно-монтажных поездов, автобаз, мастерских, мехколонн и т.д., содержащих фрагментарные сведения по тому или иному структурному подразделению вышеперечисленных трестов. Исключение составляет фонд комбината Шимановскстройиндустрия (с 1988 г. – БАМстройиндустрия), в котором имеется 144 дела по основной деятельности, включая приказы, штатные расписания, бухгалтерские отчеты, сведения по охране труда, наградные материалы работников [11].

Кроме подразделений ГлавБАМстроя над сооружением БАМа трудились коллективы других главков Минтрансстроя. Строительство тоннелей и рабочих

поселков тоннельщиков на всем протяжении магистрали осуществлялось силами УС «БАМтоннельстрой», документы которого в количестве 1331 единиц переданы на хранение в Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ) [12]. В состав фонда входят документы по основной деятельности организации: постановления ЦК КПСС и Совмина СССР по строительству БАМа, приказы Минтрансстроя и Главтоннельметростроя СССР, протоколы производственных и технических совещаний, годовые планы работ по производственной деятельности, статистические отчеты о выполнении планов ввода в действие мощностей и планов подрядных работ, титульные списки зданий и сооружений, сметы, бухгалтерские отчеты, штатные расписания подразделений управления и др.

Сооружение мостов, водопропускных труб и прочих искусственных сооружений осуществляли мостостроительные тресты Главмостостроя № 8 («Мостострой-8»), № 9 («Мостострой-9»), № 10 («Мостострой-10»). «Мостострой-8» был организован в 08 декабря 1969 г. приказом Минтрансстроя № 221. Основные работы на БАМе подразделения треста вели на железнодорожной линии БАМ – Тында – Беркакит. Частично документы фонда хранятся в Хабаровске [13]. На участке магистрали от ст. Лена до ст. Чара приказом Минтрансстроя № 202 от 9 октября 1974 г. был образован Мостостроительный трест № 9 («Мостострой-9»). В начале 1980-х гг. в составе треста находилось 9 мостотрядов, 3 мостопоезда, управление механизации, автобаза, УПТК, техшкола и другие организации. Документы треста хранятся в архиве г. Усть-Кута [14]. Трест «Мостострой-10», образованный в начале 1975 г., производил работы на центральном участке БАМ от ст. Витим до правого берега реки Зeya, на железнодорожной линии Бам – Тында – Беркакит, на территории Читинской и Амурской областей, а так же Якутской АССР. Документы отдельных структурных подразделений треста находятся в ГААО и муниципальных архивных отделах г. Тынды и Тындинского района [15].

Сложная ситуация сложилась в комплектовании архивов документацией шефских строительных организаций. Поскольку завершение строительства БАМа совпало с дезинтеграционными процессами в СССР, документальные фонды предприятий союзных республик не были своевременно переданы в архивы. На настоящее время нами не выявлено ни одного такого фонда в архивах стран СНГ и ближнего зарубежья. Из фондов шефских организаций РСФСР сохранились единичные архивы, прежде всего, тех предприятий, которые не прекратили свою деятельность с началом рыночных реформ и осуществили передачу документов в областные и местные хранилища как юридически самостоятельные лица, либо как структурные подразделения соответствующих главков. Так, делопроизводственные материалы СМУ «Бамстрой» треста «Волгоградтяжстрой» легли в основу фонда Волгоградского городского архива [16]. Документы СМП «НовосибирскБАМстрой» сформировали фонд архивного отдела Зейского района Амурской области [17]. Документальный фонд СМУ «КуйбышевБАМстрой» был передан в Самарский областной государственный архив личного состава [18]. Документы в таких фондах распределяются по годам крайне неравномерно и позволяют лишь фрагментарно восстановить хронологию событий.

В некоторых случаях одна организация оказалась представлена в двух архивах: муниципальном как отдельный фонд, в областном – в составе фонда вышестоящего ведомства. Таким образом документы СМП «Алтай-БАМ» оказались в

составе Государственного архива Алтайского края [19] и архива администрации Солнечного района Хабаровского края [20].

В других случаях документальный фонд предприятия был уничтожен в период рыночных реформ (обычно в процессе банкротства и ликвидации организации), но его деятельность можно реконструировать по отчетам в вышестоящие инстанции и головные ведомства. Так произошло с документами ПМК «ЛенинградБАМстрой», которые долгое время считались утраченными вместе с расформированием организации в конце 1990-х гг. Однако нами были выявлены отчеты по основной деятельности ПМК за 1977–1987 гг. и пояснительные записки к ним в фонде Центрального государственного архива Санкт-Петербурга [21].

Частично реконструировать деятельность шефских строительных предприятий по возведению населенных пунктов БАМа позволяют документы первичных парторганизаций, которые в отличие от хозяйственной документации подлежали строгому учету и широко представлены в партийных фондах областных архивов.

Большой интерес для изучения истории БАМа представляет документация дорожных профсоюзных комитетов (дорпрофсожей). В архиве г. Братска находится фонд дорпрофсожа восточносибирских транспортных строителей и работников железнодорожного транспорта, насчитывающий 444 единицы хранения [22]. В ГАРБ размещаются документы дорпрофсожа забайкальских транспортных строителей в количестве 178 дел за 1975–1988 гг. [23]. В ГААО хранится фонд дорпрофсожа транспортных строителей БАМа (до 1976 г. – дорпрофсожа амурских транспортных строителей), в состав которого включено 377 дел за 1974–1988 гг. [24].

Документация профсоюзных организаций представлена отчетами, докладами, справками, протоколами профсоюзных собраний, заседаний партийно-хозяйственных активов и т.д. Наиболее богатые и разносторонние сведения содержатся в протоколах дорожных профсоюзных конференций, которые проводились один раз в два-три года. В отчетных докладах таких конференций можно найти информацию о строительстве временных и постоянных поселков, обеспеченности населения жильем и объектами соцкультбыта, мероприятиях по укреплению трудовой дисциплины, соцсоревнованиях, культмассовой и спортивной работе профсоюзных клубов, домов культуры, библиотек, социальном страховании, торговле и общепите, охране труда и производственном травматизме, здравоохранении и санаторно-курортном лечении. Не менее интересны протоколы пленумов и заседаний президиумов дорпрофсожей, которые посвящались обсуждению отдельных вопросов, таких как готовность школ к новому учебному году, организация рабочего снабжения, итоги деятельности застройщиков определенных организаций и т. д. В целом профсоюзы занимали умеренно критическую позицию в отношениях с руководством строительных организаций и советскими органами власти. Судя по сохранившимся документам, пик их активности приходится на конец 1970-х – начало 1980-х гг., с середины 1980-х гг. профсоюзное движение постепенно приходит в упадок.

В реконструкции истории всесоюзной комсомольской стройки важное место занимают документы областных министерств и ведомств пересеченных трассой административно-территориальных образований. В фондах министерств здравоохранения находится документация по медицинскому обслуживанию населения

БАМа, министерства культуры – сведения о развитии сети школ и учреждений дополнительного образования в районах БАМа, комитетов народного контроля – сведения о работе комиссии народного контроля на объектах БАМа, описываются факты нарушений использования финансовых средств, невыполнения планов, приписок в отчетах и т.д.

Однако наиболее ценными среди архивов советских органов власти являются фонды местных Советов. В протоколах сессий и заседаний исполкомов районных и поселковых Советов народных депутатов содержатся важные сведения по социально-экономическому развитию районов строительства БАМа, социально-демографическому составу населения, формированию новых населенных пунктов в зоне сооружения магистрали, развитию предприятий торговли и общепита, бытового обслуживания, медицинских учреждений, учебных заведений, культурно-досуговых организаций. Помимо годовых отчетных докладов они содержат протоколы сессий с подробными стенограммами прений и дискуссий, планы и сметы строительства, бюджетные документы, оперативные сводки, отчеты подведомственных учреждений образования, здравоохранения, культуры, статистики и др.

Важную группу документов представляют районные отделы архитектуры и градостроительства, содержащие генеральные планы поселений на разных этапах возведения населенных пунктов, а также пояснительные записки, инструкции, схемы, фотоснимки и пр.

Как правило, данные документы находятся в архивных отделах администраций муниципальных образований: Братского, Усть-Кутского, Казачинско-Ленского районов Иркутской области [25]; г. Северобайкальска, Северо-Байкальского и Муйского районов Республики Бурятия [26]; г. Нерюнгри и Нерюнгринского района Республики Якутия [27]; г. Тынды, Тындинского, Зейского и Селемджинского районов Амурской области [28]; Верхнебуреинского и Солнечного районов Хабаровского края [29]. Исключением являются архивные документы по истории населенных пунктов читинского участка магистрали, которые были объединены в фонде Каларского районного Совета народных депутатов и переданы на хранение в Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК) [30].

В комплексе партийных архивов основное место принадлежит областным и районным комитетам КПСС пересеченных железнодорожной магистралью территорий. В Государственном архиве новейшей истории Иркутской области (ГАНННЮ) находятся документы Усть-Кутского горкома КПСС [31] и Казачинско-Ленского райкома КПСС [32], в ГАРБ – Северо-Байкальского райкома и горкома КПСС [33], Баунтовского [34] и Муйского [35] райкомов КПСС. Партийный архив Каларского района Забайкальского края, хранящийся в ГАЗК, не доступен для исследователей по причине засекреченности [36].

Партийная документация, представленная протоколами бюро, пленумов и партконференций, содержит сведения о координации и надзоре над строительством производственных и непроизводственных объектов, условиях труда и качественном составе трудовых коллективов, развитии ЖКХ, благоустройства и соцкультбыта населенных пунктов БАМа, правоохранительной деятельности, чрезвычайных ситуациях.

К комплексу партийных документов примыкает большая группа фондов первичных партийных организаций. Фонды парткомов крупных трестов, таких как «Мостострой» № 9 (ГАНИИО. Ф. П-6473), «ЛенаБАМстрой» (ГАНИИО. Ф. П-6583), «ЗапБАМстроймеханизация» (ГАНИИО. Ф. П-6396), «Нижнеангарск-трансстрой» (ГАРБ. Ф. П-3899), «БАМтоннельстрой» (ГАРБ. Ф. П-3882), «БАМ-стройпуть» (ГАЗК. Ф. П-7094; ГААО. Ф. П-2990), «Мостострой-10» (ГААО. Ф. П-3016), «Тындатрансстрой» (ГААО. Ф. П-3017), «Бамстроймеханизация» (ГААО. Ф. П-3018), «Центробамстрой» (ГААО. Ф. П-3066), «БАМтранс-взрывпром» (ГААО. Ф. П-3090), включают более 100-200 единиц хранения каждый. В них содержится информация о социально-демографическом составе партийных ячеек отдельных предприятий и учреждений, о сборах партийных взносов, краткие отчеты по основной деятельности предприятий, характеристики коммунистов.

Менее информативными являются фонды первичных парторганизаций шефских предприятий, количество единиц хранения в каждой из которых обычно не превышает 10–20 дел. Однако в условиях несохранившихся или невыявленных основных фондов этих организаций, данные «первичек» выступают одним из немногих источников информации о деятельности шефских коллективов. В ГАРБ представлены фонды следующих первичных парторганизаций: ПМК «ЛенинградБАМстрой» (Ф. П-3935), СМП «ЛитБАМстрой» (Ф. П-3974), СМП «Таллинстрой» (Ф. П-3973), СМУ «ЛатБАМстрой» (Ф. П-3967). В ГАЗК на постоянном хранении находятся СМП «ГрузстройБАМ» (Ф. П-7091), «КазахстройБАМ» (Ф. П-7092), СМП «УзБАМстрой» (Ф. П-7113). В ГАХК содержатся фонды парторганизаций СМУ «КуйбышевБАМстрой» (Ф. П-2595), СМУ БАМстрой треста «Волгоградтяжстрой» (Ф. П-2562), СМП «МолдавстройБАМ» (Ф. П-2492), ССМП «ТаджикстройБАМ» (Ф. П-2516), СМП «СаратовБАМстрой» (Ф. П-2584), СМП «АлтайБАМ» (Ф. П-2560), СМП «НовосибирскБАМстрой» (Ф. П-2564), СМП «ПензастройБАМ» (Ф. П-2561), СМП «ТамбовстройБАМ» (Ф. П-2563) и др.

Строительство БАМа было объявлено всесоюзной ударной комсомольской стройкой, поэтому большое значение в изучении истории магистрали имеют фонды комсомольских организаций. В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) хранится фонд Центрального штаба ЦК ВЛКСМ на БАМе [37], в котором содержатся ежегодные отчеты участковых штабов стройки, письма комсомольцев с просьбой отправить на БАМ, жалобы строителей и документы по работе с данными обращениями. В ГАНИИО хранятся фонды горкомов и райкомов ВЛКСМ Усть-Кутского [38] и Казачинско-Ленского [39] районов. В фонде Бурятского обкома ВЛКСМ в ГАРБ находятся документы о шефстве над строительством бурятского участка магистрали, работе строительного отряда «Комсомолец Бурятии» по сооружению пос. Таксимо, отчеты студенческих стройотрядов на БАМе, о деятельности агитпоезда ЦК ВЛКСМ «Комсомольская правда», списки бойцов и документы слетов бойцов ударных комсомольских отрядов [40]. На базе Северо-Байкальского райкома ВЛКСМ был организован Штаб ЦК ВЛКСМ по бурятскому участку БАМа. В фонде содержатся сведения о составе комсомольской организации района, о количестве комсомольцев среди работников бамовских предприятий, проведении

соревнований, смотров, конкурсов среди комсомольско-молодежных бригад, деятельности студенческих стройотрядов [41]. Отдельного внимания заслуживает подборка писем комсомольцев на БАМа и ответы комсомольского штаба.

Фонд школы комсомольского актива бурятского и читинского участков БАМа, также находящийся в ГАРБ, содержит 50 дел за период с 1980 по 1990 г. [42]. В нем представлены методические материалы ЦК ВЛКСМ по вопросам работы комсомольской школы, протоколы экзаменационной комиссии школы, методических совещаний преподавателей и слушателей, заседаний методического совета школы, различные отчеты и справки о работе, приказы по личному составу, штатные расписания, сметы расходов.

В целом архивные документы по истории БАМа отличаются жанровым и видовым разнообразием, включают приказы, постановления, распоряжения, отчеты, планы, сметы, штатные расписания, инструкции, справки, характеристики, автобиографии, письма, наградные листы, публикации в СМИ. Большинство выявленных документов будут впервые введены в научный оборот. На основе данных источников возможно освещение различных вопросов историографии БАМа, включая историю строительства и социально-экономического освоения региона, демографическое, социальное и культурное развитие населенных пунктов, партийное руководство стройкой, деятельность общественных организаций, повседневную жизнь и биографии строителей.

Вместе с тем при работе с данным видом источников следует учитывать специфику советского документоведения и его партийно-идеологическую направленность. Авторитарно-бюрократическая система формировала особый тип материалов, большинство которых односторонне отражают многообразные и противоречивые процессы. Часто вопросы социального развития региона сводились к кратким отчетам о количестве построенных и запланированных объектов соцкультбыта, а также к выяснению причин невыполнения плана по тем или иным показателям.

Источники и литература

1. РГАЭ. Ф. Р-9538 Министерство транспортного строительства СССР (Минтрансстрой СССР).
2. ГААО. Ф. Р-2080. Главное управление по строительству БАМ (ГлавБАМстрой).
3. ГАХК. Ф. Р-2021. Управление Байкало-Амурской железной дороги имени Ленинского комсомола.
4. ГАТО. Ф. Р-1850. Учреждения и организации по проведению проектно-изыскательских работ в области транспортного строительства (1935–1993).
5. РГАЭ. Ф. Р-285. Сибирский государственный проектно-изыскательский институт «Сибгипротранс» Министерства транспортного строительства СССР.
6. Архивный отдел организационно-контрольного управления аппарата Администрации города Братска Иркутской области. Ф. Р-148. Управление строительства «Ангарстрой».
7. Архивный отдел администрации Усть-Кутского муниципального образования Иркутской области (АО УКМО). Ф. Р-52. Ленский трест по строительству БАМ «ЛенаБАМстрой».
8. АО УКМО. Ф. Р-44. Трест по механизации земляных работ «ЗамБАМстроймеханизация».

9. Архивный отдел Управления делами Администрации муниципального образования «город Северобайкальск». Ф. Р-15. УС «Нижеангарсктрансстрой».
10. Государственный архив документов по личному составу Забайкальского края. Ф. Р-167. УС «БАМстройпуть».
11. ГААО. Ф. Р-2234. Шимановский комбинат по производству железобетонных конструкций и строительных материалов «Шимановскстройиндустрия».
12. ГАРБ. Ф. Р-1880. УС «БАМтоннельстрой» (1974–1989 гг.).
13. ГАХК. Ф.1603. Мостостроительный трест № 8 (Трест «Мостострой № 8»).
14. АО УКМО. Ф. Р-47. Мостостроительный трест № 9.
15. ГААО. Ф. Р-2298. Мостостроительный отряд № 64 треста «Мостострой-10»; МБУ «Архив г. Тынды». Ф. 146. Управление производственно-технологической комплектации треста «Мостострой № 10»; МКУ Архив Тындинского района. Ф. 226. «Управление механизации и автотранспорта треста Мостострой-10» и др.
16. МКУ «Волгоградский городской архив». Ф. 946. Строительно-монтажное Управление «Бамстрой» треста «Волгоградтяжстрой».
17. Муниципальный архив Зейского района Амурской области. Ф. 84. Строительно-монтажный поезд «НовосибирскБАМстрой», п.Тунгала Зейского района Амурской области, (1978 - 1994 гг.).
18. Самарский областной государственный архив личного состава. Ф. 217. Строительно-монтажные управления треста "Промстрой" (КуйбышевБАМстрой, СамараБАМстрой, № 10), 01 октября 1981 г. — 01 января 1999 г.
19. Государственный архив Алтайского края. Ф. Р-1566 Строительно-промышленный концерн «Алтайстрой» Российской государственной строительно-промышленной ассоциации по строительству в районах Урала, Западной Сибири «РосУралСибстрой». Оп. 3 (строительно-монтажный поезд «Алтай-Бам»).
20. Архив администрации Солнечного района Хабаровского края. Ф. 55. Строительно-монтажный поезд «Алтай-БАМ» территориального главного управления по строительству в Алтайском крае (Главалтайстрой) Солнечный район Хабаровский край станция Эворон 1978–1987.
21. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. Р-3067. Ордена Ленина Главное управление по жилищному, гражданскому и промышленному строительству (Главленинградстрой) при Ленгорисполкоме и местный комитет.
22. Архивный отдел организационно-контрольного управления аппарата Администрации города Братска Иркутской области. Ф. Р-146. Дорожный комитет профсоюза восточносибирских транспортных строителей.
23. ГАРБ. Ф. Р-2002. Дорпрофсоюз забайкальских транспортных строителей.
24. ГААО. Ф. Р-1859. Дорпрофсоюз транспортных строителей БАМ.
25. Архивный отдел организационно-контрольного управления аппарата Администрации города Братска Иркутской области. Ф. Р-49. Исполком Братского горсовета; Архивный отдел администрации Усть-Кутского муниципального образования Иркутской области (АО УКМО). Ф. Р-29 Усть-Кутский городской совет депутатов трудящихся; Ф.Р-34 Исполнительный комитет Звезднинского поселкового Совета народных депутатов п. Звездный Усть-Кутского района Иркутской области; Архивный отдел администрации Казачинско-Ленского муниципального района (АО КЛМР). Ф. Р-1 Совет народных депутатов Казачинско-Ленского района Иркутской области; Ф. Р-38 Совет народных депутатов п. Магистральный Казачинско-Ленского района Иркутской области; Ф. Р-39 Совет народных депутатов п. Улькан Казачинско-Ленского района Иркутской области; Ф. Р-43 Совет народных депутатов п. Кунерма Казачинско-Ленского района Иркутской области.
26. Архивный отдел Управления делами Администрации муниципального образования «Город Северобайкальск» Республики Бурятия (АО СБ). Ф. Р-1. Городской совет народных депутатов; МКУ «Управления культуры и архивного дела муниципального об-

разования «Северо-Байкальский район» Республики Бурятия (УКАД СБМО). Ф. Р-1 Районный совет народных депутатов; Отдел культуры и архивного дела администрации муниципального образования «Муйский район» Республики Бурятия (ОКАД МОМР). Ф. Р-1. Районный совет народных депутатов; Ф. Р-2. Поселковый совет народных депутатов пос. Таксимо; Ф. Р-3. Поселковый совет народных депутатов пос. Северомуйск; Ф. Р-4. Поселковый совет народных депутатов пос. Тоннельный.

27. Муниципальный архив Нерюнгринского района. Ф. Р-24 Нерюнгринский городской Совет народных депутатов и его исполнительный комитет; Ф. Р-27 Ханинский поселковый Совет народных депутатов и его исполнительный комитет; Ф. Р-2 Беркакитский поселковый Совет народных депутатов и его исполнительный комитет; Ф. Р-3 Золотинский поселковый Совет народных депутатов и его исполнительный комитет.

28. Архив Тындинского района. Ф. Р-1 Тындинский районный совет народных депутатов Амурской области, Ф. Р-22. Усть-Нюкжинский сельский Совет депутатов, Ф. Р-37. Ларбинский сельский Совет депутатов, Ф. Р-39. Хорогочинский сельский Совет народных депутатов, Ф. Р-50. Кувьктинский сельский Совет депутатов, Ф. Р-58. Юкталинский сельский Совет депутатов, Ф. Р-61. Лопчинский сельский Совет народных депутатов, Ф. Р-80. Маревский сельский Совет депутат; Архив г. Тынды. Ф. Р-1. Тындинский городской совет депутатов трудящихся; Отдел культуры, архивного дела, молодежной политики и спорта администрации Зейского района. Ф. Р-1. Зейский городской Совет народных депутатов и исполнительный комитет, Ф. 36. Дугдинский сельский Совет народных депутатов, Ф. 45. Тунгалинский сельский Совет народных депутатов; Муниципальный архив Селемджинского района Амурской области. Ф. 10. Февральский поселковый Совет народных депутатов, Ф. 67. Селемджинский районный Совет народных депутатов.

29. Архив администрации Верхнебуреинского района Хабаровского края. Ф.104. Администрация Новоургалского поселкового муниципального образования, Ф. 105. Администрация МО пос. Этыркэн, Ф.106. Администрация МО пос. Алонка, Ф.113. Администрация МО пос. Герби, Ф.116. Администрация МО пос. Солони, Ф.118. Администрация МО пос. Сулук; Архив администрации Солнечного района Хабаровского края. Ф. 10. Исполком Хурмулинского сельского Совета народных депутатов, Ф. 11. Исполком Эворонского сельского Совета народных депутатов, Ф. 30. Исполком Амгуньского сельского Совета народных депутатов, Ф. 31. Исполком Джамкусского сельского Совета народных депутатов.

30. ГАЗК. Ф. Р-927. Исполнительный комитет Каларского районного Совета народных депутатов.

31. ГАНИИО. Ф. П-5612. Усть-Кутский городской комитет КПСС.

32. ГАНИИО. Ф. П-257. Казачинско-Ленский районный комитет КПСС.

33. ГАРБ. Ф. П-8. Северобайкальский районный комитет КПСС.

34. ГАРБ. Ф. П-53. Баунтовский районный комитет КПСС.

35. ГАРБ. Ф. П-3977. Муйский районный комитет КПСС.

36. ГАЗК. Ф. П-179. Каларский районный комитет КП РСФСР.

37. РГАСПИ. Ф. 27м. Центральный штаб ЦК ВЛКСМ на БАМе.

38. ГАНИИО. Ф. 5582. Усть-Кутский городской комитет ВЛКСМ.

39. ГАНИИО. Ф. 2421. Казачинско-Ленский районный комитет ВЛКСМ.

40. ГАРБ. Ф. П-36. Областной комитет ВЛКСМ Бурятской АССР.

41. ГАРБ. Ф. П-19. Северобайкальский районный комитет ВЛКСМ.

42. ГАРБ. Ф. П-3957. Школа комсомольского актива Бурятского и Читинского участков БАМа.

**THE BAM CONSTRUCTION HISTORY
IN THE DOCUMENTS OF RUSSIAN STATE ARCHIVES**

© **Nikolai S. Baikalov**

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, 670000, Ulan-Ude, Smolin St., 24a
baikalov@bsu.ru

Abstract. Archival documents occupy a central place in the study of the history of the BAM construction during the 1970s–1990s. They are represented in the funds of construction enterprises, sectoral ministries and departments, Communist Party, Komsomol and trade union organizations of the districts through which the mainline passed. The complex of documents includes legal acts, office materials, statistical data, periodicals, photographic documents, award materials, autobiographies, personal diaries and letters. Archival documents allow us to reconstruct various aspects of the history of BAM, including construction, socio-economic development of adjacent areas, population formation, economic, social and cultural development of cities and towns along the highway, the activities of the Party and Soviet governments, the Komsomol and trade union movement.

Keywords: archival fund, archival document, source study, late socialism, BAM, construction, area of new development.

Acknowledgements and Funding: The research was funded by RFBR according to the project №21-09-43043.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Научная статья
УДК 378(091)(571.54)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В ДЕЛЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

© Шойдонова Алтына Мункожаргаловна
кандидат исторических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, Улан-Удэ, ул. Смолина 24а
shoyd89@mail.ru

Аннотация. Научная статья посвящается изучению деятельности Исторического факультета Бурятского госуниверситета в деле реализации патриотического воспитания детей и молодежи. В исследовании рассмотрены разные периоды становления факультета со времени основания до настоящего времени. Автор дает информацию об основных научных публикациях, направленных на формирование гражданской идентичности и уважения историческому прошлому. Автор дает обобщенную характеристику вопросу участия студентов в реализации патриотических мероприятиях. В заключении статьи приводятся основные направления будущей деятельности факультета в целях реализации федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» национального проекта «Образование».

Ключевые слова: исторический факультет, патриотическое воспитание, подрастающее поколение, научные исследования, государственная политика, общество, гражданская идентичность.

В 2022 г. отмечается 90-летний юбилей Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова. В далеком 1932 г., во многом благодаря деятельности Морхоза Петровича Хабаева, был учрежден Бурят-Монгольский агропедагогический институт. В его структуре было образовано историко-экономическое отделение, которое впоследствии дало начало многим факультетам и институтам университета.

С момента создания университета особое внимание уделялось становлению и деятельности исторической кафедры и исторического факультета. Сотрудники и студенты, обучающиеся по специальности «История», всегда были активно задействованы в вопросе реализации патриотического воспитания на региональном уровне.

Создание кафедры истории и историко-экономического отделения происходило на фоне крупных изменений в сфере развития исторической школы и реализации патриотического воспитания. Стоит отметить, что период 1920-х гг. стал временем прекращения преподавания курса отечественной истории в средней и высшей школе. В зоне интереса историков находятся крестьянское и рабочее движения, революционные события начала XX в. В образовательных организа-

циях вводятся новые предметы, соответствующие действующей доктрине: развитие общественных форм, исторический материализм, история пролетарской революции, политический строй, организация производства и перераспределение в РСФСР и другие.

Историк-марксист М. Н. Покровский издал первый советский учебник истории «Русская история в самом сжатом очерке». В период с 1921 по 1932 гг. книга являлась несомненным бестселлером и постоянно переиздавалась. Учебник получил значительное одобрение со стороны правительственной верхушки. Окончательно оформилась так называемая «покровская концепция истории», выражавшаяся в сжатом и схематическом отображении исторических событий. Учебник имел сугубо практическое значение и оказал значительное влияние на формирование кадров молодых историков-марксистов.

В 1930-е гг. происходит окончательное оформление официальной доктрины, а изучение отечественной истории становится важной составляющей системы формирования гражданской идентичности. Возникает необходимость в подготовке учителей истории в целях реализации Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 16 мая 1934 г. Повсеместно восстанавливаются исторические кафедры и факультеты в университетах и институтах. Соответствующий пример подали Московский государственный университет и Ленинградский государственный университет.

Изучение исторического прошлого стало восприниматься как одно из действительных средств патриотического воспитания граждан. Поэтому было принято решение о создании кафедры истории в Бурят-Монгольском агропедагогическом институте. Первым заведующим кафедрой был назначен историк Н. Н. Козьмин. Он читал студентам университета курс лекций по истории СССР. Однако полноценное осуществление учебной деятельности для будущих учителей истории началось только в послевоенные годы.

С 1950-х по 1980-е гг. оформляются основные направления работы в сфере реализации патриотического воспитания. Преподавателями-историками осуществляется научное изучение региональной истории, освещение революционного движения и вопросов национально-государственного строительства. В качестве важнейших исследований можно выделить следующие публикации: Н. П. Егунов – «Колониальная политика царизма и первый этап национального движения в Бурятии в эпоху империализма», «Первая русская революция и второй этап национального движения в Бурятии»; Б. Д. Цыбиков – «Разгром унгерновщины»; Б. Х. Хомхолова – «Советская Бурят-Монголия в единой семье народов СССР»; Н. Д. Шулунов – «Становление советской национальной государственности в Бурятии (1921–1923 гг.)» и другие.

В 1967 г. прошла успешная защита кандидатской диссертации Н. П. Егунова под названием «Национальное движение в Бурятии в начале XX века» при Московском государственном педагогическом институте. Преподаватели факультета активно публиковались в местных средствах массовой информации, в том числе в газете «Бурят-Монгольская правда» (впоследствии – «Правда Бурятии»). Широкая общественность получала возможность для ознакомления с региональной историей в соответствии с марксистско-ленинской концепцией.

Сотрудники и студенты факультета входили в Бурят-Монгольское отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Они принимали участие в организации просветительских лекций для рабочих на предприятиях, колхозах, животноводческих фермах в г. Улан-Удэ и сельских районах Бурятии. Студенческая молодежь факультета активно участвовала в разноуровневых общественных активностях в качестве членов комсомольского движения. В рамках своей деятельности они принимали участие во всех знаковых мероприятиях, курировали пионерские организации, участвовали в социально значимых акциях.

Профиль выпускаемых специалистов был довольно широк: учителя, работники муниципальных и региональных учреждений, общественных организаций. Особым периодом стали 1980-е гг., когда в системе высшего исторического образования стали образовываться историко-партийные отделения на исторических факультетах. Таким образом, вуз становится основным поставщиком кадров «идеологического фронта». В 1987 г. историко-филологический факультет был разделен, произошло оформление исторического факультета.

Период перестройки стал сложным временем для российского образования, в том числе в области высшей школы. Важным событием этого периода становится создание в 1990 г. военно-исторического клуба «Каганат», который возглавили М.А. Харитонов и В.Ю. Мясников. Участники клуба занимались реконструкцией культуры средневековых кочевников Центральной Азии. Именно клуб «Каганат» стал организатором первого фестиваля клубов исторической реконструкции «Лик волка» на территории Сибири и Дальнего Востока.

В период с 1994 по 2000 г. деканом исторического факультета становится Ю. П. Шагдуров. Именно с его деятельности связана реализация многих молодежных и патриотических мероприятий. Студенты и преподаватели факультета стали активно вовлекаться в организацию общественно-значимых мероприятий на уровне г. Улан-Удэ и республики. Так, с 1997 по 2002 гг. при МАОУ «Гимназии №33 г. Улан-Удэ» действовал историко-правовой класс. Преподаватели М. Г. Цыренова и Д. К. Чимитова читали для детей авторские лекции, а также организовывали патриотические мероприятия.

С 1990-х гг. преподавателям факультета стали доступны архивные материалы. В этот период выходят следующие научные публикации: Е. Е. Тармаханов и другие: «Хроники событий Бурятской организации КПСС»; Г. Д. Басаев: «Становление Бурятской организации КПСС», «М. Н. Ербанов»; Д. Л. Доржиев «Крестьянские мятежи и восстания в Бурятии в 1920-1930-е гг.», «Социально-политический протест и вооруженные выступления крестьянства в Бурятии на рубеже 1920-1930-х гг.»; Б. В. Базаров «Общественно-политическая жизнь 1920–1950-х гг. и развитие литературы и искусства Бурятии» и другие.

Начиная с 2000-х гг. происходит значительная трансформация исторического образования, также пришло понимание необходимости организации патриотического воспитания российских граждан. В период 2000–2020-х гг. реализуются государственные программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» и Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации. Пост декана в это время занимали кандидат педагогических наук М. Г. Цыренова (2000–2002), доктор исторических наук К. Б.-М. Митупов

(2002–2008), кандидат социологических наук А. А. Буркина (2008–2013), доктор исторических наук В. В. Номогоева (2013–2021).

Важными публикациями в патриотическом направлении можно назвать следующие: В. М. Пыкин «Комсомол Бурятии: к 90-летию образования комсомола Бурятии»; В. В. Номогоева «Социально-культурное строительство в Бурятии в 1920–1930-е гг.» и «Бурятия в 1920-1930-е гг.: опыт социально-культурной модернизации»; А. Н. Балакирев «Становление и развитие детского движения Бурятии (1923–1991 гг.)»; Н. Е. Жукова «Общественные организации Бурятии 1920-е гг.: опыт исторического развития». В 2017 г. авторский коллектив кафедры политологии и социологии выпустили монографию «Методические рекомендации по организации работы по патриотическому воспитанию граждан», главным редактором являлся Э. Д. Дагбаев.

В 2015 г. была создана Лаборатория артефактов военной истории. Основу коллекции составили экспонаты, обнаруженные на местах боев 93-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии в Подольском районе. В 2016 г. было организовано Торжественное мероприятие «Равнение на героев», посвященное героям Советского Союза и Российской Федерации. Для участия в мероприятии были приглашены школьники и студенты, члены общественных движений. Были прослушаны следующие доклады: студента Г. Галданова «Герои Великой Отечественной войны из Бурятии»; заслуженного учителя Н. Д. Коробенковой «Об участниках Афганской войны»; С. А. и Н. Е. Коробенковых «О Герое Российской Федерации А. С. Коробенкове»; ветеранов боевых действий В. М. Мельникова и А. Л. Хамутаева «Об опыте участия в боевых действиях в Афганистане и Чеченской республике»; студентки Н. Агбановой и членов благотворительного фонда «Алдар» «О подвиге матроса А. Цыденжапова».

Особое внимание в этот период уделялось привлечению студентов для организации мероприятий с обучающимися образовательных организаций. Историческая образовательная игра «Бурятия в веках. Народы и традиции», посвященная 350-летию добровольного вхождения Бурятии в состав России и Году дружбы народов объединила 23 команды школьников г. Улан-Удэ (23.03.2011 г.). Участие в Исторической игре «Мой город – моя история» приняли 25 команд общеобразовательных организаций г. Улан-Удэ (10.09.2011 г.). В Год Российской истории была проведена образовательная историческая игра «Незабываемые страницы истории», которая объединила 28 команд учащихся 9–11 классов средних общеобразовательных школ г. Улан-Удэ (12.05.2012 г.). Республиканская квест-игра «Мы славной Победы внуки», посвященная 70-й годовщине Великой Победы, собрала 14 команд школьников Заиграевского, Кабанского и Еравнинского районов в 2014 г. Проводилась акция «100 уроков по истории Российской революции 1917 г.» для учащихся средних общеобразовательных школ и средних профессиональных учебных заведений в 2017 г.

Исторический факультет становился победителем конкурса различных грантов. Так, в 2015 г. реализовывался проект «350 уроков патриотизма» в рамках городского гранта «350 добрых дел любимому городу» Администрации г. Улан-Удэ. Руководителем проекта являлась В. В. Номогоева, в рамках проекта удалось охватить более 2000 человек. Студентами разрабатывались тематические уроки на различные темы: А. Васюткин и Б. Ангархаев «По следам поискового отряда

«Рысь»»; Н. Агбанова, В. Иванова и В. Шожал «Герои среди нас (памяти Алдара Цыденжапова)»; А. Зосин «Город Улан-Удэ в годы Великой Отечественной войны»; Б.-Х. Эрдынеева и К. Данилова «Патриотический урок-викторина «Героические страницы г. Улан-Удэ»».

Исторический факультет принял активное участие в реализации мероприятий со школьными музеями. 20–22 сентября 2012 г. состоялся Первый Республиканский фестиваль школьных музеев «Личность в истории страны» в рамках празднования 190-летнего юбилея Доржи Банзарова. Участие в мероприятии приняли делегации из Джидинского, Хоринского, Курумканского, Кижингинского, Заиграевского и Закаменского районов. В рамках учебного процесса организовывалась музейная практика для студентов исторического факультета. Ежегодно проводились факультетские научно-практические конференции «Мир музея: в поисках исторических фактов в музейном предмете».

Важной частью патриотической работы стало взаимодействие с педагогической общественностью. 16 мая 2013 г. состоялся научно-методический семинар «Актуальные проблемы преподавания истории в школе и ВУЗе». Участие в семинаре приняло более 50 преподавателей школ районов РБ и г. Улан-Удэ. В ходе семинара были представлены доклады А. А. Буркиной «Исторический факультет БГУ: подготовка кадров в условиях реформирования образования», В. В. Номогоевой «Изучение истории Бурятии: опыт, проблемы и перспективы в условиях внедрения новых ФГОС» и М. Г. Цыреновой «Уроки Холокоста - путь к толерантности» (опыт участия в Международной школе Яд Вашем, г. Иерусалим, Израиль).

6 ноября 2013 г. прошла Республиканская конференция учителей истории и обществознания «Вызовы времени. Проблема формирования национальной идентичности». В рамках работы мероприятия была создана дискуссионная площадка для диагностики текущего состояния преподавания истории и обществознания в школах Республики Бурятия, для определения основных направлений обновления содержания, форм и методов преподавания истории и обществознания в школе, повышения роли учителя истории в формировании российской гражданской идентичности и патриотизма. Проведение конференции было продиктовано возрастающей значимостью исторического школьного образования в связи с разработкой Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории.

С 2021 г. начал действовать федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан РФ», призванный обеспечить дальнейшее функционирование системы патриотического воспитания. Исторический факультет планирует принять участие во всех мероприятиях проекта. В 2022 г. планируется создание студенческого клуба «Я горжусь», организация поисковой деятельности в сотрудничестве с Республиканским поисковым отрядом «Рысь» и Волонтерской ротой Боевого Братства, реализация патриотических мероприятий для участников детско-юношеских объединений «Российское движение школьников» и «Юнармия».

Источники и литература

1. Васильева С. В. Особенности преподавания исторических дисциплин в Бурятском государственном университете // Историческая наука и историческое образование на Дальнем Востоке: сборник научных статей. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2009. С. 215–217.
2. Дашиева А. Д., Номогоева В. В. По страницам истории факультета: к 80-летию исторического факультета Бурятского государственного университета / гл. ред. А. А. Буркина. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 148 с.
3. Иванова Л. Б. История формирования основ высшего образования в Бурятии // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 3. С. 27–35.
4. Методические рекомендации по организации работы по патриотическому воспитанию граждан / Министерство спорта и молодежной политики Республики Бурятия, Бурятский государственный университет, Исторический факультет, Кафедра политологии и социологии; составители Э. Д. Дагбаев [и др.]. Улан-Удэ: Изд-во Бурят гос. ун-та, 2017. 99 с.
5. Улучшить пропаганду политических и научных знаний: с Пленума Бурят-Монгольского отделения Всесоюзного Общества по распространению политических и научных знаний // Бурят-Монгольская Правда 18 июня 1955 г. № 143 (8508). С. 2.

**HISTORY FACULTY OF BURAT STATE UNIVERSITY
IN THE PATRIOTIC EDUCATION OF YOUNGER GENERATION**

© **Altyna M. Shoydonova**

Candidate of History, Associate Professor,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
670000, Russia, Ulan-Ude, Smolin St., 24a
shoyd89@mail.ru

Abstract. The scientific article is devoted to the study of the activities of the Faculty of History of the Buryat State University in the implementation of the patriotic education of children and youth. The study considers different periods of the formation of the faculty from the time of its foundation to the present. The author gives information about the main scientific publications aimed at the formation of civic identity and respect for the historical past. The author gives a generalized description of the issue of student participation in the implementation of patriotic events. At the end of the article, the main directions of the future activities of the faculty are given in order to implement the federal project "Patriotic education of citizens of the Russian Federation" of the national project "Education".

Keywords: history department; patriotic education; the younger generation; scientific research; public policy; society; civic identity.

Научная статья
УДК 372.8:94

**ТЕХНОЛОГИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИНДИВИДУАЦИИ
И АНОНИМИЗАЦИИ «МНОЖЕСТВ» В УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ
В КРИЗИСНЫХ РЕГИОНАХ**

© Гончаров Валерий Валерьевич

кандидат исторических наук, доцент,
Research Fellowship - Leibniz Institute for Educational Media
(Marga und Kurt Möllgaard Foundation)
ФРГ, Вена
doublevalery@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается конфликт государства и множества в рамках школьного исторического образования. Приводится анализ современных школьных учебников. Обращается внимание, что на Украине мы можем обнаружить построение множеств, как исторически детерминированного способа жизни общества, которое противопоставляется курсу консервативного государства в России. Идеологии страны-государства была противопоставлена идеология множеств, в том числе анонимизированных. Новая идеология школьного исторического образования на Украине должна была помочь множеству при прохождении процесса индивидуации. Опыт изучения школьных учебников показывает, что историческое сознание человека вместе с индивидуацией может быть многократно изменено.

Ключевые слова. Украина; учебники истории; множества; индивидуация.

В 70-е годы XX века в Италии социологи и политологи отметили появление новой фундаментальной биологической конфигурации, которая «стала исторически детерминированным способом жизни». Исследователь-философ П. Вирно назвал этот способ жизни *множеством* (*multitudine*). В своем лекционном курсе он впервые предложил экскурс в понимание данного феномена. Итальянский ученый сконцентрировался на изучении нового способа производства и исследовал именно его, но ему удалось приоткрыть дверь и в другие области изучения бытия *множества* [5]. Одна из таких областей этопсихическая и коллективная *индивидуация*, ее рассматривал французский философ Ж. Симондон [10, с. 94–105].

Множество состоит из индивидов за спиной которых есть доиндивидуальная реальность (язык, доминирующие производственные отношения). Каждый индивид многократно проходит процесс индивидуации, предлагающий ему набор основных установок. *Множество* всегда противопоставляется народу (государству) и традиционному обществу. Главный враг множества – государство. Субъективность *множества* это постоянная индивидуация, рассеянность, любопытство, а его эмоциональная тональность – цинизм и оппортунизм.

С началом специальной военной операции Российской Федерации на Украине в феврале 2022 г. остро встал вопрос о необходимости анализа образовательной политики двух противоборствующих сторон, выраженной в том числе в учебниках истории. Существующие версии о состоянии системы образования на Украине не могут полностью удовлетворить мыслящего читателя и дать ответ на один простой вопрос, что случилось с молодым поколением соседнего государ-

ства. На наш взгляд, дать ответы на поставленные выше вопросы необходимо абстрагируясь от политических клише и с привлечением аппарата, предложенного П. Вирно. Мы можем впервые наблюдать вооруженный конфликт *множества* и *государства*.

Как мы уже отмечали выше, *множество* состоит из индивидов за спиной которых есть доиндивидуальная реальность (язык, доминирующие производственные отношения). Процесс индивидуации предполагает результат в виде индивидуума и может быть повторен многократно не являясь завершенным. Историческое сознание человека вместе с индивидуацией может быть многократно изменено. Единственной преградой для этого является доиндивидуальная реальность, которая не поддается переменам.

Подобный подход может вступать в противоречие с логикой, согласно которой историческое сознание можно сформировать, создав у человека иммунитет на долгое время. Сторонники этого подхода считают, что существуют уровни исторического сознания, которые предлагают не формальную ориентацию в исторических событиях и временах, а скорее социально-политическую ориентацию в изменяющихся общественных отношениях. Историческое сознание равно политическому. Базисная категория исторического создания - осознание времени. Существует еще категория осознания действительности (иммунная категория, которая помогает бороться с мифами, ложью и легендами). Еще одна категория – сознание изменений [2]. Расширяя возможности данного подхода, современная западная методология обучения истории предлагает новые уровни исторического сознания. Например, немецкий исследователь Барбара Ханке предлагает добавить в систему уровней осознание различий, осознание идентичности, осознание ценностей, которые соответствуют опыту сегодняшних европейских и американских школьников [3, с. 126–137].

Имплементация культуры и ценностей множества (в данном контексте – «разнообразия») в уроки истории набирает обороты как на страницах специализированных журналов, так и в практике преподавания истории. Петра Манкер отмечает:

«В последние годы и десятилетия на семинарские занятия повлияло множество импульсов: усиление роли ориентирования в компетенциях, взаимодействие с общепедагогическими изысканиями, особенно в части взгляда на глубинную структуру урока истории (управление классом, когнитивная активация и конструктивная поддержка как базовое измерение качества), работа с цифровыми ресурсами, а также вопросы внутренней дифференциации, индивидуализации и инклюзии. В широком понимании, инклюзия тесно взаимосвязана с мышлением о разнообразии» [4, с. 278].

Интересен и опыт реконструкции системы образования в Боснии и Герцеговине в 2005–2007 гг. Ее итоги отметила К. Киффер (образовательный директор миссии ОБСЕ):

«Реформа образования необходима для обеспечения того, чтобы идеологические проблемы которые подпитывали войну – идентичность, история, культура, язык, самоопределение, права личности и групп – уступили место новому этапу послевоенного укрепления доверия и примирения, в ходе которого постепенно развивается доступная система образования, приемлемая и эффективная

для всех граждан, независимо от их этнического происхождения или статуса» [1, с. 137].

Количественный анализ проведенной реформы показал, что реконструкция исторического знания и следование наставлениям по написанию школьных учебников, привели к существенному росту рефлексии над событиями прошлого в учебниках Боснии и Герцеговины. Но в отличие от сопредельных регионов, где подобная рефлексия позволила снизить и уровень враждебности, радикализации содержания, в Боснии и Герцеговине она привела к закреплению образа врага в образе определенной этнической группы [7].

Иной подход анализа исторического сознания в кризисных регионах мы можем предложить в рамках настоящей работы, используя инструментарий Паоло Вирно и концентрируясь на понятиях *множество* и *индивидуация*. Применение концепции индивидуации, когда на основе доиндивидуальной реальности мы можем получить сформированного индивида, вполне согласуется с принятыми нами подходами к формированию исторического самосознания. Но при этом он объясняет и дает ответ на поставленный нами в начале исследовательский вопрос о том, что случилось с молодым поколением соседнего государства и какими категориями сознания оперирует современная украинская историческая наука.

На Украине мы можем обнаружить *множество*, которое противопоставляется курсу консервативного *народа-государства* в России. Поэтому вооруженный конфликт происходит между государством и множеством. Стоит отметить, что подобные конфликты происходят на Украине не в первый раз. Упразднение Гетманщины (а по сути *множества* Правобережной и Левобережной Украины) *государством* – Российской Империей получает резко негативную оценку в современных учебниках истории Украины.

«В 1720 году Петр I упразднил функции Генерального военного суда. Усилилось проникновение московских властей в экономическую жизнь Гетманства, что фактически привело к разорению его экономики: украинские товары разрешалось вывозить только через балтийские порты Московии и не украинским купцам» [6, с. 154].

Во время Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) конфликт *множества* Западной Украины и *государства* – СССР привел к настоящему расколу и расхождениям в трактовке событий того противостояния. На этапе становления независимой Украины мы можем найти позицию государственников, которые трактовали эти события с позиции единой истории СССР. В 2004 г. П. Панченко в учебнике истории, изданном в Киеве, рассуждал об Украине как о «ключевом регионе Российской Империи» [9, с. 5], в учебнике С. Кульчицкого (2005–2011 гг.) уже появляются характерная для *множества* двойственность:

«Украинское общество было расколото. Рядом с советским подпольем и партизанами начинали борьбу националистические силы, особенно в западных областях Украины, которые выступали за создание независимой от нацистов и коммунистов Украинской державы» [10, с. 32].

Подобная двойственность в трактовке конфликта *множества* и *государства* была окончательно упразднена в 2014 г. после вооруженного переворота в Киеве и приходу к власти нового правительства. Колебание между стратегиями успоко-

ения, соотнесение общих мест и множеств потребовали гибридного подхода к освещению событий украинской истории. Идеологии страны-государства была противопоставлена идеология множеств, в том числе анонимизированных. В школьных курсах истории появились колаборанты, националисты и культы новых героев. В отличие от сдержанного признания «раскола» в учебнике О. Струкевич мы можем найти оправдание новой идеологии:

«Ради создания основы для будущей национальной армии украинские националисты сотрудничали с немецкими властями при создании батальонов «Нахтигаль», «Роланд», 14-й гренадерской дивизии «Галичина», Украинской национальной армии» [12, с. 201].

Стоит отметить, что учебники, изданные на востоке Украины, часто используют гибридное изложение новой идеологии множеств, совмеща старую и новую версию репрезентации событий.

«Партизанское движение было организовано украинскими националистами ОУН (Б) во время деятельности Украинской повстанческой армии (УПА). Это движение охватило всю территорию западной Украины, Подолья и Правобережья. УПА вела борьбу как против нацистов, так и против советской оккупации» [6, с. 249].

Затронув проблему анонимизации во множествах (когда мы не можем назвать конкретного индивидуума) обратим внимание на складывание особого языка в украинских учебниках истории. Борьба за новую Украину предполагает противопоставление *множества* и *государства*. Анонимизация происходит за счет использования обезличенных терминов и понятий с целью иллюстрации кризиса власти.

«Диктаторские черты режима В. Януковича усиливались. Сформировался узкий круг приближенных, который получил название «семья». Для выгоды «семьи» происходило фактическое разграбление государственного бюджета. Интересами государства пренебрегали в сторону России, которая все наглее выступала за обновление своего влияния на постсоветском пространстве» [6, с. 247].

Субъективность множества это постоянная индивидуация, рассеянность и любопытство. Поэтому слово «семья» содержит призыв к вниманию, попытке проявить любопытство, ведь любому человеку интересно, что происходит в окне напротив. Но это не единственные анонимные обозначения множеств на Украине. В обиход школьного образования пришли общие названия, дающие возможность множествам оставаться в газообразном состоянии (сепаратисты, правоохранители, активисты, наемники).

«Сепаратистские движения в Харькове и других городах были ликвидированы правоохранителями и активистами. На Донбассе под боком у сепаратистов, которые начали создание незаконные вооруженные формирования, появились вооруженные подразделения российских наемников. Так называемые ЛНР и ДНР возглавили руководители из России» [6, с. 247].

Одним из неопределенных самоназваний множества на западе Украины стали понятия «активист» и «волонтер». Лишенные индивидуализации они стали самими распространенными названиями составляющих их индивидуумов. Активистами называли участников протестных акций, политиков, видных обществен-

ных деятелей. Вот как презентует понятие «волонтер» автор учебника истории из Киева.

«Волонтерское движение – деятельность по обеспечению ресурсами украинских военных, которые с 2014 г. противостоят российской агрессии. Возникло стихийно с началом военного конфликта в Крыму и Донбассе. Поступательно обретая организационные формы стал сильным инструментом сдерживания агрессии, реформирования украинских войск и государственных институтов, формирования гражданского общества» [11, с. 218].

Столь обширная трактовка, относящая к волонтерской деятельности в том числе, реформирование государственных институтов коррелируется со стремлением множеств к динамике, к универсальному единству. Подобное широкое наделение активистов и волонтеров полномочиями позволяет анонимизировать их, создать у множества ощущения безнаказанности в борьбе с государством. Цинизм множеств проявляется и в трактовке понятия «добровольчество», которое обозначает военизированное, парамилитарное формирование.

«Одномоментно с этим российские войска и сепаратисты начали наступление на побережье Азовского моря на Мариуполь, но героическими усилиями добровольческого батальона «Азов» и других подразделений ВСУ были остановлены в пригородах» [11, с. 220].

Новая идеология должна была помочь при прохождении процесса индивидуации либо перезапустить его, ведь он предполагает результат в виде индивидуума, а сам процесс может быть повторен многократно и не является завершённым. Единственной преградой является доиндивидуальная реальность, которая не поддается переменам. И стоит признать, что на востоке и западе Украины различия в языке и доминирующих производственных отношениях должны были вступить в противоречие с попыткой создания нового единства для множества, ведь множество стремится к единому, чтобы определить его заново. Это стремление очень похоже на детское желание «переиграть» ситуацию и поддаться, чтобы не обидеть друга или оставить в игре более слабого противника за неимением выбора. К сожалению – это не так. Заглянем в учебник истории (базовый уровень) для среднеобразовательных школ изданный на востоке Украины (г. Харьков).

«После завершения Евро-2012 власть нанесла новый удар по оппозиции и украинской государственности. В начале июля Верховная Рада Украины приняла Закон об основах государственной языковой политики (т.н. закон «Кивалова-Колесниченко»), который фактически расширил сферу официального применения русского языка. В ответ на это собрался языковой Майдан» [6, с. 235].

Стоит отметить, что приведенная цитата, по нашему мнению, должна затрагивать саму основу индивидуации, ее стартовую точку – язык. Множества лишены географической границы и транслируют свою субъектность и эмоциональные тональности только в границах общего места, не конкретных регионов востока или запада.

«Евромайдан, Революция Достоинства и агрессия России стали поводом к активности на международной арене. Украинские общины в 70 странах мира присоединились к созданию новой Украины, ее защите от вооруженной агрессии. Как в Украине, так и за ее пределами активизировались волонтеры. Возник-

ли организации, которые помогали украинской армии, переселенцам и беженцам» [6, с. 235].

Стоит отметить, что для множества средства производства – это техника и процедуры коммуникации (Паоло Вирно даже использовал термин «общество спектакля») и стоит отметить, что премьера удалась. В мировых медиа мы слышим отголоски новой идеологии множества на Украине, а созданная система исторического образования очень профессионально реализует основные ее положения.

Учитывая данный факт, мы должны обратить внимание на те процессы, которые происходили с позиции многократного переформатирования исторического сознания молодого поколения в рамках процесса индивидуации. Множество стремится к единству, чтобы определить его заново. Единство для множества более универсальное, чем государство (например, сеть Интернет, надгосударственные институты, союзы и содружества). Стратегия на вступление *множества* во *множество* (Украины в ЕС), поиск и попытки интеграции в военно-политические блоки, безвизовое пространство – все это примеры нового, определенного множеством единства. Подобный распространяемый в историческом школьном образовании коллективный опыт, является не сферой, в которой растворяется индивидуум, а становится почвой для более последующей радикальной индивидуации.

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать ряд тезисов, которые могли бы стать основой для задач, связанных с послевоенной реконструкцией системы исторического образования на востоке Украины.

Должны быть интенсифицированы качественные и количественные исследования всех учебников и учебных пособий, изданных в Украине в период с 2014 по 2022 год для определения средств и методов индивидуации, используемых множествами для разрушения или искажения доиндивидуальной реальности. Необходимо пересмотреть подход к трактовке термина «историческое самосознание», выработать стратегии взаимодействия с множествами на востоке Украины с целью разработки новых учебников по истории, учитывающих современные геополитические реалии, возобновить работу совместных комиссий историков России и Украины, привлечь к этой работе студентов-историков.

Требуется изучить опыт миссии ОБСЕ в Боснии и Герцеговине с целью создания и законодательного закрепления руководящих принципов по написанию школьных учебников истории, обеспечить возможность доступа к учебникам на русском и украинском языке. При создании новых учебников необходимо деанонимизировать *множества* (активисты, волонтеры, добровольческие батальоны) и показать их роль в событиях новейшей истории Украины и в вооруженном конфликте на востоке Украины. Изучить деятельность некоммерческих организаций в сфере подготовки и издания школьных учебников истории.

Провести качественные и количественные исследования с привлечением алгоритмов машинного обучения с целью дать ответы на вопросы, связанные с реконструкцией системы образования после завершения специальной военной операции. Могут ли школьные учебники стать барометрами общественных настроений и политических взглядов? Какие показатели распознавания кризиса можно использовать для изучения текстов школьных учебников в рамках коли-

чественного и качественного анализа? Можно ли снизить социальную напряженность за счет гармонизации учебников и их визуального содержания? Влияет ли визуальный контент на формирование образов врага и других триггеров социальной и этнической напряженности? Какие способы противодействия искажению содержания учебников и распространению пропагандистских образов можно использовать при создании учебников авторскими коллективами? Можно ли создать этические стандарты для подготовки содержания школьных учебников в конфликтных регионах?

Решение указанных выше вопросов поможет пролить свет на роль множеств в формировании исторического сознания в конфликтных регионах.

Источники и литература

1. Black L. Manual for History Teachers in Bosnia and Herzegovina. Sarajevo. 2007. p. 137.
2. Geschichtsbewusstsein. Hans-Jürgen Pandel. Geschichtsdidaktik. Jg. 12. H. 2. Frankfurt / M. 1987. 113 - 213., см. также Goncharov V. Analyzing visual Communication in History Textbooks in the Context of the Reconstruction of educational Systems in Crisis Regions. 2022 / DOI: 10.13140/RG.2.2.12518.70723.
3. Hanke B. Dimensionen des Geschichtsbewusstseins 2.0 – ein Vorschlag. Zeitschrift für Didaktik der Gesellschaftswissenschaften, Jg.10. H. 1. Frankfurt / M. 2019. 126–137.
4. Manker P. Die Planung von Geschichtsunterricht in einer diversen Gesellschaft. Geschichte in Wissenschaft und Unterricht, 5–6. 2021. S. 278.
5. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / пер. с ит. А. Петровой; под ред. А. Пензина. Москва, 2013. 176 с.
6. Гісем О. Всесвітня історія (рівень стандарту): підруч. для 11 кл. Харків, 2018. 288 с.
7. Гончаров В. Реконструкция школьного исторического образования в посткризисных регионах: опыт Боснии и Герцеговины (1999–2008 г.). Преподавание истории в школе. Москва, 2022.
8. Кульчицкий С. Новітня історія України (1939–2001): підруч. для 10 кл. К., 2005. С. 32.
9. Паченко П. Історія України ХХ — початку ХХІ століття. К., 2004. С. 5.
10. Симондон Ж. О способе существования технических объектов / пер. М. Куртова // Транслит. № 9. 2011. С. 94–105.
11. Сорочинська Н. Історія України (рівень стандарту): підруч. для 11 кл. Тернопіль, 2019. С. 218.
12. Струкевич О. Історія України (рівень стандарту): підруч. для 10 кл. К., 2018. С. 201.

**TECHNOLOGIES OF COLLECTIVE INDIVIDUALIZATION
AND ANONIMIZATION OF “MULTITUDES” IN HISTORY TEXTBOOKS
IN CRISIS REGIONS**

© **Valery V. Goncharov**

Candidate of history, Associate Professor,
Research Fellowship, Leibniz Institute for Educational Media
(Marga und Kurt Möllgaard Foundation)
Germany, Vienna
doublevalery@yandex.ru

Abstract. The article examines the conflict between the *state* and the *multitude* within the framework of school history education. An analysis of modern school textbooks is given. Attention is drawn to the fact that in Ukraine we can find the construction of the *multitude* as a historically determined way of life of society, which is opposed to the course of the conservative *state* in Russia. The ideology of the *state* was contrasted with the ideology of *multitudes*, including anonymized ones. The new ideology of school history education in Ukraine was supposed to help the multitude as it went through the process of individuation. The experience of the study of school textbooks shows that the historical consciousness of the individual, along with individuation, can be changed many times. With the beginning of the special military operation of the Russian Federation in Ukraine the question of the need to analyze the educational policy of the two opposing sides, expressed including in history textbooks, came to the fore. The existing versions about the educational system in Ukraine cannot fully satisfy the thinking reader and answer one simple question, what happened to the young generation of the neighboring state. In our opinion, it is necessary to answer the above questions, abstracting from political clichés and using the apparatus proposed by Paolo Virno. For the first time we can observe an armed conflict between the *multitude* and the *state*.

Keywords: Ukraine; history textbooks; multitudes; individuation.

Научная статья
УДК 371.39

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИГРОВЫХ МЕТОДОВ
НА УРОКАХ ГУМАНИТАРНОГО ЦИКЛА КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ СО-
ЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ**

© Сидорова Татьяна Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
botkina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные способы использования игровых методов работы на уроках гуманитарного цикла. Автором доказывается эффективность использования игровых форм и методов работы в целях развития социальной активности обучающихся. Дается обобщенное понятие социальной активности личности, рассматриваются гибкие (мягкие) навыки как важные интегральные характеристики современного человека. Развитие гибких навыков, которые сопрягаются с социальной активностью, происходит наиболее продуктивно на уроках с применением игровых технологий. Автор рассматривает классификацию активных форм обучения, в частности ценность игровых методов работы. Приводятся примеры традиционных и компьютерных видов игр, которые могут быть использованы на уроках гуманитарного цикла: угадай деятеля по описанию, политический коллаж, правовая игра, «по законам Майнкрафт» и др.

Ключевые слова: социальная активность, активное обучение, игровые методы, воспитание, обучение, уроки гуманитарного цикла, обучающая игра, гибкие навыки, коммуникативные навыки.

*Игра – свобода личности в воображении,
«иллюзорная реализация нереализуемых интересов»
А. Н. Леонтьев*

Развитие современного общества в значительной степени зависит от уровня социальной активности граждан, от их гибкости, мобильности и умения ориентироваться в условиях неопределённости. Изменения, происходящие в политической и социально-экономической жизни, масштабные реформы, проводимые в России и в мире, диктуют требования к воспитанию социально активных личностей. Становление ребенка в качестве субъекта конкретного исторического процесса происходит в школьные годы и обеспечивается в процессе качественного взаимодействия между поколениями, в процессе обучения и воспитания.

Цель данной статьи – доказать эффективность развития социальной активности школьников с помощью различных игровых методов, которые могут применяться на уроках истории, обществознания, литературы и других дисциплинах гуманитарного цикла.

Обратимся к самому понятию «социальная активность», рассматриваемому в науке с разных точек зрения. И хотя этот термин прочно вошел в категориальный аппарат различных наук (философии, социологии, психологии, педагогики),

тракуется он весьма противоречиво. Так, В. С. Мухина в своих трудах рассматривает социальную активность в трех ипостасях: долженствование, мировоззрение и воля [1]. Опираясь на идеи системного подхода, Н. Н. Башаев определил социальную активность как высшую форму человеческой активности и как способность человека, изменяя окружающую действительность, действовать сознательно. Известный философ В. З. Коган дал определение социальной активности как атрибуту социального субъекта. Именно социальная активность, по мнению ученого, является основой всех социальных качеств личности, ее свойств и в целом социального бытия человека [2].

Мы будем понимать под социальной активностью *интегративное качество личности, а также целенаправленную, самостоятельную, инициативную деятельность личности, направленную на осознанное взаимодействие с социальной средой* [3]. При этом такая активность проявляется как способность не только приспосабливаться к внешним условиям среды, но и изменять ее, то есть приспособлять среду к своим интересам, в результате чего меняется как действительность, так и сама личность.

Современная наука от термина социальная активность все чаще переходит к понятию *softskills* (мягкие навыки), среди которых выделяют коммуникативные и креативные навыки, навыки самоорганизации, стрессоустойчивость, умение работать с информацией, эмоциональный интеллект и ряд других навыков. Для нашего исследования крайне важно обратить внимание на коммуникативные навыки, адаптивность и умение работать в команде, так как от развития именно данных умений и навыков зависит успешное развитие социальной активности школьников, успешная социализация, а также самоорганизация и саморазвитие [4].

Мягкие или гибкие навыки не развиваются сами по себе, необходима целенаправленная работа педагогов и родителей по их формированию. И чем раньше начнется такая работа, тем лучше. В образовательный процесс каждой школы сегодня необходимо включать использование активных форм обучения.

Активное обучение далеко не новый феномен в современной педагогике: еще в античном мире рассматривали проблему активности ученика в процессе учения. Затем Я. М. Коменский, Ж. Ж. Руссо, К. Д. Ушинский и др. высказывали идеи и описывали в своих трудах различные способы активизации учащихся. Но только в 80-х годах 20 века, благодаря распространению игровых методов в советской педагогике, активное обучение пережило взлет популярности. В настоящее время использование игровых методов на уроках является обязательным условием успешного освоения различных знаний, овладения умениями и навыками.

Активное обучение предполагает постоянное взаимодействие учителя с учеником с использованием таких форм, которые обеспечивали бы реализацию внутреннего механизма саморазвития обучающихся, тем самым, повышая качество учения и контроль самостоятельной работы учащихся. **Целью активного обучения** является развитие коммуникативных, управленческих навыков учащихся, формирование у учеников таких качеств, как терпимость, уважение к иному, отличающемуся от своего мнению, развитие мотивации ученика к изучению нового.

Умелое применение активных методов обучения зависит не только от профессиональных знаний, ораторских способностей педагога, но и от его творческого потенциала, богатой фантазии, креативности, а также умения моделировать различные ситуации, в которых у учащихся появляется возможность принятия решений. В педагогических вузах преподаватели нацелены не просто на общее ознакомление студентов с проблемой использования активных методов обучения в школе, а в большей степени на применение этих методов на семинарских занятиях, в ходе педагогической практики и т. д.

Однако стоит отметить, что проблема активности личности в обучении, в том числе самих студентов (будущих педагогов), – одна из самых актуальных как в психолого-педагогической науке, так и в образовательной практике. Данная проблема требует принципиального осмысления важнейших элементов обучения (содержания, форм, методов) и утверждает в мысли, что стратегическим направлением активизации обучения является *не увеличение объема передаваемой информации, не усиление и увеличение числа контрольных работ, а создание дидактических и психологических условий осмысленности учения, включения в него учащегося на уровне не только интеллектуальной, но личностной и социальной активности*. Наиболее удачный результат показывают применение игровых методов в процессе обучения, хотя методов и форм активной работы существует множество.

Например, психолог Ю. Н. Емельянов все активные групповые методы делит на три блока:

а) дискуссионные (групповая дискуссия, разбор казусов из практики, анализ ситуаций морального выбора и др.);

б) игровые: дидактические и творческие игры, в том числе деловые (управленческие) игры, ролевые игры (поведенческое научение, игровая психотерапия, психодраматическая коррекция); контригра (трансактный метод осознания коммуникативного поведения);

в) сенситивный тренинг (тренировка межличностной чувствительности и восприятия себя как психофизического единства) [5]. Другой известный психолог-практик С. В. Петрушин предлагает основные методы активного социально-психологического обучения подразделять по основным направлениям психологии и выделяет тренинг-группы, группы встреч, психодраму, гештальт-терапию.

В педагогике принято объединять основные групповые активные методы обучения в четыре группы: дискуссионные, тренинговые, игровые и рейтинговые. Среди игровых методов традиционно выделяют деловые, организационно-деятельностные, имитационные, ролевые игры, психодраму, социодраму и др. Если учитель не «превращает» весь урок в игру, то в разных ситуациях может использовать несколько важнейших элементов игры: игровые ситуации, роли в активном проигрывании, реконструкции реальных событий и т. п.). Так или иначе, игры или их элементы направлены на приобретение нового опыта, недоступного школьнику по тем или иным причинам.

Каждый педагог стремится сделать свое занятие интересным и увлекательным, игры же помогают поддерживать интерес к предмету, и особенно элементы игры удачно использовать на начальном этапе урока. Факторы, которые сопровождают игру, – *интерес, чувство удовлетворения, радости* – облегчают обуче-

ние. На уроках гуманитарного цикла игры могут применяться с различными целями. Например, на уроках иностранного языка, игра является средством активизации лексического и грамматического материала. Разыгрывание различных коммуникативных ситуаций позволяет учащимся закрепить новые слова и отработать грамматический навык. Реконструкция исторических событий актуальна для уроков истории и литературы, а разыгрывание кейс-ситуаций – для обществознания. Формы уроков с применением различных активных методов обучения безграничны: уроки-пресс-конференции, уроки-экскурсии, уроки-наоборот, уроки-суды, уроки-расследования, уроки-мечты и др. Ограничить их может только фантазия и креативность самого педагога. С помощью игр можно и нужно развивать умения и навыки всех видов деятельности.

На наш взгляд, в любой вид деятельности на уроке можно внести элемент игры, и тогда даже самое скучное занятие приобретет увлекательную форму. Однако используя игры на уроках, важно «не заиграться», а помнить о некоторых *правилах использования игрового метода*:

- выбор формы игры должен быть педагогически и дидактически обоснован,
- в процесс игры важно задействовать возможно большее количество учеников,
- игра должна соответствовать возможностям учащихся и учитывать их возрастные особенности.

- игра базируется на уже изученном материале,
- игровые методы необходимо применять в меру, целесообразно и планомерно [6].

Ценность игровой деятельности заключается в том, что она учитывает психолого-педагогическую природу ребенка, отвечает его потребностям и интересам. Игра интересна даже старшим школьникам, ведь по своей сути игра – это проявление желания действовать. Самоценность игры состоит в том, что она проходит не под давлением жизненной необходимости, дети включаются в нее добровольно и участвуют с интересом, если эта игра правильно организована и педагог сумел мотивировать учащихся.

Приведем несколько примеров использования игровых методов на уроках гуманитарного цикла.

Игра «Узнай известного философа / исторического персонажа / литературного героя по описанию»

Педагог озвучивает описание внешности известной личности или его деятельности. Задача ребят – узнать по описанию известную личность или соотнести описание с портретом. Например, изучая на уроках античную философию можно предложить такие описания:

Один из величайших философов Древней Греции. При жизни не сделал ни одной записи и считал, что при письме слова теряют смысл. Поэтому выступал только устно. Все его изречения сохранились только благодаря его ученикам и единомышленникам. Они записывали его слова кратко, другие создавали целые сборники (Сократ).

Древнегреческий математик философ религиозный и политический деятель из Самоса. Ученый создал свою собственную религиозно- философскую школу. Он никогда ничего не записывал и своим ученикам не разрешал, поэтому рассказ

о его жизни сложен из мифов. Геродот называл этого человека «величайшим эллинским мудрецом» (Пифагор).

В качестве задания на дом можно предложить учащимся самим составить такие загадки-описания.

Игра «Политический коллаж»

Учащиеся разбиваются на группы и готовят материал о государственных деятелях или о конкретном историческом периоде. Задача ребят – составить политический коллаж (можно использовать фотографии, вырезки из газет, рисунки и т.д., можно выполнить коллаж в любом графическом редакторе и продемонстрировать на экране) и провести публичную защиту. Задача остальных групп – по коллажу догадаться, о каком историческом периоде или персонаже идет речь.

Правовая игра «Надо жить по закону»

На уроке учитель демонстрирует фрагмент фильма или мультфильма (например, «Летучий корабль», «Чучело», «Заюшкина избушка», «Теремок», «Вершки и корешки», «Аленький цветочек» и т.д.). Далее ребятам в классе предлагается разделить на две группы: прокуроры и адвокаты. Прокурорам дается примерно такое задание – квалифицировать действия мульт-персонажа (например, Полкана из мультфильма «Летучий корабль» в соответствии с Уголовным кодексом РФ). Адвокатам дается противоположное задание – обосновать позицию защиты Полкана. Учащимся выдается Уголовный кодекс РФ, они должны подготовить выступление, выбрать главного прокурора, подготовить защиту и участвовать в прении сторон.

В ходе такой игры школьники не просто учатся анализировать жизненный и юридический казус, они осознают необходимость умения работать с нормативными документами, учатся работать в группе, слушать партнера, вести обсуждение, а также выступать публично и формулировать собственное мнение. Для большего вовлечения в игру возможно выбрать судей, присяжных заседателей, секретарей судебного заседания и приставов-исполнителей.

Подобные игры можно провести и на уроках истории, литературы, иностранных языков и др. Причем задания дети могут придумать сами, как и подобрать мультфильм к просмотру или произведение к прочтению.

Игра «По законам Майкрафт»

Современным детям ближе компьютерные игры, чем реальные, поэтому в учебном процессе смело можно использовать интернет-игры. Например, всем известная игра «Майнкрафт», в которой перед игроком не ставится каких-либо конкретных целей, а предлагается свобода действий, может быть использована в качестве игровой «платформы» для любого учебного предмета. Например, на уроке истории ученикам предложить сконструировать собственный мир 18 века, а на уроках обществознания – написать законы виртуального мира. Используя режим «творчество», дети могут придумать концовку любого литературного произведения, а в режиме «выживание» ученику нужно самому добывать полезные ископаемые.

Игровые методы являются важным условием современного образовательного процесса, так как не только способствуют развитию познавательных интересов и активизации деятельности учащихся, но и выполняют другие функции:

- 1) правильно организованная игра развивает внимание, тренирует память, помогает учащимся выработать коммуникативные умения и навыки;
- 2) игра стимулирует умственную деятельность учащихся, развивает эмоциональный интеллект, а также познавательный интерес к предмету;
- 3) игра – главный приём преодоления пассивности учеников;
- 4) групповые игры развивают организаторские навыки учащихся, в составе команды каждый ученик несёт ответственность за весь коллектив, каждый заинтересован в лучшем результате своей команды, каждый стремится как можно быстрее и успешнее справиться с заданием.

Традиционные игры должны дополняться сегодня современными компьютерными играми. Различные игры-приложения, устанавливаемые детьми на смартфоны, могут стать основой для оффлайн-игры прямо на уроке. Дети зарабатывают «очки», «бонусы» и «кубки», переходят на следующий уровень и урок для них становится увлекательной игрой, при этом игра по-прежнему остается обучающей и познавательной.

Источники и литература

1. Мухина В. С. Возрастная психология. Феноменология развития. ИЦ «Академия», 2006. 608 с.
2. Коган В. З. Общественная активность личности как социально-психологическая проблема: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 1970. 22 с.
3. Активные методы обучения: учебное пособие / под ред. Б. З. Зельдович, Н. М. Сперанской. Москва, 2020. 246 с.
4. Сидорова Т. В. Ребенок как субъект самовоспитания: с понимания себя начинается понимание мира // Воспитание школьников. 2017. № 2. С. 3–13.
5. Емельянов Ю. Н. Активное социально-психологическое обучение. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1985. 167 с.
6. Шиян Г. А. Активные методы обучения в школе как инструмент реализации деятельностного подхода // Образовательная среда сегодня: теория и практика: сборник материалов X Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2019. С. 39–42.

**USING OF GAME METHODS ON THE LESSONS OF THE HUMANITARIAN
CYCLE AS A WAY TO DEVELOP THE SOCIAL ACTIVITY
OF SCHOOL CHILDREN**

© **Tatiana V. Sidorova**

Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
670000, Russia, Ulan-Ude, Ranzhurov St., 6
botkina@yandex.ru

Abstract. The article discusses various ways of using game methods of work on the lessons of the humanitarian cycle. The author proves the effectiveness of using of game forms and methods of work in order to develop the social activity of students. A generalized concept of the social activity of the personality is given, soft skills are considered as important integral skills of a modern person. The development of soft skills that are asso-

ciated with social activity occurs most productively in lessons using gaming technologies. The author considers the classification of active forms of learning, in particular, considers the value of game methods of work. Examples of traditional and computer games that can be used in the lessons of the humanitarian cycle are given: recognize the figure by description, political collage, legal game, “according to the laws of Minecraft”, etc.

Keywords: social activity; active learning; game methods; upbringing; education; lessons of the humanitarian cycle; educational game; soft skills; communication skills.

Научная статья
УДК 377(091)(571.54)

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БУРЯТИИ В 1950-1960-е гг.¹

© Чистогашева Альбина Андреевна

студентка,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

chistogashevaalba@gmail.com

Аннотация. В работе представлена характеристика системы профессионального образования в Бурятии. Особое внимание уделено вопросам становления и развития высших учебных заведений. Затронуты вопросы подготовки педагогических, технических и сельскохозяйственных кадров. Показана взаимосвязь развития народнохозяйственного комплекса и системы профессионального образования региона.

Ключевые слова: образование; кадровая подготовка; история образовательной системы; интеллигенция; профессиональное образование.

Проблемы истории формирования и развития системы профессионального образования в Бурятии всегда вызывали интерес исследователей. Изучением данной проблематики занимались И. Х. Бальхаева, И. А. Батудаев, Б. Б. Батуев, А. В. Бильтрикова, С. А. Максанов, С. Г. Дугаров и др. [1; 2; 3; 4; 5]. На широкой эмпирической базе, включавшей архивные документы, статистические данные, материалы печати, были показаны основные этапы формирования общеобразовательной школы Бурятии, среднего специального и высшего образования. Авторы делали выводы, что Бурятия до Октябрьской революции была отсталым регионом, но именно за годы Советской власти республиканская система образования осуществила качественный скачок, превратившись в одну из передовых в регионе. В данной работе рассмотрены особенности развития высшего и среднего профессионального образования в Бурятии в период 1950–1960-х гг.

В послевоенные годы перед правительством Бурят-Монгольской АССР стояла важная задача возрождения и дальнейшего развития профессионального образования. В течение 1945–1950 гг. резко возросла численность обучающихся в высших и средних специальных учебных заведениях. В 1955 г. в Улан-Удэ было два высших учебных заведения и 16 средних специальных учебных заведений, численность студентов составляла более 9 тыс. человек. По данным переписи населения 1959 г. грамотность населения республики в возрасте 9–49 лет поднялась до 97,5 % [3, с. 126]. Это привело к тому, что потребовались новые средние специальные учебные заведения.

В 1936 г. при Бурятском педагогическом институте был открыт учительский институт с двухгодичной программой подготовки, который просуществовал вплоть до 1955 г., подготовив большое количество учителей для школ республик.

¹ Научный руководитель: Шойдонова Алтына Мункожаргаловна, кандидат исторических наук, доцент

В дальнейшем был осуществлен переход к подготовке учителей широкого профиля с пятилетним сроком обучения. В 1960 г. открылся факультет физического воспитания, в 1963 г. на базе отделения иностранных языков начал работу факультет иностранных языков с тремя отделениями – немецким, английским, французским.

Расширилась и укрепилась материально-техническая база института. В 1950 г. были построены новые учебный корпус и общежитие, увеличилось количество студентов. В 1965 г. были построены главный корпус вуза, три студенческих общежития, спортивно-оздоровительный лагерь на Щучьем озере.

Бурятский сельскохозяйственный институт также переживал в эти годы реорганизацию. В 1961 г. был открыт факультет механизации сельского хозяйства, обеспечив потребности инженеров-механиков в колхозах и совхозах. В следующем году распахнул свои двери для студентов экономический факультет с двумя отделениями. К 1960 г. количество поступивших студентов составляло примерно 600 человек.

Подготовка специалистов с высшим образованием в Сибири по сравнению с западной частью России отставала от темпов развития народного хозяйства и культуры. В начале 1960-х гг. были проведены изменения в размещении учебных заведений по союзным, автономным республикам и экономическим районам страны. Так, с ростом потребности в квалифицированных кадрах специалистов в республике открываются Восточно-Сибирский институт культуры (1960) и Восточно-Сибирский технологический институт (1962). Два новых вуза должны готовить специалистов для народного хозяйства всего Восточно-Сибирского региона.

Восточно-Сибирский институт культуры был единственным вузом данного профиля, который располагался к востоку от Урала. Первоначально ВСГИК имел два факультета – библиотечный и культурно-просветительский. На библиотечном факультете готовились кадры библиотекарей для массовых, научных, детских библиотек. На факультете культурно-просветительской работы велось обучение на народные инструменты, театральное мастерство и хоровое дирижирование. Чуть позже появились новые специальности, такие как режиссер массовых предприятий, руководитель-хореограф, руководитель любительской кинофотостудии и т.д. Первый выпуск студентов состоялся в 1965 г.: 81 человек на библиотечном факультете, 66 человек на факультете культурно-просветительской работе.

Промышленность Бурятской АССР к 1960 г. насчитывала 235 предприятий из 25 различных отраслей. Однако уровень подготовки технических специалистов было низким. По статистике в 1959 г. на промышленных предприятиях республики имели высшее образование 14,6 %, среднее специальное – 35,8 %, практиков – 49,6 %. Организация центра высшего технического образования ВСТИ стала одним из приоритетов правительства. ВСТИ имел такие специальности, как машина и аппараты легкой промышленности, машина и аппараты пищевых производств, электроснабжение предприятий и т.д. На первых порах в нем обучалось примерно 600 студентов [3, с. 126–127].

На фоне роста образования у трудящихся повысилась производственно-техническая квалификация. За послевоенные годы учебными заведениями про-

фессионально-технического образования Бурятии было подготовлено 27,7 тыс. квалифицированных рабочих [4, с. 169–170].

В 1958 г. в республике работало свыше 20 тыс. специалистов с высшим и средним специальным образованием, что в четыре раза выше по сравнению с довоенным периодом. Изменился структурный состав интеллигенции, в котором большую долю специалистов составляли инженерно-технические работники, численность которых достигала 5 тыс. [3, с. 125]. В Бурятской АССР в 1962 г. насчитывалось 665 научных и научно-педагогических работников, из них 113 (28,9 %) имели ученую степень и звание, в том числе пять человек – доктора наук [4, с. 168].

Значительное развитие получила сеть средних специальных учебных заведений. В 1945 г. в республике было девять техникумов, в которых обучалось 2293 учащихся. В 1962–1963 гг. их число достигает 18, а число учащихся в них студентов – 10647 [5, с. 171]. В профессионально-технических училищах осуществлялась подготовка квалифицированных кадров. К числу старейших относились Улан-Удэнский техникум железнодорожного транспорта, кооперативный техникум, медицинское училище. Специалистов для сельского хозяйства готовили Улан-Удэнский техникум им. М. Н. Ербанова, Кяхтинский сельскохозяйственный техникум, Улан-Удэнская советско-партийная школа.

Таким образом, система профессионального образования Бурятии отражала поступательные изменения в народном хозяйстве республики и региона в целом. Четыре вуза в республике в данный период имели не только республиканское, но и общесибирское значение. На начало 1962-1963 учебного года во всех четырех институтах обучалось 7606 студентов. Средние специальные учебные заведения республики выполняли важные задачи по подготовке специалистов для народного хозяйства и культуры.

Источники и литература

1. Бальхаева И. Х. Роль вузов Бурятии в подготовке интеллигенции (1960–1985 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1999. С. 113–123.
2. Бильтрикова А. В. Бурятская национальная интеллигенция на современном этапе. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 89 с.
3. Максанов С. А, Санжиева Е. Г. Культурная революция в Бурятии: основные этапы и итоги. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1985. С. 125–158.
4. Батудаев И. А. Развитие советской высшей школы Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1985. С. 168–180.
5. Батуев Б. Б. Развитие высшего и среднего специального образования. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. С. 166–180.

**DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL EDUCATION SYSTEM
IN BURYATIA DURING THE 1950-1960s**

© **Albina A. Chistogasheva**

Student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

24a Smolin St., Ulan-Ude 670000, Russia

chistogashevaalba@gmail.com

Abstract. The author made an attempt to characterize the system of vocational education in Buryatia. Particular attention is paid to the formation and development of higher educational institutions. The issues of training pedagogical, technical and agricultural personnel were touched upon. The relationship between the development of the national economic complex and the system of professional education in the region is shown.

Keywords: education; personnel training; history of the educational system; intelligentsia; vocational education.

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|------------------|---|
| Предисловие..... | 3 |
|------------------|---|

ПРОБЛЕМЫ ТЮРКОЛОГИИ, МОНГОЛОВЕДЕНИЯ И БУРЯТОВЕДЕНИЯ В РЕГИОНАЛЬНОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

| | |
|---|----|
| <i>Шагдурова И. Н.</i> Роль селенгинской степной думы в хозяйственном и культурном развитии бурят..... | 5 |
| <i>Кайруллина А. К., Баталов К. К.</i> Исторические условия и особенности формирования Баянаульского внешнего округа..... | 12 |
| <i>Хантакова Е. Н., Ангархаев Б. Б.</i> Этнографическая экспедиция М. Н. Хангалова по Иркутской губернии в 1910–1911 гг..... | 17 |
| <i>Санжитова О. Г.</i> Истоки жанра анекдота в бурятском фольклоре..... | 22 |
| <i>Алёйкина К. В.</i> Отражение религиозных верований народов Центральной Азии в материалах экспедиций Н. М. Пржевальского..... | 27 |
| <i>Бадмаев В. Г.</i> История экономического сотрудничества России и Монголии 1911–1925 гг..... | 32 |
| <i>Галданов Г. А.</i> Экономическое сотрудничество МНР и СССР в 1970–1980-е гг..... | 39 |

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

| | |
|--|----|
| <i>Дукенбаева З. О.</i> Казахстан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг..... | 44 |
| <i>Нукина А. С.</i> Трудовой подвиг карагандинцев во имя Великой Победы..... | 50 |
| <i>Жимбуева О. В.</i> Американская журналистка Анна Луиза Стронг о вкладе в Победу советских крестьян (1941–1945 гг.)..... | 56 |
| <i>Айдарова А. С.</i> Воспоминания женщин Казахстана о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг..... | 61 |
| <i>Яковлев А. А.</i> Иностранцы в РККА в годы Великой Отечественной войны..... | 67 |

СОВРЕМЕННАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

| | |
|--|----|
| <i>Боронова М. М.</i> Республика Бурятия в свете рыночных модернизаций постсоветского периода..... | 73 |
| <i>Цырендашиев Ж. Ж.</i> Особенности формирования идентичности новых городов Бурятии в 1950–1980-е гг..... | 77 |
| <i>Иванов С. О.</i> Баунтовский эвенкийский район: проблемы развития северных территорий Республики Бурятия..... | 82 |
| <i>Ринчинова А. Ц.</i> Герои времени: Э. Д. Дагбаев об исторической судьбе бурятского народа..... | 89 |

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

| | |
|---|-----|
| <i>Тугужекова А. Н.</i> Опыт исследования региональной истории в Хакасии (1991–2021)..... | 92 |
| <i>Максютов А. Э.</i> Историческая память о декабристах в Бурятии: трансформация научного нарратива начала XX в..... | 95 |
| <i>Ракитин С. В.</i> Вклад М. И. Богдановича в историографию русско-французских отношений 1801–1811 гг..... | 101 |
| <i>Тармакова А. Ж.</i> Фольклор бурят в научном наследии члена ТКО ПО ИРГО Я. С. Смолева..... | 109 |
| <i>Афанасова Е. Н.</i> Материалы Государственного архива Республики Бурятия об охране материнства и детства в БМАССР (1920–1930-е гг.)..... | 117 |
| <i>Дроботушенко Е. В.</i> Источники по истории православия в Забайкалье в послевоенное советское время в фондах Государственного архива Российской Федерации..... | 122 |
| <i>Байкалов Н. С.</i> История строительства БАМа в документах отечественных архивов..... | 127 |

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

| | |
|--|-----|
| <i>Шойдонова А. М.</i> Исторический факультет Бурятского государственного университета в деле патриотического воспитания подрастающего поколения | 138 |
| <i>Гончаров В. В.</i> Технологии коллективной индивидуации и анонимизации «множеств» в учебниках истории в кризисных регионах..... | 144 |
| <i>Сидорова Т. В.</i> Использование игровых методов на уроках гуманитарного цикла как способ развития социальной активности школьников..... | 152 |
| <i>Чистогашева А. А.</i> Развитие профессионального образования в Бурятии в 1950–1960-е гг..... | 159 |

Научное издание

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

*Материалы международной научно-практической конференции
«II Январские исторические чтения, посвященные памяти
Юрия Петровича Шагдурова»*

(Улан-Удэ, 20 января 2022 г.)

Научный редактор
Н. С. Байкалов, кандидат исторических наук, доцент

Текст печатается
в авторской редакции

Дизайн обложки
А. Б. Дашиевой

Компьютерная верстка
Т. И. Гармаевой

Свидетельство государственной регистрации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 30.11.22. Формат 70x108 1/16
Уч.-изд. л. 12,09. Усл. печ. л. 14,53. Тираж 100. Заказ 165.
Цена свободная

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
gio@bsu.ru

Отпечатано в типографии
Издательства Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а